

«Россия, встань и возвышайся!»

В Музее Пушкина на Пречистенке прошёл вечер памяти великого поэта.

СТР. 11

Чужаки и родичи

Существует ли тамбовская или орловская литература – или единая в бесконечном многообразии русская литература с писателями, родившимися и живущими в разных регионах и даже странах? Можно ли стать большим русским поэтом, не любя народ и страну, давшие поэту имя и язык? Эти и другие острые вопросы обсуждаются в рамках новой дискуссии «ЛГ» – «Родное – чужое – вселенское».

СТР. 5

На страницы газеты возвращается проект, в котором будет рассказываться о культурных событиях и деятелях города на Неве.

СТР. 6

12 рассерженных режиссёров

Мы завершаем цикл интервью с российскими кинорежиссёрами о болезненных проблемах отечественного кино. Рассерженных кинематографистов оказалось значительно больше дюжины. А значит, к поднятым ими вопросам мы обязательно вернёмся.

СТР. 9

• Издание книг и их реализация

• Набор, верстка, корректура и редакция книг

• Публикация прозы и поэзии в журналах «Литературная столица», «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник»

ИЗДАТЕЛЬСТВО СПУТНИК

Всё это предлагает вам издательство «СПУТНИК+»

109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А

www.sputnikplus.ru

E-mail: sputnikplus2000@mail.ru

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 19 053 человека. Заходите!

9 1770233430004 13006

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLN; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,5 €; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

СКОРБНАЯ ПОМОЩЬ

РИА «Новости»

Нам страшно жить. Страшно потерять работу, лишиться дома, страшно заболеть и страшно состариться. Но ведь эти страхи были всегда. И в застойные советские годы будущее почему-то так не пугало. Может быть, потому, что знали – что бы ни случилось, с сумой по миру не пойдём?

Сегодня мы все – свободны и живём, как следует из ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации, в социальном государстве, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В стране, где «охраняются труд и здоровье... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых людей» и где, как показывают последние разоблачения высокопоставленных чиновников, даже государевы мужи в эту поддержку не верят и стараются нахапать как

можно больше. Здесь и сейчас, потому что завтра руку помощи никто может и не протянуть.

В марте в Госдуму должен поступить готовящийся Минтрудом законопроект «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Вводятся индивидуальный подход к оказанию услуг, социальное сопровождение граждан и профилактика трудной жизненной ситуации. Во время обсуждения законопроекта в правительство поступило более тысячи поправок, и, по мнению экспертов, он, несомненно, лучше действующего. Однако главный вопрос остался нерешённым.

Объём помощи, который будет предоставляться бесплатно, и стоимость услуг, за которые придётся платить, не определены, их будут рассчитывать субъекты Федерации. И живущие в депрессивных регионах инвалиды и ветераны опасаются,

что государственная помощь может оказаться мизерной, скорбной. Не без оснований.

Ведь для того, чтобы у государства были деньги на социальную политику, обеспечивающую достойную жизнь всем гражданам, ему придётся у некоторых граждан всё же что-то отнять. Мы же пытаемся впрячь в одну телегу коня и трепетную лань: и ослабить социальное неравенство, и сохранить плоскую шкалу налогообложения. И создать сильное государство, и обеспечить всем полную свободу, как объявлено в «Манифесте российского политического либерализма», родившемся на днях в недрах партии власти. Той партии, которая победила на выборах как раз благодаря своей государственнической, социальной позиции.

Продолжение темы на стр. 14

КНИГА НЕДЕЛИ

Александр Пушкин.
Евгений Онегин. – СПб.: Вита Нова, 2013. – 688 с., ил. – 1000 экз.

Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить.

А.С. Пушкин

Подарочный семисотстраничный «Евгений Онегин», выпущенный издательством «Вита Нова», солидно красив. Текст великого романа сопровождается лаконичные силуэты Василия Гельмерсена – они появились сто лет назад и не только попали в число лучших иллюстраций к «Евгению Онегину», чуждому акварельной пасторали, но стали самостоятельным предметом исследования (притом что долгое время была известна лишь часть этих виртуозных работ).

Не менее интересен подробный комментарий доктора филологических наук, ведущего сотрудника Пушкинского Дома Вадима Старка, написанный для этого издания. История создания романа предстаёт перед читателем в двух ипостасях: в развёрнутой статье учёного – и в живой переписке Пушкина с Вяземским, Жуковским, Рылеевым, Соболевским, братом Львом... В сентябре 1827 года редактор Плетнёв писал Пушкину: «Ты отвечаешь публике в припадке каприза: вот вам «Цыганы»; покупайте их! А публика, назло тебе, не хочет их покупать и ждёт «Онегина», да, «Онегина». Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги-то ведь у публики...».

Пушкин сдался публике – и победил её: эффект от выхода романа получился колоссальный; достаточно сказать, что одним этим блестящим литературным жестом поэт защитил нарождающийся «метафизический» пласт русского языка, полный галлицизмов, – и одновременно весьма поощрил самобытную русскую письменную речь, которая тогдашней дворянской молодёжи была непривычна. Стихи были признаны превосходными, и не в наше время, но уже тогда роман, явленный читателю в столь своеобразной форме, сделался энциклопедией русской жизни.

Помимо авторитетного и внятного, прекрасно написанного комментария, представленное издание содержит историю иллюстраций к «Евгению Онегину» (начиная с автоиллюстраций), исследования по внутренней хронологии и языку романа.

10 февраля – День памяти А.С. Пушкина.
Продолжение темы на стр. 4, 11, 15

КЛУБ-206

ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВ

На днях в редакции «Литературной газеты» побывал наместник московского Сретенского ставропигиального мужского монастыря, ректор Сретенской духовной семинарии, член Совета по культуре и искусству при президенте Российской Федерации архимандрит Тихон Шевкунов.

А ещё отец Тихон – автор получившего премию «Золотой орёл» фильма «Гибель империи. Византийский урок» и нашумевшей книги «Несвятые святые», ставшей бестселлером.

На встрече в редакции речь шла о вере и неверии, о роли литературы и искусства в формировании непредвзвзтого взгляда на историю отечества, об отсутствии героев в нашей нынешней жизни.

Подробный отчёт о встрече – в одном из следующих номеров.

Людмила МАЗУРОВА

СКАНДАЛ

Диссертации – липовые, миллионы – подлинные

День российской науки, который страна отметила 8 февраля, ознаменовался в этом году не только солидными президентскими премиями молодым учёным, но и не менее солидными скандалами. Накануне председатель правительства Медведев заявил, что у нас «количество липовых кандидатов и докторов наук зашкаливает за все возможные пределы», а двумя днями раньше был задержан руководитель Высшей аттестационной комиссии (ВАК), доктор наук Феликс Шамхалов. Правда, не за производство «лип», поставленное на поток.

Феликс Иммирасланович сделал прямо-таки феерическую карьеру. Через 9 лет после окончания Московского коммерческого университета стал членом-корреспондентом Российской академии наук, ещё через три с половиной года, в 2007-м, – заместителем руководителя Рособнадзора и главным учёным секретарём ВАК. В августе прошлого года, уже в ранге дирек-

тора Департамента подготовки и аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки, экономист Феликс Шамхалов возглавил и ВАК. То есть начал и руководить Высшей аттестационной комиссией, и контролировать её работу.

К этому времени ВАК, как независимый эксперт, уже потерял свои главные функции. В начале прошлого года право присуждать учёные степени было передано диссертационным советам вузов и введён срок давности. Через три года, даже если в научном труде обнаружится откровенный плагиат, лишить его автора звания кандидата или доктора теперь невозможно.

Когда принимались эти положения, ведущие учёные предупреждали: нас захлестнёт поток халтуры, а позволенные ВАКу выборочные проверки работ соискателей только откроют безбрежные перспективы для коррупции. Академиков не услышали – и вот итог.

В конце января специально созданная Минобрнауки комиссия из историков провела проверку работы диссертационного совета Московского государственного педагогического университета. В поле зрения попали 19 кандидатских и 6 докторских диссертаций. В 24 авторефератах из 25 в перечне трудов диссертантов указывались несуществующие научные статьи, а в семи диссертациях, которые комиссия проверила на плагиат, заимствования доходили до 87%.

Среди уличённых в фальсификациях помимо педагогов, чьё стремление получить звание с учётом надбавок за него и намекающегося перехода учебных вузов к научной деятельности хоть как-то объяснимо, чиновники и даже руководитель аппарата уполномоченного по правам человека одного из регионов.

Учёное звание у нас уже давно начало превращаться в элемент престижа, и кандидат наук, который, вместо того чтобы корпеть

над исследованиями, пишет доклады в каком-нибудь ведомстве и потом превращает их в докторские диссертации, уже никого не удивляет. Как не удивили главу Минобрнауки, при котором роль ВАКа была сведена на нет, Андрея Фурсенко результаты работы комиссии. Дело о массовой фальсификации диссертаций, на его взгляд, свидетельствует не о слабости аттестации, а о её достоинствах. И к Шамхалову, арестованному за хищение 350 миллионов кредитных средств, у него претензий нет.

В январе на совещании в Ставрополе нынешний министр образования и науки Дмитрий Ливанов сделал парадоксальное заявление. «Я себя, – сказал он, – специалистом в сфере высшего образования не считаю». Может быть, в этом и проблема? Именно поэтому мы теперь и в области науки далеко уже не впереди планеты всей.

ОЧЕВИДЕЦ

Фритрейдеры и протекционисты

Протекционизм — это политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции с помощью системы определённых ограничений.
Фритрейдерство (англ. free trade — свободная торговля) — либеральное направление в экономической теории и политике, основанное на принципе свободы торговли и невмешательстве государства в частную предпринимательскую деятельность.

Ходячая экономическая мудрость требует презирать протекционизм и превозносить свободную конкуренцию. Потому что протекционизм — это застой, совок, отсталость, замкнутость и заскорузлость. Зато фритрейдерство — это полёт, прогресс, развитие, инновации, успех. Только борьба, только конкуренция ведёт к совершенствованию, росту, снижению издержек, повышению качества. И пусть проигравший плачет, зато выигрывает — потребитель.

Не об этом ли мечтали на прокуренных кухнях-шестьметровках диссидентствующие интеллигенты? Об этом самом.

Не зря говорят, что мечтать опасно: может сбыться. И вот — сбылось. Фритрейдерство к нам пришло и прочно обосновалось. А вот полёт и прогресс как-то... задержались в дороге.

Вопрос о протекционизме и фритрейдерстве — это, можно сказать, основной вопрос политэкономии и экономической политики. Его нельзя решить однозначно и навсегда, а именно к этому генетически склонно наше интеллигентское сознание. Это и не вопрос веры — это вопрос политики и хозяйственной практики. К сожалению, русское интеллигентское сознание любит превращать вопросы практические в идеологические и даже моральные.

Кому выгодны фритрейдерство и неограниченная конкуренция? Очевидно: сильному и развитому. Свободы торговли требует более мощный по отношению к слабому, чтобы завладеть его рынком. «Откройся, — говорит сильный слабому, — будем конкурировать на равных. Ведь это так прекрасно и справедливо — идеальная конкуренция. Она так дивно стимулирует инновации. А протекционизм ведёт к застою». Слабый открывается — и в ту же секунду теряет свой рынок. Потому что свободно конкурировать сильному со слабым, неумелым и начинающим — это всё равно, что пенсионеру на «жигулях» соревноваться с гонщиком на «феррари».

В XIX веке, когда Англия была «мастерской мира» и стремилась сохранить своё господствующее положение, она подняла знамя свободы торговли, объявив фритрейдерство универсальной, как сегодня принято выражаться, общечеловеческой ценностью.

Энгельс верно назвал протекционизм «фабрикой фабрикантов». Это очень точно! Отсекая внешнюю конкуренцию, он обостряет конкуренцию внутри страны. Он усиливает борьбу за свой собственный рынок. А у нас в 90-е годы его с махозистским восторгом отдали иностранцам. Чтобы сформировалась национальная буржуазия, ей надо время и условия. Предприниматель должен иметь возможность научиться предпринимать. Особенно это относится к промышленной деятельности — вообще самому трудному виду предпринимательства, сравнительно с торговлей и финансовой деятельностью.

В результате у нас не сформировалась национальная буржуазия. Не по образу жизни буржуазия (с этим как раз всё в порядке), а по месту в системе общественного разделения труда. Буржуазия — это класс, несущий тягло организации народного труда. Эту функцию может выполнять либо государство (как это было при советской власти), либо — национальная буржуазия. Анархическая идея «Свободный труд свободно собравшихся людей» — нигде в широких масштабах не была осуществлена на практике. Так что на эту нелёгкую и, по правде сказать, сволочную работу — организацию народного труда — есть в принципе только два кандидата: государство и буржуазия. Государство наше устранилось, буржуазия наша — не сформировалась. Надо ли удивляться, что труда у нас почти что нет?

Наша буржуазия — мелкая, зашуганная и себя не осознающая. Наш предпринимательский класс очень плохо умеет предпринимать, незрел, ленив, неквалифицирован. Себя как класс со своими специфическими интересами — не осознаёт.

Вот есть у нас какая-нибудь политическая сила, выражающая специфические интересы предпринимателей? Ну? Нет такой. Потому что класса нет.

Мелкие предприниматели совершенно не стремятся к тому, чтобы дети их наследовали родительскую профессию. Стараются пристроить куда-нибудь на госслужбу, в силовые органы. Хватит, мы погорбатились, пускай хоть дети поживут по-людски. Мне нередко говорят знакомые: «Что ж ты сына не могла в приличное место пристроить?»

А крупные дельцы, олигархи — это по существу не буржуазия, это феодалы, бояре, которым великий князь отстегнул вотчины с людьмишками.

Принято считать, что наше предпринимательское сословие такое жидкое потому, что их притесняют и обижают галкине чиновники. На самом деле всё обстоит обратным образом: с ними так обходятся потому, что они себя не осознают сильными, организованными и ценными, что они сами себя не уважают.

Потому никто и не возмразил против ВТО, никто не требует никаких мер защиты национальной промышленности. Была бы национальная буржуазия — да тут дым коромыслом стоял бы, когда в ВТО вступали. «Честные выборы» показались бы на этом фоне смешным пустяком.

Протекционизм — труден в исполнении. Осуществлять его должны умные и грамотные чиновники. Имеющие кругозор, понимание смысла своих действий (явление в нашем министерском обиходе крайне нетипичное), знающие экономическую историю и способные черпать оттуда идеи и предостережения. Таких чиновников у нас нет. Уровень нашей государственной мысли не сильно возвышается над управленческими достижениями допетровских приказов. И это не глупая острота — это объективный факт, порождаемый ресурсной экономикой.

Люди мысли, та самая народолобивая интеллигенция, презирают (и брезгливо побаиваются) государственную работу, а те, кто правит, чужды той самой государственной мысли.

Потому начальники наши остаются либералами и фритрейдерами. «Иного не дано», — как говорили в перестройку.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

В Московском музее современного искусства проходит выставка скульптурных работ Александра Рукавишникова «Сечение». Его отцом был замечательный советский мастер Иулиан Рукавишников. Александр Рукавишников — автор известных памятников Александру II, Фёдору Достоевскому, Юрию Никулину, Михаилу Шолохову, Мстиславу Ростроповичу.

В Москве состоялся V Всероссийский роботехнический фестиваль «РобоФест-2013». Несколько тысяч школьников и студентов из России, США, Мексики, Сербии и Румынии соревновались за звание лучших инженеров. На фестивале встретились более 500 роботов. Они носили коробки, рисовали, играли в футбол, занимались боксом и даже сумо.

РИА Новости

В Театре имени Евг. Вахтангова прошёл прогон спектакля «Евгений Онегин» в постановке Римаса Туминаса. Евгений Онегин — Сергей Маковецкий, Татьяна Ларина — Вильма Кутавичюте.

ЗЛОБА ДНЯ

Либерализм с человеческим лицом?

Координаторы либеральной платформы партии «Единая Россия», среди которых Владимир Плигин, Виктор Зубарев и Валерий Фадеев, призвали очистить идеи либерализма от искажений, а само либеральное движение — от сектантства. Подписана декларация «Против дискредитации либерализма». Авторы полагают, что свобода — ключевой постулат либеральной идеи, а люди всегда хотят свободы.

Почему именно сегодня в власти возникло желание защитить постулаты либерализма?

Прорастание крыльев

Валерий ХОМЯКОВ, генеральный директор Совета по национальной стратегии:

— Более года назад руководство «Единой России» объявило о наличии в партии трёх идеологических платформ: социальной, патриотической и либеральной. Это была не первая попытка представить обществу «ЕР» как партию многопартийную, с наличием различных течений, политических платформ и даже фракций.

Одну из попыток ещё в 2005 году пресёк «видный партийный и государственный деятель» того времени Борис Грызлов, с присущей ему мудростью заявив, что «у «Единой России» не может быть крыльев, ни правого, ни левого, поскольку у медведей крыльев не бывает». После такого отпора инициатор обрательства «партии власти» крыльями Андрей Исаев создал центр социально-консервативной политики. Позднее появился клуб либерально-консервативной политики «4 ноября», заявивший о своём либерал-консерватизме, и патриотический клуб.

Но времена меняются. Кто теперь Грызлов, а вот Андрей Исаев с недавнего времени заведует идеологией «ЕР». Так что творение, увидевшее свет под названием «Заявление либеральной платформы в составе партии «Единая Россия», многими наблюдателями расценивается как попытка Исаева представить «ЕР» структурой идеологически разноцветной.

Упомянутое заявление, на мой взгляд, противоречиво, вызывает некоторые сомнения в искренности его авторов. А главное — не имеет особой смысловой нагрузки. Присмотримся.

В преамбуле говорится, что «развитие России во многом определяется либеральными идеями и практиками. Они оказали решающее влияние на направление экономической политики после 1990 года, став основой для перехода к рыночной экономике. Влияние идеологии либерализма на политическую систему также весьма велико. Оно выразилось в появлении таких институтов, как свободные выборы и многопартийный парламент, а также в конституционном признании человека, его прав и свобод высшей ценностью».

Сразу возникает вопрос: когда же авторы были искренни? При написании этого

тезиса или же тогда, когда вместе с властями говорили о пагубности «лихих 90-х»?

По мнению авторов, либерализм надо спасать от узости, радикализма, сектантства и прочих напастей. Более того, в заявлении есть попытка классификации «плохих» либеральных течений. Конечно же, это право авторов, но уж если господа пишут о различных видах российского либерализма, наверное, стоило бы вспомнить, что впервые этот вопрос исследовал Борис Чичерин более 150 лет назад, а то, извините, плагиатом пахнет.

И последнее. Некоторые эксперты грубовато назвали шизофренией то, что изложено в заявлении. Не соглашусь. Там виден политический расчёт. В заявлении чётко просматривается попытка перехватить либеральную часть электората внесистемной оппозиции, а это уже — политтехнология. Да вот только кто же поверит новоиспечённым либералам, когда они являются авторами и инициаторами принятия законов, подавляющих права граждан (например, о митингах, НКО — иностранных агентах и т.п.)?

Говорят, на подходе ещё две декларации, которые готовятся в недрах «Единой России», — социальная и патриотическая. Если и там будет набор слов наряды с целым рядом противоречий и других неувязок, тогда, видимо, правы всё-таки те, кто увидел в этом окопелиберальном творчестве некую политическую сумятицу, не имеющую перспектив.

Кульбит в другую сторону

Олег НИЛОВ, депутат Государственной Думы РФ (фракция «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»):

— Заявление начинается с изложения сущности современных российских либеральных взглядов. Вывод, сделанный авторами, процитирую.

«Силы псевдолиберализма хотят свободы только для себя. Их не устраивают ни пенсионеры, ни рабочие, ни нынешняя политическая элита, в которой многие из них когда-то не удержались... Часть из них вообще не хотят свободы, они хотят только власти».

Среди СМИ, считающих себя либеральными, мы сегодня видим очевидные отступления от идеала и замену его антагонизмом одной группой, одной точкой

зрения, настолько нетерпимо и даже тоталитарно звучащей, что удивляет причисление её к либеральным».

Здесь авторы заявления делают кульбит — спасая термин «либерализм», называют вышеизложенное «псевдолиберализмом». Зачем? Думаю, ответ прост.

Народ наш остёр на язык. В своё время, разочаровавшись в «демократах», их стали называть «лерьмократами». Сейчас говорят в ходу вместо «либерал» известно какое выражение. Но суть не в словах. Партия «Единая Россия» теряет опору в массах. Когда-то её называли «профсоюзом чиновников», теперь и это определение для неё широковатое. Это, скорее, «союз карьеристов». Характеризуя «псевдолиберализм», авторы, на мой взгляд, говорят о собственной «Единой России». Приведу цитату: «Сегодня у правящего класса, будем говорить честно, нет новых ориентиров свободного развития России и её народа».

Разочаровавшись в набивших всем оскомину либеральных лидерах, далеко не все их бывшие сторонники поняли сущность либерализма, многие продолжают считать только себя «настоящими либералами». Их и хотят привлечь к себе авторы заявления. И во второй его части излагают программу «истинного либерализма».

По-моему, к либерализму она отношения не имеет, это основы программы социал-демократии. Ни либералы, ни еднороссы не способны осуществить её по определению. И поддержка ими подобной программы вызывает сомнение в искренности.

Но если господа авторы «либерализма с человеческим лицом» настроены всерьёз, то им просто надо покинуть рялы своей партии и назваться социал-демократами. А прежде пройти этап самоочищения. Назвать правду — правдой, а ложь — ложью. Посметь хоть раз высказаться на заседании Госдумы собственное мнение, а не тексты, спущенные сверху. А потом отчалить от тонущего корабля и устремиться к материку истинной свободы и демократии. Но причалив к нему, придётся пройти «карантин», проверку на искренность...

Как мне видится, народу не по пути с либералами, как бы они ни назывались. Ни с «новыми», ни с «истинными», ни с «правильными», ни с новорождённой «либеральной платформой».

Искусственное дыхание для скелета

Андрей ПАРШЕВ, писатель, политолог:

— По-моему, за пустое дело взялись либеральные фракционеры «Единой России». Даже чисто стилистически. Да и не явля-

ется либерализм в нашей стране какой-то высокой моральной ценностью, нуждающейся в защите от дискредитации. Это не священный Грааль, покрытый патиной и

паутиной, не скрижали, некогда упавшие с неба...

Не в том даже дело, что у либерализма мало сторонников, а в том, что и противники его, увь, не уважают.

Коммунизм? Даже антикоммунисты, клеймя коммунистических соперников, зачастую обвиняют их в «ненастоящности». Значит, не любят идею коммунизма, но признают, что она существует. Монархизм? Плохо ли, хорошо ли, но страна наша прожила с царями сотни лет. Можно, конечно, говорить о чистоте монархических принципов, спорить, кто настоящий монархист, а кто ряженный, но сам по себе монархизм заслуживает того, чтобы отдать ему должное. Даже российский капитализм пользуется минимальным уважением. А вот что такое «чистый либерализм»? Тем более у нас?

«У кого нет миллиарда, могут идти в ж...у!» — вот его идейный образ в народном сознании. Конечно, автор этого пассажа, коротающий сейчас дни в тайландской тюрьме Сергей Полонский, анфан террибль российского либерализма, но ведь анфан же! Вот он весь тут, российский либерализм, вот тут все его либертэ, эгалитэ и братернитэ. И незачем его ещё дополнительно дискредитировать или там дедискредитировать. Он такой, другого нет и не было. И, похоже, не предвидится.

Он ещё и персонафицирован. Это ведь Чубайс, это Сванидзе, это Новодворская. Вы что, запретите Новодворской отстаивать либеральные ценности в своём духе и стиле? Да она вас и не послушается.

А вот с авторами принятого заявления понятие либерализма не ассоциируется.

Нет, конечно, вообще-то, по идее, либерализм — это хорошо. Либералы, например, чтят закон — это такое общее место, как «Лошадь кушает овёс и сено». А наши владельцы приватизированной собственности, ранее обещанной, чтят закон? Вот те самые, о которых в манифесте говорится: «Самой надёжной опорой всех свобод является национальная буржуазия». Как у них с этим делом? С соблюдением законов? И что на это тему народ думает? По моему мнению, сейчас, может, и чтят, но «руки-то помнят!»... А уж что думает народ на их счёт — даже сказать не решаюсь.

Если уж кто взялся за чистку понятия «либерализм», то придётся на этот вопрос — про уважение законности, писаной и неписаной, — как-то ответить.

При этом с большей частью того, с чем авторы заявления не согласны, — не согласны многие. И от того, чего бы они хотели на словах — от этого также не отказались бы многие. Вот, скажем, «национальные интересы» — кто против? Но зачем называть это либерализмом? Кстаи, а любимое занятие наших либералов — вывоз капитала и потомства за рубеж — это в национальных интересах? Или как? Если нет — то как-то нелиберально может получиться.

В общем, за пустое дело люди взялись, за искусственное дыхание для скелета.

Опрос подготовил Владимир СУХОМЛИНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979	ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», сайт «ЛГ» тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Анна Кузнецова «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абросимова, Евгений Маликов, Анна Кузнецова «ТелевЕдение» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пухнавцев «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова	«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт Обозреватели Сергей Минацкаянян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (<i>Санкт-Петербург</i>), Игорь Гамаюнов Спецпроекты и приложения Алесь Кожелуб, Анастасия Ермакова Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 был-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов Собственные корреспонденты Александр Самойленко (<i>Калуга</i>), Юрий Беликов (<i>Пермь</i>), Жан Миндубаев (<i>Ульяновская область, Татарстан</i>),	Владимир Шемшученко (<i>Санкт-Петербург</i>), Владимир Королёв (<i>Смоленск</i>), Сергей Евстратьев (<i>Республика Молдова</i>), Лия Иवानян (<i>Закавказье</i>), Ирина Тосунян (<i>США</i>), Алексей Славнин (<i>Германия</i>), Мария Хамакер (<i>Центральная Европа</i>), Никита Барашев (<i>Италия</i>), Светлана Селиванова (<i>Китай</i>) Московский тираж — 60 351 экз. Федеральный тираж — 35 707 экз. (<i>печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске</i>) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 6000 экз. (<i>печатается во Франкфурте-на-Майне</i>) Тираж в Израиле — 22 000 экз. Тираж в Великобритании — 9000 экз. Тираж в Греции — 3000 экз.	Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Политграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км. Номер подписки к печати 12 февраля 2013 г. Зак. № 13-02-00182 Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи. Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (<i>для предприятий и организаций</i>) Полписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12 Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»	Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г. Адрес редакции: Холовский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52 <table><tr><td>Автоинформатор</td></tr><tr><td>и соединение с отделами:</td></tr><tr><td>8-499-788-02-10</td></tr></table> Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52 Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна	Автоинформатор	и соединение с отделами:	8-499-788-02-10
Автоинформатор								
и соединение с отделами:								
8-499-788-02-10								

ПОЛИТПРОГНОЗ

Обострение классово́й борьбы

Основной конфликт нашего времени – это схватка между либеральным креативным классом и кремлёвской вертикалью. А если отбросить эвфемизмы и высказаться по-западному свободно, то речь идёт о борьбе Госдепа США и антироссийской буржуазии с российским авторитаризмом.

Чем и когда закончится данный конфликт? Кто победит?

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РОССИИ

Россия – природная держава. Перед нами не просто три слова, а – риску утверждать – философский камень всей российской истории.

Все законы политэтнической демократии доказывают, что западная демократия приведёт к неизбежному развалу РФ. Слишком велика наша страна: сотня народов, три мировые религии, национальные республики – всё это не оставляет нам ни одного шанса на сохранение страны при западных демократических стандартах. Авторитарная страна с демократическим фасадом – вот единственно возможная политическая форма любых российских государств. Без осознания авторитарной природы эстафетных российских держав – Российской империя, СССР, РФ – понимание истории российской цивилизации возможно лишь на уровне мифов.

Кстати, для западных политологов и политиков авторитарная суть всех наших эстафетных империй вовсе не секрет. Если даже такой известный интеллектуал, как Буш-младший, утверждал, что в России «нет гена демократии»...

Кто не осознаёт, что Россия есть природная держава, тот способен понимать нашу историю лишь на уровне навязанных мифов.

МКС

В XX веке хозяином денег и мира становится собственник, частник, буржуа. Отныне капитал не нуждается в силовиках на троне, теперь сам капитал – царь. Так с XX века начинается эпоха охоты империализма на империи. Именно в этом смысл всех мировых войн. После разгрома капитализмом в 1991 году Советской России победившая на планете формация принимает законченный вид и становится воистину *мировой капиталистической системой* – МКС. МКС была создана Западом, а теперь стала глобальной, всепланетной системой. Историческим центром МКС была Великобритания, а затем США, перехватив инициативу, принялись утверждать господство мировой капиталистической системы на всей планете. МКС ныне и торжествует, продолжая свою охоту на империи.

Набор рычагов влияния и управления состоит из:

- разбросанных в ключевых точках планеты американских баз;
- системы валютных фондов;
- НАТО;
- мировых денег;
- системы международных судов;
- системы правозащитных и неправительственных организаций;
- системы рейтинговых агентств;
- либеральных СМИ;
- системы международных премий и т.д.

Эти приводные ремни мирового капитала и вертят по своему усмотрению элитами и народами.

РОССИЯ ИЛИ КАПИТАЛИЗМ?

Чем является для российской цивилизации господствующая на планете формация? При какой политической организации возможно их совместить?

Для развала большой политэтнической авторитарной страны достаточно капитализма. В условиях доминирования МКС власть собственников плюс господство

собственнической идеологии гарантированно обеспечивают ликвидацию России. Буржуазный базис неизбежно сметёт нынешнюю авторитарную надстройку, а с ней и страну.

Получается своеобразное доказательство от Аристотеля:

Посылка № 1

Мировая капиталистическая система планомерно уничтожает не защищённые идеологически авторитарные политэтнические державы, в которых невозможна власть собственников (буржуазная демократия).

Посылка № 2

Россия есть природно авторитарная держава, которая в силу своего исторического должавного устройства и геополитического положения является естественным противником Запада.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БОНАПАРТИЗМА

Целились в коммунизм, а попали в Россию, поэтому и били по коммунизму.

Били по Каддафи, а уничтожили Ливию.

Били по Хусейну, а расчленили Ирак. Били по Асаду, а сбросят в хаос Сирию. Бьют по Путину, а подразумевают РФ. Случайно? Нет. Путин – фигура, мешающая разгрому России, вот и выцеливает его МКС.

Современный бонапартизм – вот точное определение российской политической системы. Президент балансирует на плечах олигархов и слесаря из Нижнего Тагила, лавирует между классами, объединяет Рублёвку с Кушёвкой и тем пока спасает чиновно-олигархический капитализм.

Что дальше?

Ну, новый бонапартизм, ну, верховный стабилизатор. Что тут плохого? В той же Франции чем всегда заканчивался бонапартизм? Революцией. Оперится буржуазия, окрепнет, наберётся сил и опыта, очнётся рабочий класс, вместе они сметут

Однако бонапартизм есть система по-французски изящная, гибкая, которая позволяет умному, осторожному и сильному лидеру править десятилетиями. Это система динамического баланса, хорошо приспособленная к нейтрализации негативных внешних воздействий.

Можно возвышать нужных людей, а потом забывать о них, можно манипулировать и маневрировать, так как опора сразу на все классы оставляет широчайшее место для манёвра. Он обещает всем, а в итоге всех направляет на поддержку своего самовластия, а это и есть сверхцель любого бонапартизма. Но...

Он волей-неволей создаёт буржуазного монстра, а тот, набравшись сил, тут же начинает охоту на своего создателя. Основной комплекс капиталистов – эдипов. Наши буржуа спят и видят очередной февраль, и они его обязательно когда-нибудь добьются. При поддержке Госдепа, разумеется. Снова вернётся обыкновенная российская трагедия, вновь мы кружим, устраиваем себе хождение по царским мукам. Царизм в своё время с таким же простодушием развивал капитализм, обнимался с буржуазией, а чем всё закончилось, мы знаем. Самообман элиты можно понять, ей жутко хочется, чтобы всё было, как на Западе, а природная авторитарность в рай не пускает, вот мы и ходим в веках по кругам самоуничтожения.

Исторически наш бонапартизм обречён, ведь он собственными руками взращивает класс своих могильщиков.

СЛАДКИЙ СОН

Процессы, идущие в России, подробно описаны в рамках классического марксизма. Опылённая собственностью и самовластием авторитарная власть «наивно» развивает капитализм, приватизирует всё «сладкое». А в итоге – взращённый класс капиталистов уберёт уже не нужного ему лидера. Другое дело, что данный оптимистический и прогрессивный в целом сценарий в России, ввиду её природной авторитарности, всегда заканчивался ликвидацией и развалом государства.

Сейчас очевидно, что бонапартизм, власть стабилизатора – это потолок, максимум российской капитализма. Если сам буржуазный строй предназначен для ликвидации России в эпоху господства МКС, то нынешний бонапартизм есть замеление данного исторического процесса, золотой застой, сладкий сон, последняя сигарета перед смутой.

Но ещё далеко не исчерпан патриотический ресурс, который Кремль всегда будет «включать» для того, чтобы уравновесить активность белоболотных. Нынешняя система действительно очень сильна. Механизм противостоения, баланса демократов и патриотов не так-то легко опрокинуть и сломать, ведь у Кремля всегда есть возможность рекрутировать и правых, и левых державников, опереться на антиамериканизм, изящно столкнуть лбами белоболотное движение с краснопоклонным.

Ох не просто в России сбить шапку Мономаха с умного, волевого силовика!

Уверен, до 2024 года наш бонапартизм продержится. Затем наверняка состоится передача власти либеральному преемнику. Тут-то всё и начнёт рушиться. Либерал на троне Ивана Грозного – это всегда горбачёвщина и конец державе. Империи губят слабые цари. Причём развалит РФ и уберут нынешнюю власть вовсе не коммунисты. Кремль всегда больше всего боялся словесно чуждых левых, а примет он смерть от родной, братской буржуазии, от формационного коня своего.

Что дальше?

Для мировой истории – ничего нового. Сметая авторитарную систему, российская буржуазия останется один на один с мускулистым призраком, один на один с Росией.

Перед страной в четвёртый раз за последние 150 лет встанет вопрос «Россия или капитализм?» Вот только отвечать на него нужно прямо сейчас.

Пока либеральное зло не дотянулось до собственного горла.

Вадим КИРПИЧЁВ

ального. Я искренне считаю, что духовное без материального жить может, а вот материальное без духовного – это потребловка сродни скотству. Социализм и капитализм существуют в разных измерениях, у них разные системы ценностей. То, что называют социализмом и капитализмом, очень отличается у разных народов и государств. Куба, надеявшись на «старшего брата», оказалась брошена на произвол судьбы. А смотрите-ка, держится...

Александр, 53

Куба в предчувствии перемен

Каким видят будущее кубинцы (№ 2–3)

Куба – далеко, Куба – рядом!..

Что Куба, а что мы? За 70 лет советского социализма наша страна стала богаче или нет? Большинство населения выиграло или проиграло? Спор здесь опять ушёл в соотношение духовного и матери-

КНИЖНЫЙ РЯД

«Псы-рыцари» или «божии дворяне»?

В.В. Акунов. **История Тевтонского ордена.** – М.: Вече, 2012. – 320 с.: ил. – 2000 экз.

Из книги можно почерпнуть множество сведений о Тевтонском ордене: как менялась его структура, кто замещал высшие должности, чем были вооружены рыцари, под какими знамёнами шли в бой, какие шлемы и плащи носили. В этом отношении всё хорошо и, видимо, правильно.

Однако что касается главного, сути – зачем орден был создан и какую роль он сыграл в истории нашего Отечества? – тут книга вызывает недоумение.

С одной стороны, автор пишет, что немецкие рыцарские ордена «рассматривали в качестве владельцев Прибалтики себя, а в качестве её верховного создателя – римско-германского императора, поскольку... рассматривали в качестве владений «римского кесаря» весь мир. В этом заключалась основная причина практически неразрешимого конфликта между ними и русскими княжествами». Однако эта бесспорная мысль, мелькнув в начале повествования, далее опровергается и высмеивается, надо сказать, весьма темпераментно.

Согласно Акунову, тевтоны вреда Руси не причиняли, так, по мелочи, иногда задирались. Проявлением германской экспансии они не были, вообще называть их немецким орденом было бы неправильно, на них клеветут отечественные авторы. А так, по Акунову, залётные рыцари ставили перед собой одну-единственную благородную цель – крестить прибалтийских язычников. Правда, и поляки, на чьих землях они обосновались, и русские, на чьи земли они напали, были христианами. Акунов справедливо говорит, что в Средние века государства между собой часто воевали. Но так же неоспорим тот факт, что это немцы пришли в Восточную Прибалтику, а не новгородцы, не псковичи, не курши и не эсты – в Вестфалию.

Видимо, из осторожности Акунов не трогает имена Карамзина и Костомарова, но яростно громит известного специалиста по войнам, которые вела Русь, Вадима Каргалова, авторитетного историка Н.Н. Яковлева, а также кинорежиссёра Сергея Эйзенштейна и писателей Алексея Югова, Евгения Евтушенко, Наталью Кончаловскую. Высмеивает Акунов и документальный фильм производства Би-би-си «Крестовые походы».

Достаётся от него и «тов. Карлу Марксу» – за то, что тот ввёл в употребление термин «псы-рыцари». По Акунову, это были никакие не псы, а если не милые болоночки, то «божии дворяне». Но вот лозунг «Дранг нах остен», который, по мнению многих историков, сформулировал ещё Фридрих Барбаросса, наш эрудит почему-то не вспоминает.

С гневом опровергает Акунов версию о какой-то связи между нашествием монголов с востока и тевтонов с запада. Но откуда не денешься от удивительной синхронности этих процессов: Батый разорил северо-восточную Русь в 1237 году, Невская битва произошла в 1240-м, а Ледовое побоище в 1242-м. Любый пацан-хулиган, участвовавший не в спортивно-рыцарской, а в жестокой уличной драке, скажет: если твоего противника сбили с ног, самое время ударить его сапогом по черепу.

И ещё очень не нравятся Акунову соотнесения тевтонов с гитлеровцами. Но как же не соотносить, если у них, в сущности, была та же идеология – высосанное из того же германского пальца «право» на нашу землю. Да и кресты на тевтонских плащах и на гудериановских танках были одинаковые.

Юрий БАРАНОВ

Нищета – не бедность

Полдоллара в день, как на Кубе, это, пардон, не бедность. Это – нищета. Понятно, что при таких доходах без политической и идейной мобилизации никак невозможно. Ведь кругом враги, которым не надо месяц работать за полкило кофейных зёрен. Не знаю, с чего комментаторы решили, что автор пророчит светлое будущее кубинскому социализму? Вроде в статье есть только советы, как слить социализм, поменьше при этом потеряв.

Олег Ермаков

Частник и бизнес

Я – убеждённый противник рыночных отношений и бизнеса в интересах личного обогащения, так как эти интересы, как правило, противоречат интересам общества. Но когда автор утверждает, что «частный собственник эффективнее государства только в том случае, если он сам создал свой бизнес», вижу резон в этом утверждении.

Борис Сотников

ИНТЕРНЕТ-ИНТЕРДА

Надежды и опоры

О буднях города Моршанска... (№ 4)

Золотая тема!

Спасибо автору за хороший рассказ. Интересно было бы прочитать, как выглядит (реально) рабочий день главы района, небольшого города, села. Чем он наполнен? Как проходят его встречи с жителями, много ли таких встреч? Как выглядит районная или областная газета? То, что попадаетея мне, бюрократическая мура, эти газеты не нужны никому.

Stanislav Krechet

Нужно надеяться на лучшее

Будущее России за такими, как герой материала, который любит свой город и умеет работать. Их надо поддерживать и одобрять. Нельзя во всём сомневаться.

Влад Кропоткин

Всё не так просто

Главное, чтобы «предприниматель, владелец и директор ООО «Моршанское АТП» не превратился в очередного Папка. А именно это и есть магистральное направление страны при нынешней политике.

Сергей Копылов

Другой народ мне не нужен

О способах изменить сознание русских... (№ 2–3)

Уважать себя!

Чтобы стать великим народом, нужно быть примером. Уважение со стороны начинается с уважения к самому себе, с взаимопомощи, единения, непродажности. Куда-то исчезла, ушла из русского народа душа... Нет такого, чтобы стало правилом: если один русский в беде, второй не пройдёт мимо,

поможет, спасёт. Но я был бы не против, если бы так было и между другими народами, живущими с нами бок о бок... А если ты подлец, твоя национальность не спасёт тебя от всеобщего презрения.

Владислав Попов

Мне нужен кусок!

Национальность не всегда была и не всегда будет. Сейчас мы дожили до того времени, когда она больше не нужна. Свою историческую роль национальность выполнила и теперь только мешает. Человечество идёт к одному хозяйству, а значит – к одному управлению, одному государству, одному языку. Мне национальность не нужна. Мне нужен КУСОК! Всё дело в КУСКЕ! Каждому – равную долю в каждом природном ресурсе независимо от национальности.

В.К. Стародубов

Как было

По словам очевидца, при перевозке раскулаченных в Нарым баржу с татарами и башкирами отце-

Восторженный романтик

Сергей МНАЦКАНЯН

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

ДИСКУССИЯ: РОДНОЕ – ЧУЖОЕ – ВСЕЛЕНСКОЕ

Не уставая ненавидеть

«ЛГ» начинает новую дискуссию. Тема: «Родное – чужое – вселенское» подсказана самой литературной ситуацией. Что такое русская литература сегодня – единый организм, где на русском языке пишут люди, живущие во всех уголках мира, или разрозненные части, где «тамбовская» литература спорит с «орловской», а писатели, проживающие за рубе-

жом, не стесняются признаваться в ненависти к стране, в которой продолжают охотно печататься и делать литературную карьеру? Поводов к откровенному разговору на эту тему предостаточно. В «Новой газете» от 18 января опубликовано интервью с поэтом А. Цветковым, эмигрировавшим из России в далёком 1975 г. и ныне проживающим в Праге. В тексте

содержатся, в частности, такие «откровения»: «Обрекая себя на русскую духовность, человек оставляет нераспаханными большие участки мозга и совести». Дискуссию открывает поэт и издатель Алексей Ивантер, размышляющий о природе поэзии А. Цветкова. Приглашаем к разговору всех, кому небезразлична заявленная тема.

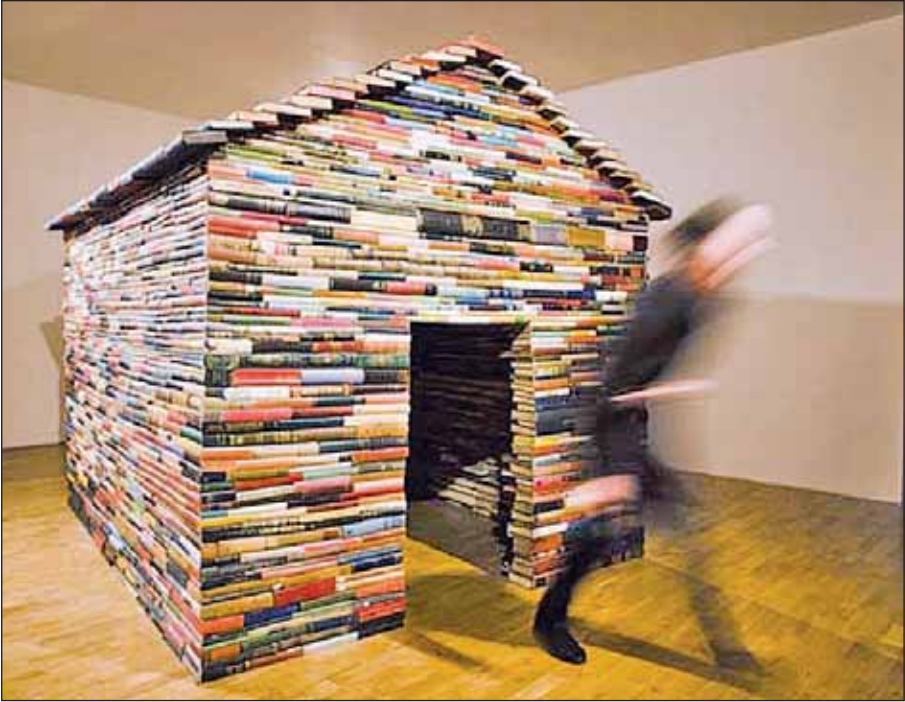
«Жил бы в России – стал бы хорошим поэтом», – сказал Ревич о Туроверове. Наверное, стал бы.

Хотя первая эмиграция в существенной своей части духовно осталась в России, она сама и была Россией, несла её в себе, передавала, как могла, своим детям, удерживала этот материальный плацдарм белого русского мира, пока он не был разрушен Второй мировой войной, оставшись уже только в отдельных личностях, нёсших в себе яркие светильники русского духа и русского православия.

Следующие волны русской и русско-еврейской эмиграции, в которых вынужденно или добровольно оказывались наши покидающие родину соотечественники, уносили с собой уже только их самих и столь малую толику русского мира, что его едва хватало на культурную консервацию, и то вынужденную. Если эмиграция белая была пронизана любовью к родине, что было естественным общественным чувством и не требовало обсуждения или доказательства, то эмиграции последующие зачастую уносили с собой не только ненависть к советской власти, но и активную неприязнь к России, а иногда и ко всему русскому вообще. Для многих эмигрантов 70-х, 80-х, 90-х и нулевых русский язык был проклятием, от него порою пытались отделаться как от ненужного тягостного прошлого. Никогда прежде ассимиляция русских не шла с такой скоростью, как в эти достопамятные годы.

Но отдельные счастливые умудрялись увести с собой с родины более духовный букет – не только неприязнь к реальной России и атеистическое советское сознание, но и любовь к русскому языку и к русской литературе. Такой груз на сердце – ноша непростая, а тем паче для человека неглупого и небесталанного. Люди сложившиеся, зрелые, состоявшиеся на родине иногда эту ношу вынести могли. Межиров, Сагаловский и др. не утратили в эмиграции своего таланта. Увезённый из России духовный опыт и любовь к Русскому Человеку как к духовному феномену накрепко связали их с русским миром, позволили остаться духовно русскими людьми и прекрасными русскими поэтами.

Язык – душа народа, а поэзия – сердцевина этой души. Невозможно не любить русский народ и быть русским поэтом. Но червь стихотворчества, ако глист бледный, поражает и души незрелые, не знающие любви земной и не верящие в любовь небесную. Имеющие русские контакты и книги, но лишённые русского мира – потому что русский мир жив любовью к русским и к России, пусть даже без Христа, несчастные эти человеки бессмысленно тратили и тратят силы на заунывное стихописание – чистописание, на американскую поэзию на русском языке. Они берут в осаду редакции толстых литературных журналов, создают новые – выхолащенные ещё до рождения («Интерпоэзия»), искренне не понимая природы своих литературных неудач, растрачивают себя в бестолковом околотитратурном бронуосковском движении и сомнительном самопаре. Горько, что люди эти в большинстве своём талантливые, но замкнувшиеся на недостижимое без Родины – на великую русскую поэзию. Одно слово – сочинители. Учителя наши в поэзии оставили нам эстетику высокой правды и память о слёзном даре. Судьбами своими до-

казали они, что русский поэт – это не сочинитель и не стихотворец, но сплав иной природы – сплав земной судьбы с небесной правдой и любовью.

«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», – красиво сказал Некрасов. Ошибся Николай Алексеевич и горько за ошибку свою поплатился – ни ненавистью не упился, ни в любви не утвердился – страдал! Не уживаются в одном сердце любовь и ненависть – какое-то из этих чувств будет доминировать и рано или поздно обязательно возьмёт верх. Тем и велик Некрасов, что верх в его сердце всегда брала любовь, тем и несчастен был, что нёс в себе страшный груз ненависти.

Национализм – это любовь к родному, а фашизм – ненависть к чужеродному. А что такое неприязнь к родному? Говоря о каком-то явлении, мы обычно вспоминаем его древних носителей: ну что ж – флорентиец Данте поместил 30 с лихом флорентийцев в Ад, что не помешало ему остаться в памяти Флоренции великим поэтом. Вот и Алексей Петрович Цветков – «русский поэт, прозаик, переводчик», кажется, видит нас в Аду. Но, в отличие от Данте, поэтom он в нашей памяти не останется. Чем же так провинились перед русской поэзией Алексей Цветков, что я оказался готовым высказаться громко и нелицеприятно: литератор, прозаик, переводчик, сочинитель, – всё, что угодно, но никогда не русский поэт? Думаю, на этот вопрос Алексей Петрович с успехом ответит сам:

*весь в ромашках редющих трав
мало света и счастья немного
этот мир перед нами не прав
мы здесь пасынки слабого бога
заведу расцвиющую тетрадь
чёрный бархат на алой подкладке
чтобы всех кто рождён умирать
занести в алфавитном порядке
для каких-нибудь лучших веков
где судьба осторожней и строже
бродский профессор сопроводит цветков
и ромашки и бабочки тоже*

Красивые строки. Это манифест. Манифест страдающего от животного, вывезенного из СССР атеизма эмигранта, от безысходного духовного одиночества, поместившего себя в довольно

разношёрстную компанию двух совершенно разных по мировоззрению мастеров и основателя издательства «Арdis». Цветков хочет чувствовать себя не только русским поэтом – ему если и не тепло, то почётно в этом обществе, – но и влиться в эмиграцию первую, хотя бы через упоминание Карла Проффера, много публиковавшего замечательных русских литераторов из первой волны эмиграции. Цветков строит миф, всеми силами хочет, чтобы он стал реальностью (вялой бродскинианы в его текстах действительно немало), чувствует себя, наверное, частью этой мифологии, но, увы, это детская игра человека взрослого и человека абсолютно иной природы, богоборческой, тёмной, полной искренним непониманием сущности бытия и беззащитной неприязнью к России:

*здесь забыв собой гордиться
хрипло дышит человек
словно тусклая водичка
ночь сочится из-под века*

*каждый зев привержен зелью
жизнь диктует где поддать
никогда на эту землю
не сходил благодать*

Алексей Цветков родился на Украине, наверное, специально для того, чтобы я мог сказать ему: «Вибачте, ви забрехалися!» Потому что отвечать на эти слова «русскому поэту» по-русски даже и не хочется. Далёкий от русского духа и русской веры, «как долина Потомака от могилы Пастернака» (Станислав Лесневский), Цветков с комсомольским задором пытается едко иронизировать над верой нашей:

*пытаться нет и верить вечно
считать что существует нечто
пищит и вертится в руках
жаль что не выглядит никак...*

Весь этот душевный мрак (впрочем, и у самого Цветкова иллюзий на эту тему нет: «не то что чужая душа своя потёмки») преподносится пиар-агентством Алексея Цветкова под руководством Александра Кабанова (киевского поэта – не путать с расчленителем) за... русскую классику, вершину родной речи, высокую русскую поэзию.

*эта древняя в дырах природа
и немые слова из рта
извергаются без перевода
тушибхата ве-нехемата*

(А я переведу, поправив ударение, *тушибхата ве-нехемата* – восхваленный и утешений (иврит.) Кедрон – буквально «тёмный». Темнота не покидает автора. В стихотворческой эстетике, к которой тяготеет Цветков, НЕКТО – это автор, сам Алексей Цветков, в данном случае – конный с душой у седла, – на прокатном автомобиле в Святой Земле сочиняющий стихи, не знающий Бога и не утешенный Им.

*некто конный в крови или мыле
злая музыка сводит уста
но козла плащаницу открыли
изнутри оказалась пуста
капли звёзд на невидимой коже
едкий свет под глазами утри
сти бесстрашно нас кажется тоже
развернули и пусто внутри*

Нет, не пусто внутри у Алексея Цветкова, отнюдь. Но темно. Хотя он и пытается «смотреть вверх, превозмогая свет». Вот отрывок из «диалога Христа и грешной души» (такое чувство, что графическая эстетика Аполлинера использована только для того, чтобы Христа написать со строчной буквы):

*поступала и жила как сама решила
если твой закон зуб за зуб око за око
значит зря старались
ренессанс и барокко
как могла пересекла
вброд юдоль икоты
спросить напоследок
господи или кто ты*

Диалог с Христом, в которого автор не верит, развивается в русле той же самой невероятной гордыни, с которой Цветков пишет о «расколотой стране», «где леденел весь ум». Вообще стихотворное творчество Цветкова – это затянутае попури из Бродского, Гандлевского и Сопровского. Но чувство бессмысленности человеческой жизни тут личное, цветковское, как и всё бессмысленное («всё проходит ни шиша не остаётся»), тяготеющее к не цитируемому из человеколюбия многословию. От мастеров поэтического слова, рядом с которыми видит себя Цветков, его отделяет пропасть нелюбви к России, нелюбви болезненной, потому что свойственной нам всем зависимости от русской речи он не избежал. Но речь, подвешенная в воздухе, родной язык, под которым нет возлюбленной тобой земли, – становятся речью мёртвой и языком неживым, и всё, что пишешь ты на нём, – оказывается лишённым жизни.

На культурном поле нашем растёт всякое. И то, чему суждено процветать, и засохшее на корню. Так было и так будет. Стихи, лишённые любви ко всему, кроме себя, – не новость в литературе. Не новость и тяготение части читателей к разрушительному, демоническому мировоззрению. Новость только в том, что молчать об этом становится уже почти так же разрушительно.

Алексей ИВАНТЕР

ПОДВИЖНИК

Сказка Олега

Можно представить себе, что учёные критики в будущем на каком-нибудь «детекторе любви» научатся измерять обаяние, дружелюбие и любовь, которыми полны книги детских писателей. Но уже сейчас я точно знаю имя одного чемпиона в области этих чувств. Рекорд, который был установлен им в конце XX века, вряд ли будет скоро побит. Это Олег Кургузов, автор книги «Солнце на потолке». И дело не только в том, что в 1998 году эта книга получила Международную литературную премию имени Януша Корчака «За удачное изображение взаимоотношений между детьми и взрослыми и за искрящийся юмор». Дело в том, что всей своей жизнью (а ушёл он от нас в 2004 году в возрасте 44 лет) Олег показал, как много может сделать одарённый человек даже в самые трудные времена, если в душе его царит любовь. Кургузов – уникальная фигура среди писателей: он был вдохновенным редактором и выпускал журналы «Трамвай», «Куча мала», «Улиши Сезам», «Синдбад», сотрудничал во многих редакциях и проектах. В своё время он безвозмездно передал для публикации в Интернете на сайте журнала «Электронные папьясы» десяток своих рассказов, стал любимым автором журнала – и теперь Кургузова знают далеко за пределами не только Москвы и Московской области, но и России... Вокруг него собирались самые разные и удивительные люди, он благословил на писательское ремесло десяток авторов.

В 2009 году детской библиотеке посёлка Столбовая, где родился Олег, пригодились его имя. Отметим радостное событие в библиотеке съехались два десятка известных писателей и критиков. Тогда было решено регулярно проводить «Кургузовские чтения» и выпустить книгу, посвящённую Олегу. После двух лет трудов и сбора материала Издательский Дом Мещерякова выпустил увесистый фолиант в 400 страниц с чудесными иллюстрациями «Сказки Олега. Сказки об Олеге». Это книга-перевертыш, первая часть которой включает три цикла рассказов и сказок Олега Кургузова, проиллюстрированных Екатериной Заваловой. Вторая часть состоит из сказок, стихов и воспоминаний, посвящённых Олегу (29 авторов!). Над оформлением этой части чудесно поработала Екатерина Гаврилова: десятки фотографий из семейного архива, предоставленных вдовой Кургузова Ольгой Шальневой, органично смотрятся в книге. Эта часть приподнимает завесу над творческой лабораторией писателя: видно воочию, в какой атмосфере любви и согласия он рос и как этот добрый дух семьи вместе с творческим нача-

лом перенёс в свою новую семью, где у писателя родился сын Павел.

Эта книга не смогла выйти без поддержки директора Областной библиотеки Подмосковья Ольги Павловны Кубышкиной, которая обладает редким даром помогать талантливым людям, – тем же даром, которым полнолаблал и сам Олег. Много сделали для выхода книги и писатели – члены клуба «Чёрная курица», куда Олег входил со дня его основания. Прочитай книгу, понимаешь, насколько полномерно-сказочной была жизнь Кургузова, каких искристых выдумок была полна с детства, в каких только проектах не участвовал, что только не затевал он: даже успел поучаствовать в разработке сайта «Президент России – детям»...

Не будем приводить всего списка блистательных авторов, которые в неё вошли, достаточно упомянуть имена Марины Бородинской, Сергея Георгиева, Артура Гиваргизова, Ксении Драгунской, Михаила Есеновского, Григория Кружкова, Виктора Лунина, Марины Москвиной, Сергея Седова, Тима Собакина, Андрея Усачёва, Льва Яковлева, Михаила Яснов...

Вот что написал об Олеге Виктор Лунин: «Как-то раз сидели мы у него в редакции и беседовали обо всём на свете. И вдруг Олег замолчал, а потом и говорит:

– Знаешь, я скоро уйду.
– Как уйдёшь? Куда? – не понял я.
– Совсем уйду, – опустил он голову.

– Ну что ты, – промямлила, однако где-то в глубине почувствовал: да. Это так, ведь Олег всё видит наперёд. Но тут он поднял глаза и, как уже однажды было, сказал:

– Не бойсь. Я уйду, но и останусь.

И теперь я знаю: Олег был прав. Он остался. С нами. Со всеми. И с теми, кто есть. И с теми, кто будет. Потому что добрые души и добрые книги живут вечно».

Трудно не согласиться с этими словами: сам я прекрасно знал Олега, дружил с ним, и надеюсь, что в сердцах читателей, которые и представляют собой лучший «детектор любви», эта книга получит самую высокую оценку...

Юрий НЕЧИПОРЕНКО

ЛИТ-ИНФОРМБЮРО

ЛИТФОРУМЫ

Около двух тысяч книг от двухсот российских издательств представлено на 20-й Минской международной книжной выставке-ярмарке, которая прошла в павильоне «БелЭкспо». Россия в этом году стала почётным гостем минского книжного форума. Свои книги представили издательства «Азбука», «Амфора», «Вече», «Вита Нова», «Время», «Феникс», «Молодая гвардия». Белоруссию посетили писатели А. Проханов, А. Казинцев, Н. Дорошенко, Г. Кудий, поэты Геннадий Иванович и Сергей Дмитриев. Работали отделы «Художественная литература», «Мир славянской культуры», «История. Культура. Наука. Образование», изданий для детей и юношества.

VII ежегодная научно-практическая конференция, посвящённая творческому наследию поэта Ю.П. Кузнецова «Юрий Кузнецов: русский мир и Европа, пройденный 14–15 февраля. Основная цель конференции – освоение творческого наследия крупнейшего русского поэта рубежа XX и XXI веков. Конференция состоится в Институте мировой

литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва, ул. Поварская, 25а). Начало в 11.00.

XVI научно-практическая конференция «Чеховские чтения» прошла в Южно-Сахалинске. Её организаторами выступили региональное министерство культуры и литературно-художественный музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин». На конференции прозвучали 15 докладов и научно-исследовательских работ сахалинских филологов, историков, преподавателей, любителей творчества Чехова. Все они будут опубликованы в традиционном сборнике «Чеховские чтения».

ЛИТПРЕМИИ

Экспертный совет международной литературной премии «Югра», организатором проведения которой является Ханты-Мансийский банк, объявил имена лауреатов за 2012 год. В номинации «Поэзия» – Александр Климов-Южин (Москва) за книгу стихов «Чернава». В номинации «Проза» – Дмитрий Ермаков (Вологда) за повести и рассказы последних лет. В номинации «За вклад в литературу» – главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов (Москва). В номинации «Славянская книга» – известная болгарская писательница Людмила Филиппова – за романы «Стекланные судьбы» и «Красное золото». В номинации «Литературоведение» – поэт и прозаик Наталья Гранцева (Санкт-Петербург) – за книгу «Ломоносов – соперник Шекспира?». В номинации «Публицистика» – Мирослав Бакулин (Тюмень) – за книгу «Псалом 50. Наивное толкование». В номинации «Краеведение» – Юрий Вэлла (Югра) – за словарь топонимии «Река Аган со притоками». В новой номинации «Славянский перевод» лауреатами стали Любинка Милинич и Душко Паункович – за популяризацию современной русской литературы в Сербии, а также Лариса Савельева – за переводы стихов и прозы на сербский и хорватский языки.

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

Литвыставка

ПОЭЗИЯ

Сквозь толщу зимних дней

Сергей ВОРОНОВ

После школы учился на факультете журналистики ЛГУ, не окончил. Работал машинным наборщиком. Первая публикация стихов в 1962 году. Член СП России. Известен как переводчик стихов поэтов Туркмении и Чечено-Ингушетии. Выпустил три книги стихов. Живёт в Санкт-Петербурге.

*Оправдываться поздно, ни к чему,
Доказывать своё — пустое дело.
Былых страстей бубновую чуму
Отрикну разум и стяхнуло тело.*

*Душа была надменна и горда,
Теперь она вздыхает виновато.
Пришла пора оставить города
И отступить в природу без возврата.*

*Глядеть во тьме спокойно из-под век,
Забыв тоску духовных медитаций,
Как наползает первобытный век
На мировую ложь цивилизаций.*

*И только мысль — младенчески
слаба —
Опять себя в основах мира ищет,
Чтоб наконец-то первые слова
Произнести:
еда, огонь, жилище.*

*Итак, мы говорим об абсолюте,
Который существует в глубине
Сознания, в любой живой минуте
И в вечности, и не бывает вне
Движения, как формы жизни, сути
Всего происходящего, но мне,
Быть может, в спешке
и житейской смуте
Не отыскать, как зёрнышка в стерне,
Начальных истин, корня бытия...
И вновь я слышу вечный зов природы,
И мироздания сумрачные своды,
Упорная пронзает мысль моя.
Но камнепадом в бездну мчатся годы
И я для них — лишь мальчик
для бытия.*

ЧЁРНЫЙ КУСАЯ ХЛЕБ

1.
*Можно в чаду кружил
Соря терзает гармонь.
Можно кричать: «Пожар!» —
Можно гасить огонь.
Кто не провидит — слеп,*

*Кто устрашится — слаб.
Чёрный кусая хлеб,
Я у судьбы не раб.*

2.
*Вотчаянны не кричал,
Не бегал в беде, юля.
Тевтонец и янычар —
Не наши учителя.
Пылью дымит большак,
Стынут в ночи, таясь,
За каждым кустом — лешак,
В каждом пруду — карась.*

3.
*Тёмен и тих погост.
Не каждый замолел грех.
В небе — сиянье звёзд —
Знаки Господних вех.
Мир не настолько плох,
Чтоб жить, любовь хороня.
Не битых — не меньше трёх
Надо брать за меня.*

*Трагедия уходит на покой,
Как героиня сыгранного акта,
И пишется печальной строкой
Признание свершившегося факта.*

*Всё хорошо, да неприютно как-то,
Неловок повседневности покров,
И не сойти с наезженного тракта,
И не потрепать будущность рукой.*

*Идея жизни всё-таки проста:
Взлелей успех, сопротивляйся бедам,
Не дай рассудку обернуться бредом.*

*Легка в дороге первая верста.
Глядишь, а дальше — тёмные места,
А наш итог и вовсе нам не ведом.*

ГОРОДСКОЙ ДИПТИХ

1.
*От площадей
В проёмы улиц,
Смывая ржавый снег,
Текло,
От солнца мартовского жмурясь,
Как наваждение,
Тепло.
Оно от стран предельно дальних,
Пройдя сквозь толщу зимних дней,
Коснулось вновь колонн Ростральных
И петропавловских камней.
Как будто час урочный пробил!
Мой город полон синевы.
И стал добрее чёткий профиль
Надменных зданий вдоль Невы.*

2.
*Смотри, как бьёт в гранит
волна тугая,
Парит мостов узорное литьё.
Жизнь, что была, она была такая —
Запомни и не думай про неё.
А вперёд, почти как на ладони,
Вся жизнь твоя на сотни лет вперёд:
Взлетает, словно клодтовские копн,
Но никогда узды не оборвёт.
Предвиденья надёжная основа
Лежит в тебе до срока,*

*как балласт, —
В погожий день ко дну
тянуть готова,
Но в штормы
Опрокинуться не даст!*

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Недолго сторожем работал...»

Сергею Носову не хочется походить на Борхеса

— Известность вам принёс роман «Хозяйка истории», ставший финалистом российского Букера в 2001 году. Чем это событие для вас стало?

— Тем и стало, что роман обратил на себя внимание. Кое-кого он сильно разозлил, но в целом вызвал интерес. Только читать его надо не в журнальной, сильно сокращённой редакции, а в книге, и только так. Надеюсь, скоро переиздадут. С добавлениями.

— Последующие шорт-листы «Национального бестселлера» уже не так радовали?

— Во всяком случае, не огорчали. Но, знаете, лёгкий абсурдизм, присущий некоторым моим сочинениям, похоже, отзывается и в моей жизни. Если вспомнить ещё «Большую книгу» и премию «Нос», я в шорт-листах шесть раз побывал, а кроме того, «лонги» были. Мне уже самому казаться начинает, что это миссия у меня такая — постоянным присутствием привносить элемент абсурда в славную идею премиального процесса. Сам-то я к этому спокойно отношусь. Отметят или нет книгу премией — на её достоинствах и недостатках это никак не отразится.

— Вас называют блестящим стилистом, а сами вы что думаете о своей прозе?

— Думаю, что, как бы меня ни называли, самому мне лучше не думать о собственной прозе. А то будет, как с той сороконожкой, которая разучилась ходить, задумавшись об особенностях своего шага.

— К вам обычно ещё применяют эпитет «поэт», но я вот заглянул в «Журнальный зал» и не обнаружил ваших стихотворных подборок. Вы давно уже не пишете стихов? Или публикуете их в каких-то экзотических изданиях?

— Вы правильно сказали «ещё применяют». Это по старой памяти. Стихи редко пишу, а когда-то много писал. Было время, когда не мог не писать, а сейчас могу. Значит, что было, то прошло. А печатался в разных сборниках коллективных и антологиях. Скажем, я участник антологии «Поздние петербуржцы», составленной Виктором Топоровым в начале 90-х. Я — единственный из той замечательной антологии, кто так и не выпустил персональную поэтическую книгу. Как-то не очень понимаю, что с этой книгой делать. Другам дарить? Жене? Но жена и так всё читала. Может быть, и надо издать. Но я даже не знаю, как издать стихи. Прозу — знаю. Это когда спрашивает издатель: нет ли нового чего. Отвечаю: есть. Оно и выходит. А про стихи никто не спрашивает. Значит, никому и не надо.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Носов Сергей Анатольевич. Родился в 1957 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор романов «Грачи улетели», «Франсуаза, или Путь к леднику» и др., нескольких книг рассказов и эссе, а также около 15 пьес.

— А драматургия?

— А пьесы — наоборот, их издают и переиздают. Некоторые изданы по несколько раз. И это при том, что сейчас мало кто пьесы читает. Я вот люблю пьесы читать. Читаешь, а у тебя спектакль в голове, и никакого театра не надо. И сам пишу с мыслью о читателе, чтобы можно было глазами воспринимать. Может быть, поэтому кое-что из моих пьес даже включают в прозаические сборники. И правильно — пьеса должна читаться не хуже прозы.

— Вы окончили Ленинградский институт авиационного приборостроения, но работали, в частности, сторожем. Как так вышло? И насколько это занятие расширило, так сказать, ваш писательский кругозор?

— Да я недолго сторожем работал — полгода всего. Это мой персонаж в романе «Грачи улетели» всю жизнь сторожем работает. Но многие, прочитавшие роман, думают, что, значит, и я такой же вечный сторож. А тогда в ленинградских сторожках и котельных сплошь и рядом сидели литераторы, чаще всего поэты, иногда и с двумя высшими образованиями. Вот и со мной что-то такое случилось — рифмы, образы мной овладели, ну и решил не в аспирантуру пойти, а в кочегары. Только меня в операторы газовых котельных не взяли, а на сторожа почему-то содилися. Это называлось «стрелок ВОХР» — звучало грозно, зловеще почти, но ничего стреляющего нам не давали, конечно. Я даже не знаю, что там требовалось охранять. Ничего не

требовалось. Просто в штатном расписании Метростроя была такая ставка предусмотрена. Вывозили самосвалы глину от шахты метро, а я в сторожке сидел, читал, сочинительствовал, осмыслял своё место под солнцем, — в общем, как вы говорите, расширял кругозор.

— А в Литинститут для чего поступали? Вы же учились на заочном, а это не совсем то...

— Как раз-то. Заочное не обременяло нисколько, а два месяца в Москве, весной и осенью, это было подарком. Литинститут с его общежитием был большим творческим котлом, в котором всё варилось, взаимодействовало, взаимоусваивалось. На нашем потоке учились Николай Коляда, Леонид Костюков, покойный Михаил Новиков... Ради одного только знакомства с костромичом Евгением Шиховцевым стоило поступить в институт. Туда, и именно на заочное, как магнитом, тянуло со всей страны просто удивительных людей, часто талантливых, часто с тараканами в голове. Мы поступали вместе с Геннадием Григорьевым, и оба знали, что по неписаным правилам из Ленинграда на поэзию брали только одного, а Анатолий Жигулин взял в семинар к себе нас обоих. Вы знаете стихи Генналия Григорьева? Прекрасный поэт. Из числа «беспокойников». И вот его нет в живых, а я — член жюри Международной поэтической премии его имени.

— Вас нередко сравнивают с Борхесом. Подобное сравнение льстит? Может, раздражает?

— Это от Курицына пошло, он вроде того написал, что Носов «просто ушиблен идеей сниженной борхесианы». Стало быть, тут не столько сравнение, сколько, кажется, противопоставление. Не знаю, никогда за собой таких идей не замечал. Но мало ли с кем автора соотносят, должно ли это его волновать? А если бы меня с Шекспиром сравнили, неужели бы я спать перестал?

— А с кем бы сами себя сравни-ли? Нет, даже не так. На кого хотели бы быть похожим?

— Это, наверно, банально прозвучит, но на себя. Говорить своим голосом это и есть самое важное. То есть о чём бы ни говорил автор, оно должно звучать максимально естественно. Даже если автор по какой-то причине посчитал нужным встать на голову.

— Вы автор книги «Тайная жизнь петербургских памятников». А с чего такой интерес к краеведению? Или он был всегда?

— Просто увлёкся. Бывает, я вслед за своими героями чем-нибудь увлекаюсь без меры. В «Музее обстоятельности» описал свою квартиру, а впрочем, она стоила того — наша семья прожила в ней восемьдесят лет. Ну вот и на памятник посмотрел по-своему, и стало самому интересно, как это я на них смотреть догадался. Для меня они замечательны вне зависимости от их художественных достоинств и исторической ценности. Важно другое — у каждого своя история взаимоотношений с людьми. И когда касаешься существа этих порою причудливых контактов, само собой выходишь на большие и важные темы. Только я бы не стал это называть краеведением. Краеведение — научная дисциплина. Я же методологически не краевед. Меня больше интересует психология памятников, а эту пионерскую дисциплину научной вряд ли признают. Даже если в основу положен материал наблюдений за такой своеобразной популяцией памятников, каковой являл себя петербургская популяция.

— То есть это такой питерский патриотизм?

— Да нет же. Просто живу среди памятников, вот и всё. Если бы я жил в другой местности, нашёл бы там что-нибудь специфически достопримечательное, от чего бы мог оттолкнуться для своих обобщений. Говорю о символическом обживании места, с которым так или иначе связываешь свою жизнь.

Беседовал Игорь ПАНИН

ВЕРНИСАЖ

Смиренная красота

Двадцатый век ознаменовался несколькими трагическими утратами: сначала было во всеуслышание объявлено о «смерти Бога», затем — о смерти автора, ну и, наконец, — о смерти картины. Все эти «смерти» представляются логично следующими одна за другой, знаменую переход от классической картины мира — к миру неуютно-постклассическому, миру всеобщего духовного и культурного кризиса, утраты смысла бытия, устоявшейся иерархии ценностей. К миру, где можно цитировать классические произведения лишь иронически, а актуализация, ёрническое осовременивание заменяют подлинно современную интерпретацию классического произведения или классического жанра.

Но всё-таки ещё сохраняется «святое ремесло» реалистического романа, психологической пьесы и — фигуративной станковой картины.

...Лёгкие, сотканые из красок и воздуха балерины, завывающие пунты. Прекрасные обнаженные женщины, изогнувшиеся в чувственных позах. А рядом — силуэт человека на деревянной ноге, стоящей спиной к зрителю. Или солдат у могильного креста, пьющий на помин души. Уходящие на фронт новобранцы — они машут нам издали, повиснув на подножке последнего вагона.

Красота и страдание — пожалуй, это две главные темы в творчестве художника Николая Лысак. Он выпускник Петербургской академии художеств, и это многое объясняет в его столь контрастных по сюжетам художественных пристрастиях. Академия всегда тяготела к большой картине высокого профессионального мастерства и наполненного смыслами сюжета.

Одна из последних его работ была выставлена в залах Осенней выставки Союза художников на Большой Морской, 38. И сюжет, и название её столь необычны, что кажутся почти шокирующими. Она называется «Мечта самовара». Так скорбно,

Николай Лысак. «Мечта самовара».

с примесью чёрного, «макабрического» юмора называли инвалидов времён Великой Отечественной, лишившихся ног, а иногда — и ног, и рук. (Читатель и зритель со стажем вспомнит здесь знаменитый рассказ Юрия Нагибина «Терпение» и его экранизацию.) Мы видим на картине человека без ног, который «пеньком торчит» на своей тележке (точно по слову писателя — хоть и неизвестно, читал ли художник этот горький рассказ). Тело его всей силой стремительного движения, диагональным наклоном устремлено вверх, к далёкой, недосягаемой луне. Туда жално тянется его рука, пока другая тщится найти опору на грешной и многострадальной земле. Главная линия преемственности, конечно, роднит картину Николая Лысак с метафорической живописью конца XX — начала XXI века. В ней, как и в литературе советского периода, война становилась поводом для размышления о вечном противостоянии молодости — и разрушения, красоты — и смерти. И — в лучших традициях отечественной культуры — Николай

Татьяна Полищук. «Елена Ваенга».

Лысак не подавляет человека образами смерти и разрушения. Он оставляет свет в конце тоннеля, он даёт надежду.

Уже стало доброй традицией — встречать Татьянин день в залах Союза художников Петербурга персональной выставкой Татьяны Полищук — живописца академической школы, мастера станковой картины, про которую можно смело сказать, что пишет она с истинно монументальным замахом и подлинной живописной маэстрией.

В этом году она выставила целый ряд работ, прежде всего портретов, в Голубой гостиной. Темой этих сложных по композиции, ориги-

Владимир Кранц. «Утро»

нальных по технике картин стало заимствование моды и искусства. В числе изображённых — модельер Татьяна Котегова, создатель интернет-телеканала «Арт-Вэй», блогер Оксана Куренбина, певица Елена Ваенга, балерина и балетмейстер Мария Терпугова и другие представители петербургской «богемы». Татьяна Полищук осталась верна своей «быстрой», виртуозной манере, в которой соединились великолепная академическая школа и отголоски французского импрессионизма и постимпрессионизма. Но она добавила к ней и уроки поп-арта: в её живописные портреты «вмонтированы» газетные вырезки, силуэты из модных журналов, фрагменты рекламных постеров; живописная фактура выявлена коллажными «наклейками» цветной бумаги. Поражает композиционное мастерство художника: в картине, написанной буквально за один сеанс, даётся великолепно схваченный, узнаваемый образ, подчас в неожиданном ракурсе, на сложном постановочном фоне.

В творчестве Татьяны Полищук гармонично соединились высокий профессионализм художника академической школы, жизнерадостная прививка «парижской школы», подлинный живописный темперамент и удивительно светлое, гармоничное восприятие жизни. Её работы, постмодернистские по способу интерпретации культурного наследия, лишены холодного восприятия натуры и выморочного иронизма.

В последние годы зрители и арт-критики испытывают некоторое утомление от нашего нового мейнстрима — неоавангарда, актуального искусства. Невольно взоры специалистов и любителей искусства обращаются в сторону наследия советского реализма. Свидетельство тому — выставки последних лет, от Павла Никонова в Мраморном дворце до Дмитрия Беляева и Дмитрия Жилинского в корпусе Бенау. В этот строй русского советского реализма можно вписать и так называемых художников второго ряда. В их числе — патриарх лирического пейзажа Владимир Павлович Кранц, художник, доживший до 90 лет, который соединил своей жизнью главные культурные срезы XX века. Он родился в 1913 году, пережил войну, участвовал во множестве выставок ленинградского отделения Союза художников. Этот величественно-сдержанный, интеллигентный и красивый старец, «осколок Серебряного века», стал ещё одним связующим звеном разорванной связи времён в трагическом и жестоком XX столетии; ещё одним тихим певцом неброской красоты среднерусского пейзажа.

*Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.*

Именно такая сдержанная, поэтическая и искренняя нота в искусстве востребована в наше время гламура, постгламуре и торжества коммерции.

Мария ФОМИНА,
искусствовед

*Центр современной литературы и книги,
19 февраля.*

*«Институт Конфуция представляет:
китайская литература XX века». Ведущие —
Алексей Родионов и Игорь Егоров. По окончании
вечера — китайские чайные церемонии.*

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Игорь Сахновский.
Острое чувство субботы. — М.: Астрель, 2012. — 252 с. — 5000 экз.

Стиль найти не-просто. Это как дар речи, который, когда он есть, временами может быть даже самодостаточным: говоришь, потому что получается складно. У Сахновского есть стиль, он остроумно играет с ним, настраивает на различные регистры, заточивает под непохожих друг на друга людей. Персонажи его героичны — в том смысле, что индивидуальны и не декоративны. Им сочувствуешь. Стиль вновь обретает эстетический смысл, чему можно только порадоваться. Русского автора снова привлекает маленький человек, в душу к которому так просто не заглянешь. Маленькие люди из новелл Сахновского и сами будут о себе рассказывать, исповедаться, раскрываться, а читателя не покинет чувство глубины. Все герои видят мир и друг друга по-своему, и писатель всякий раз искусно меняет угол зрения. Будучи сложным, он не подвержен модной боязни счастливых окончаний: в конце концов в мире столько всего случается, что почему бы не быть иногда и счастью?

ПОЭЗИЯ

Николай Калининченко.
Точка зрения: Сборник стихов. — М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2012. — 128 с. — 500 экз.

В предисловии Андрей Щербак-Жуков отмечает: «Это настоящие мужские стихи». Нисколько не споря с данным утверждением, добавим также, что стихи ещё и городские. Николай Калининченко — поэт мегаполиса, даже когда пишет не о Москве. Урбанизация выпирает из многих его текстов, лирических, философских, иронических.

Его герои — шофера, представители офисного планктона, заблудыги, мечтатели. Эта книга напоминает документальный фильм, в котором чётко прописаны типы современного человека. И вроде смотреть никто не заставляет, но и пропустить жалко. К числу неоспоримых достоинств книги можно отнести хорошее владение языком и приличную технику автора.

*Чужда Москва в часы смятения,
Когда окочены труды,
И толп пульсирует движение
В висках ордынской свободы.*

*Под тополями распростёртыми
В благословении немом
Замоскворецкими аортами
Мы вдохновенно поплывём.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Василий Моров.
Ода Пушкина «Вольность» и Карамзин. — М.: Новое Зерцало, 2012. — 176 с. — 500 экз.

Летом 1816 года, в 17-м и 18-м гг. юный лицеист и умудрённый историкограф встречались часто и разговаривали подолгу. Карамзин жил в Царском Селе, и при наезде к нему в гости юного поэта читал ему рукописные главы «Истории государства Российского», исправляя огрехи лицейского образования. Эти встречи питали патриотическое чувство Пушкина, однако воспитывали его мысли и настроения не совсем так, как того ожидал Карамзин. Более того, ознакомившись в доме историкографа с документами, не подлежащими широкому распространению, поэт пишет оду «Вольность», содержание которой перекликается с изысканиями Карамзина, но питает иные выводы, удручившие его наставника и грозившие тому потерей царского расположения, что, в свою очередь, могло помешать исполнению патриотического долга, как его понимал Карамзин. Осенью 1819 года между ним и Пушкиным происходит разрыв. Эта история, где тонкие психологические мотивы переплетены с дипломатическими, исследована в книге Василия Морова.

МЕМУАРЫ

А.М. Богдановская.
Вслед убегающим годам. — Челябинск, 2012. — 278 с. — Тираж не указан.

Книгу воспоминаний своей матери, Анны Михайловны Богдановской, предложил к изданию её сын — директор областного краеведческого музея и известный фотохудожник Владимир Богдановский. Анна Михайловна родилась в 1931 году в Брединском районе в семье железнодорожных рабочих. Будучи совсем юной, «малолеткой», она уже красила вагоны и нумеровала их. И вскоре заработала своей семье на дом! Потом с мужем уехала в деревню, и лишь на склоне лет сыновья перевезли её в Челябинск. Жизнь предвоенного поколения в глубоком захолустье была тяжёлой, полной разных испытаний. Анна Михайловна пережила гибель двух маленьких детей на пожаре, голод и холод. Но никогда не сдавалась. Как только власть разрешила крестьянам иметь подсобное хозяйство, Анна Михайловна создала целое «поместье». У Богдановских у первых появились телевизор, мотоцикл и машина. Пафос мемуаров Анны Михайловны заключён в следующих словах: «Я с детства запомнила главное правило: чтобы в жизни всё было по максимуму, надо много хотеть и очень много трудиться».

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Елена Ракитина.
Серёжик. — СПб.: Речь, 2013. — 192 с. — 7000 экз.

Иногда бывает так: начнёшь читать захватывающую сказку... и разочаруешься. Большой запас фантазии не всегда означает умение соткать из неё волшебный узор. Ракитина не разочаровывает. В её сложной и доброй сказке, прекрасно иллюстрированной книжке про ёжика Серёжика, сойдутся все дорожки, найдутся все нужные слова, и как раз в самый важный момент — но не раньше, чем Серёжик сможет ответить на вопрос «Что самое главное?». Для нас всех, потому что мы такие разные, в самом главном очень похожи, хотя, пока нам уютно и хорошо, не всегда знаем об этом. А вот маленький ёжик Серёжик ищет маму. И взрослеет. Его ждут чудесные и страшные приключения. Он научится делать сам много-много полезных вещей. Выучит язык птиц, подружится с пауками, спасёт из плена тысячу звёзд и сразится с драконом. И, конечно, у него появится много друзей, которые помогут ему спасти маму. Но сначала ему придётся посмотреть на себя со стороны. Ой-ёй-ёй, этот подвиг не каждому смельчаку под силу!

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

«Поговорим о Евгении Гранде»

Известно, что Бальзак, предлагая собеседнику вернуться к действительности, имел в виду собственное творчество. «Поговорим о Евгении Гранде» — эта прическазка французского классика была излюбленной и у Хулио Кортасара, но писатели вообще не те люди, что предпочитают в нерабочее время о работе не разговаривать. Вниманию читателей представлено несколько книг частной переписки: письма писателя к ближайшему родственнику, письма к издателю и письма читателей. Главное объединяющее их: вера, что литература есть самая настоящая действительность.

«Медицина моя идёт crescendo»

Эта книга — наиболее полный свод материалов, позволяющий составить представление о взаимоотношениях Антона Чехова и его старшего брата Александра, неудавшегося литератора и отца знаменитого актёра Михаила Чехова. Вместе с воспоминаниями Александра о детстве и юности его великого брата здесь собрано около двухсот писем Антона и более трёхсот — самого Александра, некоторые публикуются впервые. Переписка продолжалась с 1875 по 1904 год. Одно обстоятельство придаёт ей особенный интерес: это письма ближайшими родственниками, совершенно между собой откровенными, и притом добрых друзей, что не так уж часто бывает между близкими родственниками. «Велемудрый «Антоние!», Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!» — так, с церемонной ехидней, раскланиваются братья, прежде чем начать разговор обо всём на свете.

Пишут без обиняков. «Анне Ивановне скажи, что она ничтожество». Это Антон о жене Алек-

сандра, и вправду не составившей счастья брата. Пишут о медицине. «Умею врачевать, и не верю себе, что умею... Не найдёшь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить». Это Антон о своём врачебном признании. Но более всего — о творчестве. Им есть, что обсудить. Сначала старший приезжает в Москву, зовёт к себе младшего, покровительствует его литературным опытам. Критические замечания Александра частото наблюдательны, но чересчур общи: «две сцены обработаны гениально», «сюжет чересчур мелок», «если ты захочешь, я когда-нибудь напишу тебе о твоей драме посерьёзнее и поделнее». Имеется в виду пьеса «Безотцовщина», но ничего «посерьёзнее» Александр Антону так о ней и не напишет. Роли очень скоро изменятся, и вот уже младшенький, которому недавно минуло двадцать, наставляет брата на литературном поприще и сам изыскивает возможности опубликования хотя бы его переводов.

Впрочем, Антон высоко ценит эпистолярное общение с братом: «Пиши почаще, но поподробней. Твои письма... я причисляю к первоста-

тейным произведениям и охраняю их». Или ещё: «Стану по ночкам разбирать твоё письмо. Я — критик, оно — произведение, имеющее беллетристический интерес». Так случилось, что именно в письмах к Антону литературный талант Александра нашёл наиболее совершенное выражение. Взгляды Антона на литературное творчество высказаны предельно откровенно и страстно.

«В своих письмах я самый настоящий»

Эту книгу готовила к выходу в свет замечательная переводчица Элла Брагинская. До своей смерти в 2010 году она успела опубликовать лишь небольшую часть писем своего излюбленного автора — прославленного аргентинца Хулио Кортасара.

Прославленным Кортасар стал далеко не сразу. Эти письма 1960—1965 гг. и есть история его успеха. Они адресованы Франсиско Порруа, основателю издательства «Минотавр», литературному агенту, другу, идеальному читателю. Порруа сыграл огром-

Александр и Антон Чеховы.
Воспоминания, переписка. — М.: Захаров, 2012. — 960 с.: ил. — 3000 экз.

Хулио Кортасар.
Письма к издателю. — М.: Центр книги Рудомино, 2012. — 320 с. — 2000 экз.

«Дорогой Иван Денисович!». Письма читателя: 1962—1964. — М.: Русский путь, 2012. — 360 с.: ил. — 1000 экз.

ную роль в литературной судьбе и мировом признании Кортасара. Писатель с нежностью отзывался о минотавре, этой некогда взятой им под защиту «благодарной животине», которая теперь прекрасно издаёт его книги. «А люди увидят в этом простое совпадение — смешно!» — пишет он, обсуждая подготовку «Историй и хрониках и о фамах». В письмах прямо на глазах крепнет дружба Кортасара и поверившего в него Порруа. Прямо пропорционально взаимопониманию растёт писательская уверенность в собственных силах. Вот Кортасар ещё сомневается в своей способности дать дельный совет насчёт оформления книги — «у меня нет никаких идей, я всегда был бездарен в рисовании». Спустя год-другой он не только азартно и придиричливо обсуждает макет, но и нисколько не затрудняется принять участие в работе над филь-

мом. Он приобретает вес в Европе, уверенно пишет о рецензиях на свои книги, о журналистах, которым даёт интервью, взаимодействии с крупнейшими иностранными издательствами. «Моя профессия позволила мне в конце концов ставить свои условия», — удовлетворённо отмечает в 1964 году ещё недавно почти безвестный аргентинец.

Во всём этом — немалая заслуга Франсиско Порруа. Уже в 1961 году он превращается в «дорогого друга» и «дорогого хронопла». «У читателя память короткая, встретив тот же текст в корпусе книги, он вряд ли спохватится, что где-то его уже видел», — откровенничает Кортасар со своим другом, с «дорогим Паком», чья память никогда его не подводила, и признаётся: «Я сказал Ауроре: теперь я могу умереть, потому что там, через океан, есть человек, который ис-

пытал ровно те чувства, которые, как я намечал, должен бы испытать мой читатель». Аурора Бернардес — жена Кортасара, которая и подготовила к опубликованию полную его переписку. Теперь и на русском есть её небольшая, но весьма существенная часть: письма к издателю, который, по счастливому совпадению, оказался к тому же идеальным читателем.

«Империалисты всегда начеку»

В ноябре 1962 года в журнале «Новый мир» вышла повесть некоего А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в редакцию хлынул поток писем. Писали рабочие, студенты, пенсионеры, военные, бывшие ээки и нынешние подследственные. Об А. Солженицыне не имелось ни-

каких сведений, и потому письма, обращённые к нему, могли начинаться так: «Дорогой Иван Денисович!»

«Сегодня я прочёл в журнале вашу повесть — и потрясён. Больше того, я счастлив... Она с огромной силой подтверждает великую истину о несовместимости искусства и лжи», — в этих словах слышен священный восторг, радость обретения правды. За редким исключением, все отклики подписаны именем и фамилией автора, с указанием точного домашнего адреса: люди несли ответственность за свои слова, и это, как верно отмечают составители сборника, «при сегодняшнем бесстыдстве анонимных словотококов, наполняющих информационное пространство, выглядит особенно достойным».

Среди писавших были братья Твардовского — кузнец со Смоленщины и старик из Нижнего Тагила. Твардовский отметил, что отклики эти были необычны для их родственной переписки; оба брата благодарны за публикацию повести. Уже в январе Твардовскому пишет Евгения Гинзбург, именно тогда решившаяся просить об опубликовании записей своего крутого маршрута.

Поступала и критика. Частью от бывших эзков, указывавших, что режим лагеря, где сидел Иван Денисович, был из лёгких. Со многими из них Солженицын встретился потом лично, собирая материал для новой, огромной книги. Среди таковых, где с выверенными комплиментами перемешана довольно едкая критика, было письмо

Шаламова.

Но были и иные, смятенные, отзывы. Например, такой: «Написали Вы со всею честью и правдой... но разве нужно было написанное публиковать? Чего же больше, Зла или Добра, Вы сделали сейчас? Понимаете ли, какую борозду пропашет в душах не литературных, а нормальных ребят наших каждая строка этих воспоминаний?» Представитель французской компартии Жан Тирло полагает, что публикация повести Солженицына «не принимает во внимание единства интересов различных компартий: империалисты... используют до конца и методически все наши ошибки».

Даже в оценке художественных достоинств повести не существовало единства. Кто-то порицал «полудетский недоразвитый стиль». Кто-то горячо твердил, что Солженицын «вернул литературу то, без чего она не может существовать: тональность, гармонию, ритм». Были те, кто, подобно Станиславскому, сурово заявлял, что не верит в этих «обесчеловеченных человечков», от которых «остались одни желудки». И лишь одного не было в письмах: спокойствия, отрешённости. Нашлись читатели, сравнившие повесть об одном дне лагерного заключения с Библией. Судя по редчайшему накалу страстей, искренности чувств, серьёзности высказанных убеждений, это сравнение, оставшаяся преувеличенным, не было бесосновательным.

Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Вынутые шпильки

Книга Льва Аннинского привлечёт читателя и именем автора — острого, неожиданного критика, и эмоциональным названием «Эвтерпа в лапах Гименея». Даже не зная, кто эти Эвтерпа и Гимений, предчувствуешь непростую историю. Автор объясняет в предисловии: «Эвтерпа — муза поэзии. Гименей — покровитель брака». «То есть это о семейной жизни великих поэтов?» — решит любознательный читатель и немедленно книгу купит. И, возможно, будет несколько разочарован. Потому что первая же история пренебрегает заманчивым «клубничным» сюжетом. Здесь не столько о любви, а об истории, о смутном времени и двух его пророках — А. Белом и А. Блоке. Белый — «пленный дух» мистик-арлекин, антропософ, заблывавший людей до обморока, и Блок — символист, корректный, молчаливый, «героический ари-

ец». Оба — профессорские дети, поклонники Владимира Соловьёва, оба погружены душой в грядущую судьбу России; их диалог — письма, стихи, статьи — не раз воспроизводился в исследованиях русской культуры начала XX века.

«А Любовь?» — время от времени восклицает Л. Аннинский голосом обиженного читателя и, уступая ему, на полстранички описывает «соблазнительную сцену», когда Любовь Дмитриевна на свидании с Белым уже и шпильки разрешила ему вынуть из своих роскошных волос Прекрасной Дамы... «Вынутые шпильки — знак женской готовности», — замечает автор, но поэт по неопытности упустил время и позволил Даме опомниться и сбежать от греха. Вот и вся любовь. А никто и не обещал adultery-терной истории. «Остережение в катастрофе» — называется этот рассказ с двусмысленным подза-

головком: «Александр Блок. Андрей Белый. Любовь». И если уж речь идёт о браке, то о браке Блока с Россией. Если говорится о противоречиях творческой личности, то это борьба Люцифера с Ариманом. А трогательные подробности: как Блок нянькой сидел у постели больного друга (после всех страстей, разрывов и вызовов на дуэль) или предлагал ему денег «без срока отдачи», — создают конкретный и фантастический характер отношений двух поэтов. И — что, соб-

Лев Аннинский.
Эвтерпа в лапах Гименея. Любовь и брак в жизни великих русских поэтов. — М.: Изд-во ИЖЛТ, 2012. — 198 с. — 500 экз.

ственно, интересует автора — характер времени.

Более всего соответствует заглавию книги глава «Мальчик и Колдунья» — о Гумилёве и Ахматовой. Тут уж и Гименей налицо, и Эвтерпа, запечатлевшая портреты супру-

*Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стёртые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чай с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой, —*

лаконично сообщит Колдунья. А Мальчик, измученный постоянными, в течение трёх лет, отказами на свои постоянные предложения руки и сердца и выросший за это время в лихого конквистадора и мэтра акмеизма, заполучив, наконец, Жар-птицу, поймёт:

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.*

Мальчика расстреляют в 21 году, а Колдунья переживёт всех знаменитых современников, станет живой легендой, а память о «муже своей юности» упрятят в тёмные закоулки «Поэмы без героя», растворит в царскосельском пейзаже, оставит сложной системой зеркал.

«Брак и любовь личность скорее разрушают, это испытание...

А ранний брак (как у меня) — вообще катастрофа. Удар на всю жизнь». Так считала другая героиня Аннинского — Марина Цветаева, «ради супружеской верности располозовавшая свою жизнь на кроваво-красные и смертельно-белые полосы». Верность фигурирует в плане идеальном: в любви Марина — человек страсти и действия, какой уж тут Гименей... Но и здесь в центре внимания драматургия не столько любви, сколько истории. «Выпало бы им жить в более счастливую эпоху — прожили бы, как полагается, до

ста лет вместе и умерли бы в один день». Лукавый автор сам не верит своим словам: ведь совершенно очевидно, что жить с такой женой, как Цветаева, всё равно что жить с волной цунами.

«Конгенитальная пара» Есенин и Айседора — это «два грозových фронта, два наэлектризованных миража». Столкнулись, прогремели на весь мир, сверкнули — и унеслись «созвездьем в мифологическую бездну». Любовь? Или история о том, как заморская танцовщица прельстила рязанского парня сказками о своих вилах и особняках? Нет, две трагические судьбы притягивались друг к другу под раскаты революции.

Чем ещё замечательна книга: хочется немедленно узнать о её героях всё! Закрыв её, начинаешь перечитывать стихи, отыскивать письма, мемуары и биографии — всё для того, чтобы продолжить диалог с увлекательным и парадоксальным собеседником.

Карина ЗУРАБОВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Как у всех. Только лучше

Не всякий из моих коллег может похвастаться опытом профессионального общения и совместной работы длиной в 35 лет, как у меня с Белгородским театром. Тем более теперь, когда оказались разорванными столь необходимые связи театров с профессиональной критикой. У меня же с Белгородом эти отношения начинались с достаточно бесславных времён, с пустых зрительных залов, запущенного бесхозного здания, стареющей труппы, ежесезонно меняющихся руководителей... И вот уже давно на все последующие годы — один директор — Виктор Иванович Слободчук, не просто ставший директором — Мастером, но и, пожалуй, первым в России, открывшим новую форму руководства театром, когда директор принял на себя и полноту художественной ответственности, захотел и сумел стать подлинным художественным руководителем коллектива, увы, в отличие от многих, большинства своих последователей, других администраторов. Опыт этого театра и его руководителя достаточно уникален.

Сейчас в Белгороде — блестящая актёрская труппа, с которой в разное время работали лучшие режиссёры страны: Владимир Андреев, Борис Морозов, Юрий Иоффе, Валерий Белякович, Александр Огарёв. Классические спектакли — «Горе от ума», «Заворожённое семейство», «Лес», «Вишнёвый сад», «Весенняя гро-

Сцена из спектакля «На бойком месте»

за» — безусловные победители многих российских и международных фестивалей, к сожалению, не «Золотой маски», позиционирующей себя как национальную премию, но пренебрегающей привычками и вкусами массовой российской публики.

Хорошо помню, как Белгородский театр заслуженно получил звание академического. Как сезон за сезоном, день за днём накапливал репертуар, завоевывал зрителей, как их здание и сцена становились наиболее ухоженными и оснащенными в стране.

В таких условиях очень важно на длинной, доставшейся нам дистанции профессиональных отношений суметь быть полезными и интересными друг другу. В этом сезоне мне мои коллеги, мои друзья подарили новые впечатления, новый опыт, который им прежде был несвойственен. Я имею в виду их прорыв к современной пьесе. Признаюсь, мы часто спорили и с Виктором Ивановичем, и с любимым моим завлитом Людой Кондратьевой, я настаивала на своём убеждении, что без отражения на сцене дня сегодняшнего с его проблемами и его выразительным языком не сможет развиваться театр.

Ведь и пьесы Островского, Чехова, Горького родились когда-то как современные, а потом уже оказались на века. «Одноклассники» Юлия Полякова, поставленные недавно в Белгороде, были все рейтинги в стране. А в театре имени своего земляка Щепкина, при выходе к аншлагам, тоже был рекорд по посещаемости и успеху. Здесь сошлись талант драматурга, высокий профессионализм постановщика Бориса Морозова и яркие актёры-белгородцы. Ну, к примеру, на главную роль «афганца» Ивана Костромитина, безмолвным инвалидом прикованного к креслу, вернувшегося с войны, не дано ни одного слова. ...Он недвижим и выключен из событий собственного же сокращения, собравшего друзей. Но он — центр спектакля, смысловой, духовный, сюжетный. Попробуй сыграть такую роль! Известно, что молчать актёру на сцене, держать паузу, разговаривать глазами, спиной, инвалидной коляской труднее всего. Из всех других Иванов, виденных по стране, для меня Михаил Новичихин — лучший.

А какой блестящий треугольник бывших одноклассников составляют две красавицы — Светлана — Оксана Бгвина, воистину в тихом омуте известно что водится! Анна — Эвелина Ткачёва, блестящая, шумная, но и прачущая за бравадой свою неприкаянность, и Вик-

тор Черметов — Дмитрий Гарнов, главный антипод героя во всей сложности и противоречивости судьбы и характера. Немало «скелетов в шкафу» накопило нынешнее поколение сорокалетних. Увидеть это поколение во всей сложности их проблем и взаимоотношений даёт возможность белгородский спектакль.

Известно ведь, что невозможно не совершать ошибок. Зато как их исправлять? Как достойно из них выходить? И оставаться человеком. Не подлеем. Нелёгкий урок своим зрителям преподносит премьерный спектакль белгородцев.

Но Белгородский театр играет в нынешнем сезоне ещё одну пьесу «про нас», найденную в Одессе у драматурга А. Мардана «Ночь на светлой улице». Пьеса, пожалуй что, совсем скромная и по масштабу проблем, и по художественным достоинствам. Женищина и... двое мужчин, опостылевший муж, отношения с которым давно зашли в тупик и погразили во лжи, и другой, новый, неизвестно откуда из новогоднюю ночь появившийся рядом с героиней, а с ним — новые надежды... История, как говорится, старая, как мир!

Но именно белгородские артисты — Ольга Решетова, Игорь Ткачёв и Виталий Бгавин — в эту «Ночь на светлой улице» сумели вдохнуть живую жизнь в достаточно схематичные фигуры, прожили какую-то свою загадочную трепетную историю, заразили зрителей волнением и опять же... победили!

Вооружённым опытом постановок современной пьесы всегда легче классику сделать более близкой, современной зрителям. Много предыдущих лет я часто слышала от моего давнего друга Слободчука: а вы назовите мне из сегодня написанного пьесу, равновеликую «Горю от ума» или «Вишнёвому саду». Ну так не бывает! И только время расставляет всех по своим местам. Кому и какое место уготовано в веках. И уж если на то пошло, то в театре идёт не только вечное, бессмертное, а то, что называется — репертуар, и сегодня, сейчас ведёт со зрителем разговор со сцены в продолжение их жизни и забот, о самом злободневном и актуальном. Современная пьеса, современный спектакль с животрепещущей темой и героями очень нужны зрителям,

но и актёрам. Тогда их разудалые герои из пьесы А.Н. Островского «На бойком месте», прекрасный спектакль, не первый сезон идущий в Белгороде, без всякого искусственного осовременивания материала, без сегодняшних платьев, но внутренне, по современному способу актёрского существования ещё более приближаются к своим зрителям. Здесь бесспорно лидирует Павлин — Виталий Бгавин, фат и романтик одновременно, циник и большой ребёнок, балованный красавец, которого, как известно, по ходу дела делают тоже совершенно замечательные Евгения с Аннушкой, две чудные стержки в исполнении звёзд театра, — Эвелины Ткачёвой и Вероники Васильевой. В тесной компании с ними Вукол Бесудный — Игорь Нарожный, объёмный, глубокий, яркий характер. А Россия в спектакле Юрия Иоффе на постоянном дворе теперь уже позапрошлого века на большой проезжей дороге кутит и пьёт, любит и дерётся, как в современном Куршавеле: то ли со зла, то ли отоски и скуки, то ли просто так, по привычке, без причин... Может, и немодно, но люблю, как привыкла, содержательный театр, со смыслами. Потому и дружу много лет с Белгородом, с кем сошлись наши пристрастия.

Нынешним театрам непросто найти современную пьесу, отражающую жизнь в формах самой жизни, так востребованную российской провинцией. А разве просто сегодня собирать, коллекционировать труппу?! Находить близких по духу режиссёров-постановщиков?.. Вот сейчас очередной традиционный фестиваль, уже девятый, посвящённый Михаилу Щепкину, готовят. Надо отобрать, пригласить лучших из лучших своих коллег, чтобы белгородцы осенью будущего года увидели реальную картину сегодняшнего театра. Сравнили. Обычно после каждого фестиваля здесь ещё больше любят свой театр, своих актёров. А значит, на других посмотреть и себя показать.

Конечно же, у них не бывает без проблем и недостатков. Люблю белгородцев за то, что они умеют достойно их преодолевать. И держатся в серьёзном и честном отношении к делу, в профессионализме.

А что касается моей позиции, то, согласно ей, критикам не надо театру врать и стараться быть, а не казаться необходимыми друг другу. Полезными... Не разочаровывать друг друга.

Анна КУЗНЕЦОВА,
БЕЛГОРОД — МОСКВА

КАЗУС

Та ещё интертрепация...

«Весёлая вдова» Франца Легара в Московском музыкальном театре им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко

Никаких разумных толкований случившемуся. Трудно даже отдалённо, перевоплотившись в режиссёра, проникнуться его логикой, исходными посылками — для чего, за что нужно было *так* выступить с собственным суждением по поводу «Весёлой вдовы», не просто великого музыкального сочинения, но уже, конечно, и мифа мирового музыкального театра. А с мифами нужно бороться — вот, пожалуй, установка, объясняющая все перевертыши постановки.

Во-первых, радикальную дегероизацию прелестной Ганны Главари. Она у них превратилась в «лысую певичку», какую-то оторву, развязную, бескультурную, не занятую ничем, кроме эпатажа окружающих; ни глубины, ни интеллекта, ни личностной привлекательности, не говоря — артистического и чисто женского обаяния (Наталья Петрожицкая). Окружение ей под стать. От имени персонажей оперетты Легара предстательствуют полудурки, с намеренно стёртыми физиономиями, внешностью, в унифицированных костюмах, не позволяющих ни танцевать, ни двигаться, но лишь подчёркивающих всеобщее вырождение. Это относится и к обитателям посольства вымышленного государства Понтеведро в Париже (особенно к ним), и к самим парижанам. Уже в прологе, где хоронят миллионера, старого Главари, воссоздано партийно-номенклатурное сообщество позднесоветского периода. Люди в серой униформе (каракулевые шапки, френчи или что-то в этом роде) под звуки похоронного марша (на изменённую тему канкана из последнего действия) произносят по бумажке тупоумные эпитеты над покойником. Артисты кто беспомощно, кто грубо селятся воспроизвести в мимике, интонациях речевой стиль партаппарата — в него вдруг устремил критические стрелы «европейский» режиссёр прибалтийского происхождения Адольф Шапиро.

Мыслить сегодня категориями, давно исчерпанными в общественном сознании? Видимо, он совершает какой-то последний расчёт с тяжёлым прошлым. Впрочем, почему оно тяжёлое — вполне успешный деятель, сформировавшийся

в то счастливое советское время, в котором жизнь театров была крепко защищена государством, этим самым партаппаратом, позволяя спокойно работать, делать себе имя и в конце концов перестроиться и прекрасно войти в сегодняшний контекст российского театра.

Художник Александр Шишкин создаёт совершенно абстрагированное от реалий и исторического времени «Весёлой вдовы» пространство, используя свои излюбленные мотивы снега, вездележащего, и чёрных ворон, повсюду сидящих (см. «Ричард III» в «Сатириконе»). Сказать, чтобы это как-то приближало или намекало на художественную истину, как они её понимают, — нельзя. Нам лишь дают понять, что создатели идут в отрыв от первоисточника, от традиции салонной оперетты. Чтобы не дай бог, ни мы в зале и ни один прохожий по Большой Дмитровке не заподозрил их в пагубной приверженности к установкам первоисточника. Основная задача — преодолеть его отвлечёнными решениями. Лучше всего вышла воспроизведённая на панно лошадь в первом действии.

Стратегия борьбы с первоисточником затронула либретто. С пьесой работали. Новую версию создал куллиетист Вадим Жук (стихи) и сам Адольф Шапиро (диалоги). Наивно думать, чтобы они хоть чуть пошатнули незыблемую драматургическую основу немецкого либретто Виктора Леона и Лео Штайна (1905) или замечательную комедию Владимира Массы и Михаила Червинского (1955), — тексты этих мастеров неотчуждаемая часть «Весёлой вдовы». Жалкие попытки по-своему высказаться и попищать классиков с разных сторон ни в коем случае не побороли великую традицию прошлого. Осталось только паразитировать на ней. Переписывание либретто — издана неплохой бизнес — даёт возможность присосаться к валовому сбору и качать авторские отчисления с проката как «соавторам» классиков.

Несчастные не понимают одного — им не написать лучше. Не превзойти эту простую в основе своей — и высокую! — историю о любви, которая оказывается выше денег, выше политического расчёта; любви, что сродни самой бесконечно-

сти. Они не понимают ни масштаба этого сочинения, ни его жанровой природы, ни его человеческого своеобразия. Их подходы к «Весёлой вдове» продиктованы самолюбивым и недостаточно грамотным стремлением к некоему протесту. И он лишь оскорбляет эстетические вкусы и затрагивает достоинство академического театра.

Вокзал весьма средний. Дирижёр Вольф Горелик едва не спит за пультом, оркестранты ему что-то подсказывают. Танцев нет — хореограф Олег Глушков, замечательно показавший себя в ряде постановок («Пер Гюнт» в Ленкоме, «Моряки и шлохи» в Мастерской Петра Фоменко и т.д.), здесь незнаем. Наиболее запоминаем кордебалет сопровождения главных героев (шестёрка парней в красных рубашках). Смяли финальные поклоны на премьере. И т.д. В общем и целом — позор.

Что и требовалось доказать. И доказывалось много раз: оперетта — самодостаточное и великое искусство, её не поставить с наскака. Тем более «Весёлую вдову», имеющую счастливую сценическую судьбу в мировом масштабе и эталонные интерпретации великими

мастерами, музыкантами XX века — от Никиши и Фуртвенглера до Караяна, от Миши Гюнтер и Луи Троймана (первых Ганны и Данило) до Джоан Сазерленд, Райны Кабаиванской, Пласидо Доминго, Бо Сквохуса и т.д. Несть им числа. Мы не сравниваем вокальные возможности и постановочные бюджеты, не подумайте. Мы говорим о «дистанции огромного размера» между стремлением постигнуть загадку автора и стремлением его унизить. Значение этой вещи с каждым достойным исполнением словно растёт, в ней открываются важнейшие художественные и человеческие идеи, способные резонировать уже более ста лет в современном театре на всех континентах! И для этого не следует с вешью бороться, вживляя в неё собственные комплексы банкротств. Парадоксально: но её имманентное совершенство и стало, скорее всего, внутренним посылом постановки Музыкального театра. Из-за невозможности дотянуться — забросали грязью.

Томас БЕЛЯЕВ,
БОНИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя острый отзыв нашего читателя из Германии на премьеру, действительно неоднозначно встреченную и критиками, и зрителями, «ЛГ» не во всём разделяет мнение автора о Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, являющемся одним из ведущих коллективов страны. Надеемся, что досадная неудача с перелицовкой знаменитой оперетты заставит прославленный коллектив, его оркестр, вокальное созвездие требовательнее относиться к работе интерпретаторов. Потому как неумелая или злонамеренная интерпретация легко превращается в интертрепацию.

СОБЫТИЕ

Киноклондайк

В Белых Столбах в 17-й раз прошёл фестиваль архивного кино

Можно ли двигаться по трём дорогам сразу? Сказочный персонаж, пригорюнившийся у развилки дорог, у всех, наверное, в памяти. В отличие от него фестиваль архивного кино удерживается от выбора одного пути и движется сразу в нескольких направлениях.

Первая тропинка — академическая. Двигаясь по ней, фестиваль собирает эстетское меню, предназначенное для знатоков дела. Кроме уже ставших привычными (к хорошему быстро привыкаешь!) восстановленным стараниями команды Николая Майорова ранних цветных и стереофильмов, здесь можно было увидеть поразительную работу Ивана Мозжухина в роли Хаджи Мурата в фильме «Белый дьявол» (1929). Фильм был франко-немецкой копродукцией, снятый в Ницце и Берлине. Среди предложенных публике раритетов была подборка кинопроб и показ частично сохранившихся картин.

Казалось бы, что могут сказать о фильме крохотки в одну или три минуты? Пара рабочих моментов со съёмкой комедии «Проданный аппетит» 1927 года. Плюс мультипликационная заставка. Да, но на репетициях-то режиссёр Николай Охлопков. И ни одного из трёх фильмов его не сохранилось. А сценаристами, между прочим, были Николай Эрдман и Анатолий Мариненко. Хотя бы поэтому крохотки не простые, золотые. В этой же программе «Сохранились не полностью» можно было увидеть два фрагмента (кстати, из разных архивов — ГФФ и Красногорского архива кино- фотодокументов) фильма «Круг» (1927), одним из режиссёров которого был Юлий Райзман. Сценарий писали Сергей Ермолинский и Вадим Шершеневич. Легко предположить, что и Ермолинский, и Шершеневич за него влезлись ради заработка. Но сценарий получился не такой уж прямолинейный. Мелодрама с любовным треугольником тут складывается на революционный сюжет. Любовник — прожитый жизнью, который на скачках прощивает государственные денежки, а муж — помощник прокурора.

И вот он должен решить судьбу не только соперника, но и жены.

Впрочем, не только амбивалентность трактовки и принципиальная невозможность хеппи-энда обращают на себя внимание. Ермолинский и Шершеневич «перелицовывают» на новый лад любовный конфликт трагедий Корнели и Расина — между чувством и долгом. Похоже, эпоха классицизма (в который раз!) классифицируется как матрица для понимания современности. Но любопытно, что режиссёры

том, что носители информации (а значит, и программы, и техника) меняются стремительно, примерно через каждые пять лет. Это означает, что оцифровка киноплёнки превращается в сизифов труд. Едва архив успев закончить перевод на новые носители, как можно начинать сначала. В результате технологическая гонка становится кошмаром архивистов. Отстаёт нельзя, догонять почти бессмысленно. Чешский коллега, выступавший на круглом столе, рассказал о сложно-

Артист Лев Прыгунов в уникальном хранилище

решают его отнюдь не в гротесковом ключе, а насыщают психологическими деталями и колоритными съёмками скачек, ипподрома. В фильме играют знаменитые актёры — Анатолий Кторов, Вера Попова, Андрей Жилинский... В результате этот фильм (даже — его фрагменты) оставляет (при всей натянутости, надуманности конфликта) ощущение до странности точного отпечатка эпохи. Такого двоящегося отражения, в котором классическая трагедия обретает вдруг оскаль гротесковых химер собора Парижской Богоматери.

Вторая тропинка, напротив, чисто прагматическая. Она наметена на круглом столе, посвящённом будущему киноархивов в XXI веке. Как выяснилось, новые цифровые технологии, столь полезные при восстановлении старых фильмов, не могут стать единственной опорой при хранении. Проблема в

стоях, с которыми столкнулась британская BBC. С 1950 по 1990 год англичане, стремясь поспеть за веком, успели сменить 35 систем записи изображения. Получили несколько миллионов часов материала. Примерно 40 процентов использовать не могут. Мало того что техника сменялась, ещё и нет записей содержания программы. Обычных записей, на бумаге. Резюме простое — ничего надёжнее киноплёнки нет. А значит, трудности её сохранения — с огромными помещениями, поддержанием температурного режима, сложной технологической проверки и промывки — остаются.

Другой момент — из разряда вечных. Поскольку идеальные архивисты — истинные Плюшкины, для них вопрос поиска и сохранения наследия всегда актуален. Но, похоже, сейчас особенно. Сегодня многие организации, которые

раньше имели фильмотеки (НИИ, университеты, кинобазы), охотно расстаются со старой рухлядью. Пару лет назад киновед, архивист Александр Дерябин из списанной университетом фильмотеки извлёк несколько научно-популярных и учебных лент. Их сохранилось всего штук 50. Короче, это раритет едва ли не больший, чем старые художественные картины. Фактически у архивов сейчас последний шанс собрать киноматериалы XX века... Лишнего тут не бывает. Но эта работа требует объединения усилий и системного подхода.

Наконец, о третьей дорожке. Легко сказать, что архив — наглядное опровержение триозма, что у нас нет прошлого и будущего, есть только настоящее. Архив, собственно, и свидетельствует о былом. А значит, задаёт вопросы о его смысле. Вы не можете предъявить исторический факт, как забытый старый стул. Вы вынуждены его включать в какой-то ряд, а значит — отношения, связи. Эти отношения могут быть жёстко детерминированы, как в фильме «Пастух и царь» (1934). Тот был сложен, как пазл из хроник, фильмов Пуодкина и даже полотна «Товарищ Сталин в Первой конной армии»... Другой тип зависимости продемонстрировал фильм немецкого режиссёра Александра Клюге «Артисты под куполом цирка: беспомощны» (1968). Зритель дана полная свобода интерпретации. Не фильм — загадка. Но из тех, которые обречены остаться в памяти.

Иначе говоря, фестиваль в Белых Столбах снова и снова задаёт вопрос: что такое история, что от неё остаётся, когда опадает за ветхостью золочёная рама очередной идеологии. Это вопрос не академический — экзистенциальный. Фестиваль хорош тем, что демонстрирует широкий спектр возможных ответов на него. Из самых впечатляющих — данный индийским режиссёром Сатьяджитом Рейем в «Музыкальной комнате» (1958).

Собственно, после этого фильма понимаешь, что главный подарок Белых Столбов — это встреча с шедевром.

Жанна ВАСИЛЬЕВА

Сергей Урсуляк: «Экранизация предполагает борьбу со зрителем»

К 70-летию Сталинградской битвы канал «Культура» повторил показ сериала «Жизнь и судьба», снятого Сергеем Урсуляком по роману В. Гроссмана. «ЛГ» в № 42 за прошлый год достаточно критично оценила и первоисточник, и фильм. Верные принципу объективности, мы предоставляем слово создателю сериала.

— Сергей Владимирович, в дипломном спектакле Шукинского училища вы играли главную роль — Чацкого. Получили ли вы от работы и от своего героя урок жизни на будущее?

— Для меня в то время всё являлось уроком. Это был опыт работы с большим режиссёром — ставил спектакль мой худрук Евгений Симонов. Помимо всего, он же — главный режиссёр Театра им. Вахтангова. А самый важный урок: я пробовал приблизить Чацкого к тому дню, в котором мы живём, актуализировать его монологи, пытался их очеловечить — и на это было наложено строжайшее табу. Тогда впервые в жизни я зримо убедился в том, что режиссёр решает всё. Евгений Рубенчиков был сторонником поэтического театра, не любил социальность, остроту и имел на то полное право, поскольку был внятен в своей позиции: это поэтическое произведение о любви, и с советским человеком у Чацкого ничего общего не могло быть. Наши ощущения от роли не совпали.

— Сегодня живёт в вас Чацкий?

— Как и всё в моей жизни — вполне... Воспоминания, скорее, чем активная жизненная позиция. Нет. Думаю, что и тогда я не был Чацким. Не могу сказать, что с годами я превратился в Молчалина, но я не Чацкий. Я ближе к Фамусову. Возраст берёт своё...

— По-вашему, сейчас Чацкий актуален? Хотят «Горе от ума» экранизировать...

— Серьёзно?!. Думаю, там есть мысли, которые могут быть любопытными сегодня. Но они будут востребованы небольшой частью читающей публики. Грибоедов для большинства сегодняшних активных зрителей: грибы — отдельно, елов — отдельно. Всё опять превращается в гламур. Как и всё у нас...

— «Фамусовщина» как в вас проявляется? Человек придерживается традиций, не хочет перемен, потому что боится нарушить баланс в устоявшейся жизни?

— В целом — да. Не люблю сумасшедших, которые пытаются всё разломать. Просто я сам лет тридцать назад ломал, знаю, что это очень опьяняет, а результат — нулевой.

— А что-нибудь поменять хотелось бы сегодня?

— Очень многое! Но только не вижу, с кем, во-первых. И знаю по опыту, что мы, любители перемен, потом расходимся, чтобы заниматься своим делом, ради которого мы родились, а на наше место приходят чиничные люди с жирными заправками и обращают нашу победу в наше поражение.

НЕ ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ

— Творческие союзы, организованные и активно действовавшие в советское время, насколько сейчас полезны?

— Я не застал то время, когда СК был союзом единомышленников. Принято было в него вступать, я и вступил. Тогда я думал, что творческий союз — это, в принципе, искусственное соединение. Вообще я пассивный член и в СК, и в обеих академиях. Но если сегодня смысл существования СК заключается в том, чтобы помогать старикам и молодым, то этого аргумента вполне достаточно. Я не склонен рассуждать: «Сегодня союз не нужен — давайте его разгоним!» Ну, сегодня не нужно, а завтра для чего-то будет нужно. Не я его придумал, не мне его и разгонять. Сам я в союз никогда не обращался, ни по одному вопросу. Не предполагаю, что придётся. Но и не считаю, что это какая-то лишняя структура. Ну, раз есть, то пусть будет.

— А есть ли у вас позиция в разделении СК на два лагеря?

— Нет никакой позиции. Там водораздел проходит по линии отношения к Никите Сергеевичу Михалкову. Я для себя решил очень давно, что мои коллеги — это то, что они делают в профессии. Именно поэтому я ни с кем из них не общаюсь. Не знаю, какие они люди. Не посещаю кинофестивали. Не участвую в премьерах. Ни с кем не перебиваюсь, за исключением нескольких человек, которые, допустим, снимались когда-то у меня в картинах, и остались у нас добрые отношения. И мне неинтересно, кто какой человек, кто что сказал, кто с кем дружит и против кого. Я знаю Михалкова как выдающегося режиссёра и актёра. Ещё его знаю как папу замечательной актрисы, которая у меня снималась, Анны Михалковой. Мне большего знать не надо. Никаких других дел с Никитой Сергеевичем у меня нет. Просто я вырос на его картинах и многих замечательных актёрских работах. И вспоминать его будет не по тому, что он сказал, а по тому, что он сделал. Как и всех нас. О большинстве вспомнить нечего — ничего не сделали, всё ушло в пустоту.

— Итог деятельности характеризует самого человека.

неправильно! Я всё равно иду с автором! Но существуют нюансы, и не всё можно сделать в кино. Если пытаться осуществить непонятное и невозможное, то есть большая вероятность того, что получится фальшь.

— Авторы, которых вы экранизировали, настолько разные, что непонятно, как они могли вместе собраться в один список — в фильмографию одного режиссёра. Что общее в них есть для вас, что их объединяет?

— Это литература, которая мне интересна. Очень люблю Горького! Его пьесы считаю замечательными, поэтому вполне естественно, что я поставил «Дачников» (фильм «Летние люди». — Авт.) В тот момент это стало для меня вполне актуальной темой: рассказывая о горьковских дачниках, я рассказывал о сегодняшней интеллигенции. Не говорю о результате, а уточняю — почему. Многое люблю из Агаты Кристи, а детектив «Убийство Роджера Экройда» произвёл на меня сногшибательное впечатление! Долго я искал возможность его сделать. И когда нашёл, снял «Неудачу Пуаро» с радостью! Трифонов — мой любимый

— Вы любите свои минусы?

— Не люблю — свои минусы никто не любит. Но ради того, чтобы понравиться кому бы то ни было, я не хочу менять свои минусы на чужие плюсы. Вообще не бываю в восторге от себя никогда. Но каждая моя картина соответствует определённому периоду. Точно знаю, что мне себя упрекнуть не в чем. «Я мог сделать иначе, а сделал вот так...» — нет, я сделал так, как хотел. Сегодня сделал бы по-другому. Из-за того, что

Фото автора

и я, и мой опыт, и мои возможности уже другие — чисто профессионально... Не совершил бы, конечно, тех ошибок, которые совершил, точнее что-то сделал бы, но это не значит, что я стал лучше, просто стал другим. Каждый мой фильм — то, каким я был, понимаете? Единственное моё преимущество, как я сам считаю, — мне не стыдно ни за один из моих фильмов. Не потому что они такие замечательные, а потому что я их не делал «спустя рукава» или «идя на поводу у обстоятельств»...

— Экранизация, ещё со времён немого кино, всякий раз рискует вызвать негатив со стороны публики. Режиссёру нужны не только чутьё, такт, культура, но и определённая смелость, чтобы выступить с собственной трактовкой какой-либо известной книги.

— Скажем, Трифонов не имеет той истории экранизации, которая могла бы дать кому-то основания соглашаться или не соглашаться с предложенным мною взглядом. Горький в то время был так забыт, что никому и дела не было до определения «соответствий». Только «Исаев» вызвал негативную реакцию зрителей, да и то не из-за книг Семёнова, а из-за фильма Татьяны Лиозновой: дескать, как я мог к святому приблизиться вообще... А я ни на что не претендовал. Конечно, экранизация предполагает некую борьбу со зрителем — да! Но сегодняшний зритель в подавляющем большинстве Агнию Барто не читал, не то что Гроссмана! И экранизация даёт возможность думечке невежесто побороть, попробовать пробудить интерес к литературе, хоть как-то приблизить зрителя к чтению. Недаром же сейчас все издания выходят с фотографией из фильма на обложке. Это же ужасно!

— Получается, что сегодня литература попала в прямую зависимость от ТВ и кино, тогда как исторически всё складывалось ровно наоборот — литература рождала и питала эти виды искусства...

— Зависит в огромной степени! Всё перевернулось! Мы из самой читающей страны превратились в не очень-то читающую. А то, что мы читаем, по большому счёту и литературой-то не является. Серьёзную литературу мало кто сегодня читает — и классику, и современных авторов, — но она же есть!

— Вы сказали «я люблю читать» — почему в прошедшем времени?

— Сейчас мало читаю. У меня не так интересно — внутренняя потребность исчезает. Это связано со сложностью погружения в чужой мир. Появляется

некая леньность души... Перебарываю себя, стараюсь читать, но это занятие уже не является для меня тем, чем было 20—30 лет назад.

НЕ СПРОСИЛА КРОХА

— В «Сочинении ко дню Победы» за кадром девочка читает то самое сочинение. Как сегодня, спустя 15 лет, относится к войне, ко дню Победы поколение, к которому та девочка принадлежит?

— Это моя младшая дочь, ей сейчас 24 года, и ничего в ней не изменилось — она точно так же относится к этой теме. Потому что она правильно застроена изначально: она не врала себе, читая то сочинение. Со временем она стала понимать что-то глубже, но не сменяла плюсы на минусы. В целом, что касается сегодняшней молодёжи, то есть огромная потеря, конечно, даже по сравнению с нашим поколением. Это не старческое брюзжание, а объективный факт.

— А виноваты родители?

— В первую очередь и всегда! Виноваты в каком-то смысле и время — но время на самом деле никогда не бывает виновато... Семья? Да мы все бросились враскоряку, пытаюсь понять: как же это — вчера так было, а сегодня уже нет? Вчера был Советский Союз, а сегодня его нет. Мы сами потеряли критерии. Больше того — и до сих пор не знаем, как будет! Все тосты заканчиваются: «Главное — чтоб не хуже!». А какая перспектива?.. Мой отец мальчишкой пережил оккупацию на Украине. Мама пережила эвакуацию. Оба моих деда были на фронте. Конечно, мы многое перенимали от своих родителей. Но была ещё и государственная идеология, содержавшая стратегию воспитания. Нравится не нравится, но человеку сызмальства прививали какие-то понятия о добре и зле, и в целом, я считаю, что советская власть всё-таки хороших людей воспитывала. Это утрачено — и выросло поколение, которому не вставлен чип «что такое хорошо и что такое плохо». Они менее образованны, менее идеалистичны, нацелены на прагматические установки — вот, пожалуй, их код.

— Конформизм...

— Конформистами были и мы! Безусловно. Потому что при советской власти не быть конформистом было невозможно. В большей или меньшей степени.

— И об этом ваша дебютная картина 1993 года «Русский регтайм».

— Да, она и об этом тоже.

— А зачем же вы снимали диссидентское кино, будучи конформистом?

— Потому что люблю людей, о которых там рассказываю. Это же реальная история — о моих друзьях. Люблю то время, скучаю по нему... Сегодняшняя беда — не в конформизме, всё гораздо глубже и хуже. У сегодняшних молодых нет понимания того, как должно быть. Конформизм — это когда ты понимаешь, как должно быть, но в силу разных обстоятельств идёшь на компромисс. И это всегда компромисс с собственной совестью.

— В одном из интервью вы сказали, что хотели бы вернуться к вопросам 1960-х, но сейчас это никому не нужно. Другим не нужно, а вам нужно?

— Не то что вопросы... Разговор со зрителем сегодня на ТВ, на большом экране, идёт у нас на уровне детского сада! Главное — чтоб было весело и развлекательно. А в 1960—1970-е общий фон был такой, что востребовано было и другое тоже! Люди ставили задачи, решали проблемы, старались разобраться — в кино, в театре, в литературе. Писали сложные стихи, сложную музыку, писали песни сложные, снимали сложное кино! Это было нужно и важно огромному числу людей. Это кино, которое я люблю. И моя творческая задача — попытаться вернуться к возможности диалога со зрителем хотя бы на уровне 1960-х. Это очень высокая планка!

— Тогда почему «хотя бы»?

— Потому что нелепо в 2013 году возвращаться к эстетическому, этическому уровню 50-летней давности! Если бы мы развивались правильно и поступательно, если б не было того провала в 1990-х, то не возникла бы эта необходимость. Но видя, что сейчас всё очень примитивно... О войне снимают детские фильмы — так раньше и для детей не снимали! Много было дребедени, вранья, но были и выдающиеся произведения! И они появлялись с десяток каждый год! И каждый из этих фильмов можно смотреть как откровение...

НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА? ОДНА НА ВСЕХ?..

— В связи с каждой юбилейной датой Великой Отечественной войны шквалом выходят на ТВ фильмы и сериалы, в основном новые и плохо сделанные. Зачем их делают?

— Это ещё советская система, когда фильмами отмечали даты. Другой вопрос: делать большое количество плохого или пытаться делать что-нибудь хорошее? Кино — это теория больших чисел. Снимают сейчас десять или двадцать картин в год. А результат может быть, только при ста картинах в год. Если количество ограничено, то каналам и прокатчи-

кам проще иметь дело с «верняком»: я знаю, что этот режиссёр слабый, но покладистый, — ну и ладно... Артисты будут, как у всех. И плюс беспримыслия тема. Всё это быстро продадим, и без проблем.

— Это «галочка».

— Абсолютно! Не уверен, что «Проверка на дорогах» Алексея Германа, появившись она сегодня, вызвала бы огромный интерес. Не уверен, что сегодняшний зритель готов воспринимать даже такие великие фильмы, как «Баллада о солдате» и «Летят журавли». Сейчас просто не для кого их делать. Хорошее кино воспринимают хуже и сложнее. Если делают плохое кино и его с радостью воспринимают, то зачем делать хорошее?

— Кризис зрительского восприятия?

— В огромной степени. Мы, учаще в школе, два раза в неделю ходили в ДК смотреть фильмы, приобщались к культуре. За прошедшие 25 лет выявился кризис воспитания абсолютно эстетического ни к чему неподготовленного человека. И когда бьют тревогу — надо чтобы в обязательном порядке дети посмотрели сто лучших фильмов! — это крик SOS! Нужно начинать с раннего детства. Можно спорить о составе списка ста фильмов, но в принципе идея совершенно правильная. Это какой-то минимум, позволяющий человеку воспринимать искусство. Традиция — самое важное в искусстве. И в обществе тоже! Она развивается, усложняется — это живой процесс. Самое страшное — сбросить всё с корабля современности, как пытались сделать многократно. Отрицание опыта предыдущих поколений — путь в никуда. Сейчас многое должно обратно подниматься! Но боюсь, что ничего не поднимется. Единственное, что цементирует нацию, — искусство. Ничего больше... Ещё может быть великая идея, но сейчас её нет, и не предвидится.

— Вы так пессимистично настроены?

— Очень пессимистично! Потому что всё это поручат делать таким же чиничным нелюдям... Идея — хорошая, но обретёт она своих исполнителей в лице совершенно безразличных людей, которых сейчас большинство. Достоинные люди, безусловно, есть. Но, как правило, это те, кто имеет своё мнение, чем-то недоволен, часто нелюблен к начальству, — всё это сегодня не очень ценится.

— Отличительная черта всех ваших картин — это интеллигентское кино. Нет ни одной, под которую это определение не подошло бы.

— Делаю, как чувствую. Я же не идиот, чтобы сказать: знаете, я такой интеллигент, что и кино у меня интеллигентное! Я интеллигентный человек в силу советского происхождения. То есть у меня хорошее домашнее воспитание, школьное и институтское образование — советское. Это мой минимум. В каких-то проявлениях я абсолютно неинтеллигентен. Скажем, очень люблю нецензурные выражения, как приправу к основному блюду. Пользуюсь матом на съёмочной площадке, просто так быстрее. И никогда — от желания оскорбить. Огромная беда, если у человека других слов нет, — выношу мат в агрессивном применении.

— Как-то раз вы с пинетом говорили о провинциальной интеллигенции. А в больших городах — другая кровь?

— У нас принято называть интеллигентней тех, кого мы часто видим по телевизору. На самом деле верхний пенообразный слой. Жизнь, демонстративно предьявляя стране своё превосходство, как позволяет себе центровая интеллигенция, — это стыдно. Никого не осуждаю, я же сам отсюда... Но интеллигенция — это те, кто в чудовищных условиях жизни, будучи материально ограниченными, пытаются улучшить человеческую породу. Я снимал под Ярославлем, в старом русском городе Тутаеве, о котором мало кто знает. Там я был в детской библиотеке — в покосившемся доме. Библиотекарь для очень немногих детей, сохранившихся в умирающем Тутаеве, на свои деньги покупает книги, игрушки, делает тематические вечера «В гостях у Сказки»... Возможностей нет, зарплата у них маленькая, но они свои крохотные деньги, силу, фантазию, свою жизнь тратят на то, чтобы, может быть, один из всего города ребёнок чем-то проникся. Вот что такое интеллигенция. Служение! Тихое действие. Бойцы невидимого фронта. Люди, задающие вопросы, ищущие ответы, «тянущие нить, соединяющую прошлое и будущее», как у Трифонова написано...

— В начале фильма «Жизнь и судьба» звучит за кадром ваш голос — о жизни и судьбе...

— «У каждого из них была своя жизнь, но общая судьба». Мы, живущие в этой стране люди, обречены на общую судьбу. Как только осознаем, что у нас разные жизни, но общая, одна на всех судьба, перестанем делить себя «по признакам», по отношению к нашему прошлому, вот тогда мы придём к примирению. Сейчас в нашем сумасшедшем доме все палаты враждуют друг с другом, и от врачей требуют признания правоты пациентов...

— «У каждого из них была своя жизнь, но общая судьба».

Беседавала
Арина АБРОСИМОВА

ТЕЛЕАНАЛИЗ

Историки или политруки?

Для начала приведём пост блогера Сергея Дунаева, по просьбе автора сильно смягчив эпитеты.

«В передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» от 3 февраля 2013 года академик Пивоваров приписал маршалу Рокоссовскому слова о Сталине: «Этот недоучившийся поп только мешал всем...» с таким видом, будто он сам их вычитал у Рокоссовского. Между тем сей жареный «факт» является выдумкой А.В. Антонова-Овсеенко. В книге «Сталин без маски» он вложил в уста Блатороднейшего К.К. Рокоссовского фразу о Сталине, которую тот никогда и ни при каких обстоятельствах произнести не мог: «Этот недоучившийся поп только мешал всем. Мы его обманывали: какое бы несурзное распоряжение он ни отдавал, мы поддакивали и действовали по-своему».

Напротив, известна другая фраза Рокоссовского: «Сталин для меня святой!» В 1962 году Н.С. Хрущёв предложил Рокоссовскому написать «почерней и погуще» статью против И.В. Сталина, по словам главного маршала авиации Александра Голованова, Рокоссовский ответил: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой» — и на банкете не стал чокаться с Хрущёвым.

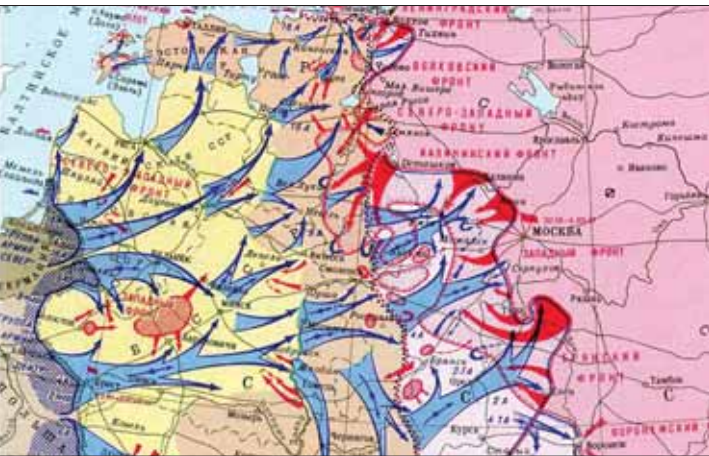
Так вот, задачей А.В. Антонова-Овсеенко было опорочить и маршала, и генералиссимуса. Журналист Максим Бочковский так пишет по этому поводу: «Книга А.В. Антонова-Овсеенко перенасыщена ссылками (такими маленькими циферками после каждой цитатки), отпугивающими читателей к трудам таких же, как и он сам, правдорубов, но вот парадокс — после вышепротитированных слов, принадлежащих якобы К.К. Рокоссовскому, такой циферки нет. То есть источник эта фраза не имеет, Антонов-Овсеенко её выдумал и даже приличия ради циферку не поставил, посчитав, видимо, что ему поверят на слово (пишлы всё схавают)».

Так вот. Хавают, оказывается, не только пишлы. Эта фальсификация почти сразу же после опубликования лживой книги перекочевала в «Дневник Нагибина», разнеслась изустно между всеми «детьми Арабата», а ныне в качестве доказательства используется в академической науке. Позор РАН, в составе которой пребывают подобные члены».

Почти все любимые голубым экраном историки внешне очень солидные, даже импозантные. Они рассуждают с учёным видом обо всех периодах русской истории, особенно рьяно и разоблачительно о советском периоде, но... историки ли они, ведь никаких диссертаций о нём не написали?

Очень телегеничный академик, внешне похожий на добропорядочного немецкого бюрогера **Юрий Пивоваров** — доктор политических наук, заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГУ, германист. Он писал научные труды о Нелль-Бройнинге, Вайццекере, Шмитте... А об истории СССР начиная с 30-х годов? Он изучал архивы Политбюро, КГБ, анализировал документы советской эпохи, делал на их основе исторические открытия? Его знания, судя по словам, уверенно приписанным Рокоссовскому, крайне поверхностны и тенденциозны. Он не эксперт-историк, а политический пропагандист.

Так же как и не менее экстравагантный, шикарно грассирующий, похожий на французского сановника времён Наполеона III **Андрей Зубов**. Да, он — доктор исторических наук, но специализировался на

изучении вопросов политической истории Таиланда, парламентаризма в странах Востока... Сейчас — религиовед, но стал вдруг ответственным редактором двухтомника «История России. XX век» и телеэкспертом по советскому периоду.

Концепцию книги Зубов представляет невиданным для историка образом, но объясняющим суть либерального подхода: «Мы исходили из принципа, что высшей ценностью человека является свобода воли. И там, где она не может реализовываться свободно, государство терпит фиаско. Не человек для государства, а наоборот — это первый наш девиз. И он исторически обоснован — ведь человек появился значительно раньше государства и создавал государство ради своих целей. Теперь второй принцип, и здесь мы уже даём некоторую оценку. Исходя из первого принципа, государство, созданное большевиками, было по своей природе бесчеловечным — оно ставило общее как главное, а человека — как второстепенное и служебное по отношению к общему».

Ну как с такой установочной «концепцией», с такими «девизами» и «принципами» создать объективный исторический труд? Такая же степень идеологической зашоренности, как у большевиков. Даже инициатор этого проекта А.И. Солженицын отказал ему в поддержке, а настоящие учёные обвинили Зубова в фальсификации истории...

Однако не они, а германист Пивоваров, востоковед-религиовед Зубов и медиевисты вроде **Николая Усова** не сходят с экранов телевизора и рассуждают о советской эпохе.

Усов — изысканно телегеничный, похожий на фотомодель — окончил истфак МГУ, его кандидатская диссертация тоже совсем не о России XX века: «Монашество и монастырские реформы в раннесредневековой Германии». Но «монашеские реформы» он забросил, и из Германии раннего Средневе-

ковья переместился в медийный бизнес, возглавил российскую версию американского журнала GQ. Усов — любимейший эксперт на многих российских теле- и радиоканалах — у нас любят, чтобы журналист хоть немно- го да был «усыновлён Америкой». Теперь он главред журнала «Сноб».

Любим телевидением и внешне добродушный, похожий на Пьера Безухова доктор исторических наук, директор Государственного архива России **Сергей Мироенко**, однако как историк он специализируется в основном на декабристах, России XIX века... Казалось бы, ему и карты в руки: используя на благо Родины служебное положение, написать фундаментальный научный труд о советской эпохе, но нет, видимо, историку достаточно того, что о ней писал «Огонёк» конца 80-х.

Будучи 7 февраля третейским судьёй на «Поединке», он, в-первых, попенял Проханову за то, что тот именовал пакт Молотова—Риббентропа «так называемым»: «Не понимаю, почему он — так называемый, когда он на самом деле пакт Молотова—Риббентропа». Странно, что доктор исторических наук не помнит, что официальное название документа: «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», который в СССР только в перестройку на западный манер стали называть пактом...

Далее он сказал удивительное:

«Когда 28 июня пал Минск, Сталин впал в прострацию, это факт, подтверждённый многими свидетельствами. (Какими?) — А.К.) И когда второй и третий день (? — А.К.) возд-ря не было в Кремле, соратники собрались, потому что невозможно в этом жёстко централизованном государстве, когда идёт этот вал... Вал, и правильно сказал господин Усов, к сентябрю вся довоенная армия была в плену или была уничтожена... Надо знать какие-то элементарные вещи. (Вот именно, если «к сентябрю вся довоенная армия» была уничтожена, то кто же героически сдерживал врага, с боями выходил из немецких котлов, и разве не было частей, не попавших в окружение? — А.К.) Так вот, соратники поехали в Кунцево — поехать в Кунцево без вызова было невозможно — но была безвыходная ситуация, они поехали. Что решил Сталин? Он решил, что они приехали его арестовывать. Эти знаменитые слова: «Ленин оставил нам великую империю (? — А.К.), а мы её, как бы повеселеее сказать... проиграли. И только когда его соратники стали его убеждать: «Коба, мы без тебя ничто», тут он немного воодушевился и пошёл дальше... Это же факты».

А может быть — либеральные мифы, основанные на лжи сподвижников Хрущёва? Где учёный почерпнул эти «элементарные вещи»? Из Госархива, журнала посещения Сталина, архива КГБ? Скорее всего, из воспоминаний Микояна, написанных в годы борьбы с «культом личности». Но документально подтверждено, что 29-го Сталин был в наркомате обороны, отсутствовал он в Москве не два или три дня, а 24 часа! Микоян на совещание 30 июня вызван не был! Там были Молотов, Маленков и Берия. Без вызова Сталина явиться на Близнюю дачу они не могли, их бы попросту расстреляла охрана. И никаких свидетельств о прострации они не оставили! Совещание было серьёзно подготовлено, на нём были приняты важнейшие решения, в том числе и по соз-

данию ГКО... Доктор исторических наук, мягко говоря, ввёл в заблуждение много-миллионную аудиторию «России».

В том выпуске «Поединка», посвящённом переименованию Волгограда в Сталинград, против Александра Проханова объединились и его оппонент Александр Архангельский (который, слава богу, себя историком не считает), и третейский судья, и ведущий, и эксперты, которые говорили, что, по опросам, за переименование не больше 20% жителей города, но в зрительском голосовании победили не они. Победил, набрав 75%, Проханов.

Конечно, не историки, и похожие друг на друга, как Бобчинский и Добчинский, наши главные телеисторики **Николай Сванидзе** и **Леонид Млечин**. Первый хоть и окончил истфак МГУ, но собственно историей как наукой никогда не занимался, второй и вовсе учился на журфаке, оба — выходцы из номенклатурных семей, оба успешные советские мажоры. Их историческая компетентность явилась во всей красе на 5-м канале в «Суде времени», где они проигрывали Сергею Кургияну регулярно и с разгромным счётом (потом в «Историческом процессе» на «России» проигрывал один Сванидзе). И, кажется, всем очевидно, что слово надо давать настоящим историкам, а не либерально заточенным демагогам, которые видят в прошлом только поражения и ужасы тоталитаризма.

Но названные «телеисторики» не сходят с экрана.

Почему? И тут уместно вспомнить человека, благодаря которому и появились на экране все эти господа, на которого в упомянутом «Поединке» они не раз ссылались как на нечто неопровержимое, почти святое.

Их гуру — академик, доктор исторических наук, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по идеологии, Александр Николаевич Яковлев, который тоже, помнится, боролся с тоталитаризмом. В 2001 году во вступительной статье к изданию на русском языке французской «Чёрной книги коммунизма» он написал о своей борьбе:

«Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

Да, сработала. Ещё была одна «установка» секретаря ЦК по идеологии: «О любви к Родине не надо кричать. Патриотизм не требует шума. Это, если хотите, в известной мере интимное дело каждого. (Хочется поспорить. Как интимное? Интимное то, что касается интимной жизни, половых отношений... Но любви к Родине стесняться нельзя. Она объединяет народ в нацию, это то, что в первую очередь нужно воспитывать в молодёжи... — А.К.) Любить свою страну — значит видеть её недостатки и пытаться убедить общество не делать того, чего не надо делать».

Но если видеть только недостатки, то мы упрёмся (25 лет упирался) в бесконечный тупик самобичевания. Любовь к Родине — это ещё и гордость за её героев, за подвиги и достижения отцов: военные, научные, культурные, производственные. Их на ТВ облаивают грязью, и об этом как раз надо кричать!

Так называемые историки продолжают «хитроумную» тактику академика из Политбюро, но теперь уже по развалу России.

Александр КОНДРАШОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

teled@mail.ru

Дон Кихот из Козлова

Зельдину без двух лет 100

Жизнь — это театр. Для Владимира Михайловича в прямом смысле театр, репетиции, спектакли — жизнь.

Когда действующему актёру больше 90, каждый его день рождения — юбилей. Хорошо, что программа «Пусть говорят» была посвящена ему. Зельдин — актёр уникальной индивидуальности, мудрости, доброты, самоиронии, преданности и любви к профессии. Выпуск программы от 7 февраля был наполнен искренними поздравлениями, юбилар их по-детски простодушно принимал. Он благодарил всех, начиная от советской власти («Я — советский человек!» — гордо сказал он) и заканчивая Юлием Гусманом, который эту власть кланёт, но поставил для Зельдина «Дон Кихота». Благодарил многих, многих поклонников и коллег, которые пришли в студию поздравить его. Трогательно было включение из города Козлова (Мичуринска), где краеведы разыскали дом, в котором родился их великий земляк...

Удивительно, Зельдин не был стариком в 70, и сейчас в 98 не старик! И сейчас, как 30 лет назад, он скромен во всём, живёт в двухкомнатной квартире (28 кв. м), никому не завидует, ни про кого худого слова не скажет, любит театр, его праздничную атмосферу, юных артистов, которые и в студии его окружили. Вся его жизнь принадлежит театру. Счастливая жизнь.

Присоединяемся к главному пожеланию, выказанному в «Пусть говорят!». Здоровья, здоровья! От всего сердца желаем также, чтобы Владимир Зельдин превзошёл достижения Николая Анненкова, отпраздновавшего свой столетний юбилей на сцене в театральном спектакле.

Отдел «ТелеЕдение»

Поэзия звучащего слова

Начав цикл «Послушайте!», канал «Культура» сделал долгожданный подарок любителям поэзии. В нём приняли участие не только известные киноартисты, имеющие в своём репертуаре поэтические программы, но и чтецы, отдавшие всю жизнь жанру «Звучащего слова». Это народные артисты России Антонина Кузнецова и Рафаэль Клейнер, выдающиеся подвижники, хранители и продолжатели традиций, заложенных родоначальниками жанра Александром Закушняком, Владимиром Яхонтовым и Дмитрием Журавлёвым.

Они с 60-х годов на чтецкой эстраде. В советское время звучащее слово было не только в моде и почете, оно было востребовано на государственном уровне. Артисты-чтецы Московской государственной филармонии выступали на самых лучших концертных площадках, в вузах, научных институтах и на заводских клубках, а главное, в школах. Почти во всех средних учебных заведениях Москвы были чтецкие абонементы для разных возрастных категорий. Таким образом, детям с малых лет прививались не только любовь к литературе, понимание высших достижений поэзии, но и закладывались нравственные основы, присущие русской литературе.

Концерт Рафаэля Клейнера, мастерски снятый, с умелым чередованием крупных и средних планов артиста, с возникающими позади него на экранах изображенными исполняемых авторов, был посвящён русской поэзии XX века. Артист разговаривал с залом стихами Маяковского, Пастернака, Есенина, Бродского, Твардовского, Самойлова... И доверительный, страстный разговор этот был услышан не только в зале Дома музыки, что было видно по лицам зрителей, которых «выхватывала» камера, но и, без сомнения, телезрителями «Культуры». Как жаль, что поэзии в таком исполнении так долго не было на экране, как хорошо, что она наконец появилась.

А.К.

ТЕЛЕФОНД

Вероломная справедливость

Нужно обладать особым даром, чтобы программу под названием «Свобода и справедливость» превратить в наглядное пособие по вероломству. Любитель шахмат **Андрей Макаров** продемонстрировал, что чёткий план на игру и психологический прессинг позволяют даже добродетель представить откровенным злом... Попробуем разобраться, зачем депутату, облечённому властью телеведущего, пондобились эти фокусы.

История коротко такая. В Нижнем Новгороде две активистки попытались спасти тяжело-больную подругу. С помощью СМИ и соцсетей им удалось собрать около 3,5 млн. рублей, но операцию за границу сделать не успели, несчастная умерла. И возник конфликт. Девушек обвинили, что те своевольно распорядились собранными деньгами, что они не имели права отдавать 1,5 млн. на востанствие оставшегося без матери ребёнка, а остальные деньги — Нижегородскому благотворительному фонду.

В студии: отец, потерявший дочь; две подруги, собиравшие деньги; возмущённые представители нижегородского интернет-сообщества и, конечно, медиAPERсоны — Ирина Хакамада, Борис Надеждин, Виктор Лошак...

Поначалу казалось, что ведущий действительно заинтересован разобраться в проблеме. Однако вскоре Андрей Макаров вошёл в образ адвоката и стал применять на практике нехитрые приёмы манипуляции. С той неповторимой филизвинкой,

являющейся, несомненно, изюминкой его телевизионного творчества. Наигранный пафос протестантского проповедника, вопросы с подковыркой, произнесённые угрожающе миролюбиво, и, конечно, это парализующее волю требование: «Ответьте — да или нет!..»

Ведущий стал методично уничтожать провинциальную благотворительность, в основе которой — солидарность соседей, местная гражданская инициатива. Нет, он периодически хвалил подруг за неравнодушие, но последовательность вопросов, вся логика модерирования приводили зрителя к мысли: вокруг этих местечковых пожертвований — склюки, грязь и мошенничество.

Особенно досталось Асе Голубевой, руководителю нижегородского фонда «Седьмое небо», куда была перечислена часть собранных средств. Как бы невзначай Макаров выяснил, что фонд существует только полгода. Потом (якобы без всякой задней мысли) обратился с риторическим вопросом: «Кто-нибудь знает этот фонд?» И

уже с нескрываемым сарказмом спросил: «Скажите, а как люди становятся директорами благотворительных фондов?» Напоследок предьявил железобетонный вешдок — устав «Седьмого неба». Выяснилось — 20% привлечённых средств фонд может оставлять себе. В уставе Макаров нашёл и пункт о «внебюджетных операциях», напугав аудиторию непонятным термином. «А вы знаете, — спросил он у хлопающей глазами Голубевой, — что это такое (пауза) ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ?»... Но ответить не дал, потому что — реклама, правда, по окончании рекламы тоже не позволил объясниться.

...И вдруг всё стало ясно — стратегия, сверхзадача. После артподготовки Макаров указал, куда гражданам следует перечислять деньги. Вы будете смеяться? Первому каналу и его партнёру «Русфонду». На авансцене появилась Людмила Фёдорова, директор по развитию масштабного благотворительного проекта. Она строго пожурила юную коллегу из провинции и профессионально пропирарилась: с помощью Первого канала уже собрано 880 млн. рублей, всё прозрачно, всё по-честному.

Воспользуемся методологией Андрея Макарова и заглянем в устав «Русфонда». Его учредители: Лев Амбиндер, журналист «Коммерсанта», а также сам издательский дом «Коммерсантъ». В уставе зафиксировано (о, ужас) право на «доходы от внеера-

лизационных операций» (пора объяснить, что речь идёт о дивидендах по акциям и другим ценным бумагам). Читаем дальше: «Благотворительная организация не вправе использовать на оплату труда административно-управленческого персонала более 20% финансовых средств, расходуемых этой организацией за финансовый год. Данное ограничение не распространяется на оплату труда лиц, участвующих в реализации благотворительных программ».

Зная это, не странно ли слышать укоризненный возглас Виктора Лошака (директора по стратегии ИД «Коммерсанта»), обращённый к Асе Голубевой: «Страшная цифра — 20% на управленческий аппарат! Это абсолютно убивает саму идею благотворительности!..»

Конечно, «убивает идею благотворительности» совсем другое, а 20% — это и норма закона, и укоренившаяся в России мировая практика. Но для адвоката Макарова и представителей «Коммерсанта» аргумент с двадцатью процентами стал популистским ходом, инструментом дискредитации слабого конкурента.

Идею благотворительности убивает то, что в российский медиапространстве складывается либеральная монополия на сбор пожертвований. И здесь уместно повторить вопрос: а действительно, как становятся директорами благотворительных фондов? И расширить тему: а почему именно фонд «Коммерсанта»-Амбиндера получил в лице Первого канала мощнейший инструмент сбора денег с населения? А не, к примеру, Русская православная церковь с её

многочисленными благотворительными программами?

Но есть ещё и главный вопрос, который в передаче, конечно, не затронули: почему Россия перестаёт быть социальным государством? Почему в нашей стране сформировалась система, в которой используется, по сути, антиконституционный институт квотирования медийской помощи? Ведь «квота» — это эвфемизм, уловка, с помощью которой человеку отказывают в спасении.

И здесь важно помнить, что современное государство вытесновано идеологами рыночной экономики. А сколько усилий предпринял тот же «Коммерсант» для создания бездушной машины дикого капитализма (если рассматривать издание в качестве коллективного агитатора и организатора реформ)!.. Это уже потом на руинах патерналистского государства «Коммерсант» построит мощный благотворительный фонд.

Вообще какая-то неведомая сила влечёт либералов-рыночников к тому, что некоторые чиновники любовно называют соцальной. Примеров можно привести множество. Вот Мария Гайдар работает советником вице-мэра столицы по социальным вопросам, готовит план реформы здравоохранения. А вот зампредом правительства РФ служит Ольга Голодец, курирует и здравоохранение, и образование, и трудовые отношения. В прошлом Ольга Юрьевна прошла суровую школу дикого капитализма в ОНЭКСИМ, «Норникеле», РСПП. Теперь внедряет государственные концепции, ориентированные на благо простого че-

ловека... Ну не представляет же она в конце концов интересы олигархов в правительстве?..

Важным итогом «Свободы и справедливости» стала угроза Макарова директору фонда «Седьмое небо» самолучно пойти в прокуратуру, если та не перечислит деньги конкретному нуждающемуся (его специально привели в студию для наглядности). Ведущий чуть ли не агукал с четырнадцатилетним подростком, демонстрируя любовь к детям, предлагал зачем-то сыграть в футбол, а смущённый парень ничего, кроме чувства неловкости, в этот момент, кажется, не испытывал. Почему Макаров выбрал именно этого пацана (дай Бог ему здоровья), понять трудно. Тем более что всю передачу говорили о недопустимости волонтаризма в благотворительности. Однако, если директор фонда «Седьмое небо» не послушается Макарова, тот ведь может действительно пойти в прокуратуру!

В этой связи для Аси Голубевой есть хорошая новость. Если её посадят, восстанавливать справедливость и бороться за её свободу станет, видимо, Лев Амбиндер, потому что он не только учредитель и президент «Русфонда», но и член фелетовской комиссии по правам человека и развитию гражданского общества. У них, у либералов, всё так запутано, так взаимосвязано!.. Дернешь за какую-нибудь из сдержек и обязательно вывалится какой-то противовес.

Олег ПУХНАВЦЕВ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«Россия, встань и возвышайся!»

Слово о Пушкине, произнесённое Юрием Поляковым в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке 10 февраля в час гибели поэта

Читаешь Пушкина и словно уходишь в толщу культурного слоя, переполненного сокровищами всеильного слова. Думаешь о Пушкине и понимаешь, что твои мысли — лишь эхо, отзвук давно уже вымышленного, сказанного и написанного о национальном гении России. Пушкин — космос, почти загромождённый чуткими научными аппаратами, иные из которых и запустил бы не следовало. Но это нормально, правильно: у «светского евангелия» и должно быть столько разночтений, толкований, комментариев, что своим объёмом они стократ уже превосходят сам боговдохновенный первоисточник. Ведь у каждого человека, каждого времени, каждого прозрения и каждого заблуждения — свой Пушкин.

Некогда в нём черпали энергию тайной свободы и просветительской дерзости, от него заражались восторгом освобождения от запретов и канонов, а позже, напротив, искали опоры, чтобы противостоять мятежной дисгармонии и «детской резвости» всеобщего переустройства. Не лстец, Пушкин дарил самооправдание тем, кто слагал свободную или невольную хвалу властям претерждающим. В нём искали смысл той русской всемирности, которая для большинства (гении не в счёт) — лишь бегство от недугов своего народа к язвам вселенского масштаба.

В годы «буйной слепоты» поводырей и «презренного бешенства народа» великий поэт наряду с другими нашими титанами стал хранителем гонимой и классово чуждой культуры. Его дерзость и бунтарский дух, свойственный всякой талантливой молодости, был приписан к первому этапу освободительного движения и стал, по иронии Истории, охранной грамотой для бесценного груза имперского наследия, уже приготовленного к выбросу с парохода современности. Для мыслящих людей той трудной, но неизбежной эпохи символом окончанной безжалостной борьбы с прошлым стал, в частности, выход в 1929 году первого номера возобновлённой «Литературной газеты», прочно связанной с Пушкиным и его плеядой. Хочу обратить внимание на ещё одно символичное обстоятельство: воссоединению русских церквей, московской и зарубежной, предшествовало воссоединение двух пушкиниан: той, что развивалась в рамках советской цивилизации, и той, что творилась нашими эмигрантами в убывающем мире изгнания.

В советские годы те, кому было скучно строить социализм и тяжело мыслить обязательными категориями диалектического материализма, эмигрировали не только за границу, но и в Пушкина — ведь по одним его аллюзиям или аллюзиям можно скитаться всю жизнь, как по атолловому архипелагу, затерянному в лазурном океане. А толкуя «донжуановский список», можно было спрятаться от директивного целомудрия. «О, как мучительно тобою счастлив я!» — восхищались мы, поэты 70-х, эротизмом самого пушкинского словосочленения. Впрочем, со временем оказалось: опустылевшее директивное целомудрие всё же лучше добросовестного статусного

Обзор ЕВГЕНЬЕВ

разврата, а потребительский материализм даст сто очков вперёд диалектическому...

В наследии нашего гения, словно в тайном хранилище, скрыты прообразы будущих литературных веяний, направлений, течений и даже трендов с дискурсами. В строке «мой дядя самых честных правил», отсылавшей современников к басне Крылова про крестьянина и осла, который тоже был «самых честных правил», возможно, предсказана вся простодушная механика нынешнего центонного перемещения, самопровозгласившего себя новой поэзией. Но то, что у автора «Евгения Онегина» было оттенком, одной из красок на богатейшей палитре, у суетливых поборников обедняющей новизны стало моноприёмом, превратившим таинственную цевницу в штатив с дребезжащими пробирками. Впрочем, самопровозглашёность в искусстве заканчивается обычно тем же, чем и в геополитике: смущённым возвратом под державную длань традиции.

Пушкин остро чувствовал, что сама природа творчества тянет художника к самоупоеанию: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной иди, куда влечёт тебя свободный ум...» Но тем талант и отличается от литературного планктона, раздутого критиками, да размеров фурушетного осетра, — что истинный художник знает меру вешам. Да, он может не дорожить «любовию народной» и для «звуков жизни не шадить», но он при этом готов пожертвовать собой во имя высшей идеи, своего народа, отчей земли. И Пушкин, записной брётёр журнальных полемик, потрясённый кровавыми жертвами холерных бунтов, восклицает: «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы!»

Помню, какое сильное впечатление у читающей публики вызвала общедоступная вроде бы цитата, использованная мной в статье в начале 90-х годов. Все, конечно, слышали в школе про «...русский бунт — бессмысленный и беспощадный», зато

сказанное классиком дальше, традиционно опускалось: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полущка, да и своя шейка копейка...» Ведь так оно и случилось... А нынче, разве часто мы слышим это вешее предостережение гения? То-то и оно!

Именно в творчестве Пушкина целые поколения черпали энергию истинного патриотизма даже в те годы, когда любовь к «отеческим гробам» считалась сначала контрреволюционной, а позже просто неинтеллигентной, достойной лишь снисходительной иронии. В середине 70-х на большом литературном вечере молодая поэтесса вместо своих стихов прочла вдруг «Клеветника России», и зал, огорчив «лёгкоязычных витий» эстрады, встал, взорвавшись аплодисментами. Потом большое начальство долго разбиралось: а что она, собственно, имела в виду? Лучше бы они задумались, почему в едином порыве поднялся зал. Возможно, мы жили бы сегодня в иной стране!

В Пушкине отыщем и решение русского вопроса, снова волнующего народ и пугающего власть, хотя человека с русским вопросом ей надо бояться менее всего! Во всяком случае, меньше телеобозревателя с двойным гражданством. Для нашего великого поэта русским являлся тот, кто сердцем привержен к судьбе России, её взлётам и падениям, озарениям и помрачениям. Неслучайно о своей любимой героине он сказал: «Татьяна, русская душою...» Душою! У гениев не бывает случайных слов, и если бы автор хотел отметить чистоту её родовых корней, он бы так и сделал. Глянем на историю его собственной семьи, на его верных соратников и муз-вдохновителей. В их крови смешался весь тогдашний аристократический интернационал. Но все они русские душою! Напротив: в стае гонителей и губителей Пушкина рядом с чужеземцами, заброшенными к нам «на ловлю счастья и чинов» и откровен-

но презиравшими Россию, мы найдём высокородных абorigенов, продавших свою русскую душу дьяволу алчности, зависти и властолюбия. И как же это тёмное сплочение против светлого гения напоминает нынешнее сплочение против возрождения нашего Отечества!

Почти банальностью стали слова о том, что художника следует судить по законам, им же установленным. С этим не спорят ни архаисты, ни новаторы. Но ведь и свой народ, его государственное обличье, художник тоже обязан судить по тем законам, которые определены ходом и роком истории. Можно ли, как это делают ныне многие, оценивать историю нашей страны, в частности, невиданные перемены и мятежи прошлого века, сумрачных героев той эпохи, не понимая глубокого замечания Пушкина: «Мы живём не веками, а десятилетиями». Можно ли сначала поднимать Россию на дыбы, а потом браниться, что у нашего Отечества дурная историческая инородность?

В наши времена, когда окончательно пали всецельские догмы, и Пушкин открыт любым пытливым ветрам, коим вздувается подуть, по-

явилась возможность понять и оценить государственно-политическую деятельность «умнейшего мужа России» в связи с устремлениями свободного русского консерватизма. Именно «либеральным консерватизмом» считал своего друга Вяземский, кстати, поначалу не принимавший пушкинской «патриотической щекопливости» и «географической фонфоронады». Мы продолжаем, писал князь, «лежать вразяжку, и у нас от мысли до мысли 5000 вёрст». Впрочем, предсказанное автором «Клеветников России» вероломство священных союзников и крымская катастрофа заставили Вяземского иначе взглянуть на «озлобленных сынов» просвещённой Европы и попытаться провидческую ярость собрата.

Ныне, вспоминая строки поэта, полные горячечной гордости за широко разбежавшуюся Империю, сознаёшь, сбьлись-таки в сердцах брошенные нашими парадоксалистами пожелания: увы, Россию сузили да ещё и подморозили. Нас теперь всё меньше на земле пращуров, и если встанем, то уже не «от холодных финских скал до пламен-

МКАМ

им. М. Горького

16 ФЕВРАЛЯ

М. ГОРЬКИЙ

ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА

16+

КУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА

НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР М.В. ДОРОНИНА

ПВЕРСКАЯ БУЛЬВАР, 22 (г. «Пушкинская», «ПВЕРСКАЯ», «ЧЕНОВСКАЯ»)

МЕЛ.: (495) 629-81-65. 697-87-75. www.mxat-teatr.ru

СОЮЗ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ВЫСТАВКА

РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЖИВОПИСИ

Академия акварели и изящных искусств

Сергея Андрияки

(м. Тенный Стан, ул. Академика Варги, д. 15)

Среда-воскресенье с 11.00–19.00

до 17 февраля 2013

17 февраля, воскресенье, 13.00

Пречистенка, 12/2. Концертный зал

Литературный концерт

Студия художественного чтения

«Слово Пушкина»

Художественный руководитель – народный артист России Рафаэл Каспер

17 февраля, воскресенье, 19.00

Арбат, 53.

Мемориальная квартира А.С. Пушкина на Арбате

Гостиния

По произведениям и документам А.С. Пушкина

«Свобода»

Заслуженная артистка России Юлия Авишери, заслуженная артистка России Ольга Кузина, Марина Громова (арфа)

Автор спектакля – Андрей Березин

Художник – Ольга Паламаркина

Вход по билетам

18 февраля, понедельник, 18.00

Пречистенка, 12/2. Усадьбин двор

П.И. Чайковский – Евгений Онегин –

Оперный театр

Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского

Дирижер – профессор Павел Ландо

Режиссер-постановщик – профессор Николай Кунцев

Хормейстер – профессор Валерий Палаз

Балетмейстер – Татьяна Петрова

Вход по приглашениям

19 февраля, вторник, 19.00

Арбат, 53.

Мемориальная квартира А.С. Пушкина на Арбате

Гостиния

Мастерская литературы и драматургии «Москонт»

Художественный руководитель – Сергей Малайковский

А.С. Пушкин – Метель»

Исполняют: Сергей Малайковский, лауреат международных конкурсов Иван Петровский (саксофон), лауреат международных конкурсов Александр Блок (фортепиано)

Вход по билетам

20 февраля, среда, 19.00

Пречистенка, 12/2. Усадьбин двор

Концерт

Фортепианный дуэт

Людмила Бернская и Артур Аниса (Франция)

В программе: П.И. Чайковский, П.А. Пабст

Концертная программа на темы оперы «Евгений Онегин»

Вход по билетам

21 февраля, четверг, 18.30

Остоженка, 37/7. Музей И.С. Тургенева

Романы и песни семьи Толстых

Три «Исканья»

Исполняют: Татьяна Апполова, Любовь Прилуцкая, Сергей Руднев (гитара)

Вход по билетам

21 февраля, четверг, 19.00

Пречистенка, 12/2. Усадьбин двор

Концерт

Юнионский симфонический оркестр России имени А.В. Николаева

Художественный руководитель и главный дирижер – Василий Яценко

Вход по приглашениям

24 февраля, воскресенье, 19.00

Пречистенка, 12/2. Усадьбин двор

Концерт хоров

Московского полковника

Свято-Троицкий Сергиевский монастырь

Вход по приглашениям

25 февраля, понедельник, 19.00

Пречистенка, 12/2. Усадьбин двор

Народный артист СССР

Василий Семенович Афанасьев

«Мой Пушкин»

Концерт-встреча

Вход по приглашениям

26 февраля, вторник, 19.00

Пречистенка, 12/2. Концертный зал

Театральное представление по произведениям А.С. Пушкина

«Итак, я жил тогда в Одессе...»

Участники: Сергей Волков, Олег Елисеев, Олег Овчинников, Владимир Петров, Рамиса Сабитова

Вход по билетам

27 февраля, среда, 19.00

Пречистенка, 12/2. Концертный зал

Лауреат премии Правительства РФ, Лауреат Новой Пушкинской премии, поэт и публицист

Юрий Кубанников

Презентация новой книги

«Чтение в непогоду. Избранные»

Разговор о современной культуре

Фрагменты телеэфира с Александром Соколовским

Вход по приглашениям

27 февраля, среда, 19.00

Остоженка, 37/7.

Музей И.С. Тургенева

Московский государственный академический камерный музыкальный театр имени Б.А. Погорского

В.И. Рубин

Опера «Дворянское гнездо»

Режиссер-постановщик – Борис Полевский

Режиссер сценической реализации – Игорь Меркулов

Художник – Олег Михайлов, Элла Аки

Вход по билетам

28 февраля, четверг, 19.00

Пречистенка, 12/2. Концертный зал

Музыкальный салон

Составы Московского театра

Новая опера имени Е.В. Колобова

«Свободной музы приношение»

Вход по билетам

Государственный музей А.С. Пушкина

МОСКВА

ПУШКИН

ФЕВРАЛЬСКИЕ

ВЕЧЕРА

НА АРБАТЕ

XVI фестиваль

2013

Мемориальная квартира

А.С. Пушкина на Арбате

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Мгла или дефолт оптимизма

Недавние заголовки одной из самых популярных газет:

«**Последняя сходка Деда Хасана**». Этому событию газета выделила почти полосу.
«**Последователь Алексея Кабанова**». Преступник, сначала убивший свою жену, затем расчленил её тело.
«**Патрульный заказал жену банде киллеров**».
«**Пеодфил выбивает долги с помощью полицейских**».
«**Шок**». Опокушении на художественного руководителя балета Большого театра Сергея Филина.

Такова жизнь. На таком фоне аттестованная нашим премьером программа незамедлительной модернизации и, как следствие, спешное создание в России креативного класса воспринимаются со смущённым недоумением.

Кстати, Алексей Кабанов был представителем того самого сверхжелезаемого креативного класса. Он был владельцем ресторана. Не правда ли, завидный плацдарм для будущего? СМИ рассказали, что Кабанов был участником всех протестных акций, так сказать, убеждённый белоленточник.

Боже мой, какое возмущение неолибералов вызвал этот акцент! Зачем к кошмарному убийству примешивать политику? Но по законам расследования должна быть аттестация преступника. Так что ссылка на predisположенность убийцы собственной жены к протестным акциям вполне правомерна, ибо это очевидная реальность.

Неолибералы, понося советское прошлое, не устают его называть кровавым режимом. Значит, о советском прошлом можно говорить что угодно, а о своих единомышленниках — нельзя?

На фундаменте абсолютной ненависти к прошлому невозможно построить будущее. В этом случае наша страна обречена. И хотя подавляющее большинство населения не приемлет идею перечёркивания прошлого, неолиберальная его часть, в численном выражении сверхменьшинство, но меньшинство властное и богатое, эту политику продолжает. И если внимательно всмотреться в происходящее, начинаешь понимать, что протесты оппозиции — не стихийное состояние масс. Нет, это продуманная политика, результатом которой должен стать раскол общества, ослабляющий власть, погружающий её в состояние растерянности.

Но политика оппозиции — продукт незнания жизни. Расколов общество и получив в результате власть, раскольники вынуждены будут перестроиться, заняться объединением общества, а они этого делать не умеют.

Поэтому, оказавшись во власти, они скоротечно подтверждают свою несостоятельность и превращаются в политическую пыль, погрузив общество в очередную смуту.

Создание креативного класса, о котором не устаёт повторять премьер Медведев, — несбыachable мечта младореформаторов. В лихие 90-е я в полемике с Егором Гайдаром сказал, что средний класс, который они желают создать, уже существует. Это врачи, учителя, инженеры, представители науки, культуры. «Это не средний класс, а иждивенцы! — отмахнулся Гайдар. — А мы создадим свой новый класс средне-го и малого бизнеса. Он станет опорой общества». На что я ответил: «На создание нового сословия потребуется как минимум 15–20 лет, а на создание криминального мира шесть месяцев. И через полгода в шлейфе любой партии будет хорошо организованный криминал».

Всё так и произошло. Разобщив общество, младореформаторы уже не смогли его объединить. Восторжествовала другая жизненная философия: «Сытый голодному не товарищ».

Странное дело, оценку обществу у русскому народу, как правило, дают достаточно богатые люди, словно сами они к этому народу не принадлежат. И на них эти оценки — ленивый, безразличный, неподъёмный, плохо работающий — почему-то не распространяются.

Это образ основной массы работающих на производстве, в сельском хозяйстве, науке, образовании, медицине, тех самых, которые производят продукт. Неслучайно из лексик нашей власти ушли такие понятия, как «рабочий», «крестьянин». Вот креатив-

ный класс — это то, что надо. А тот самый рабочий класс и крестьянство — кому они нужны. Такое же отношение к громадному многолюдью, имеющему пенсионерами. Они тоже в тягость. Да ещё они виноваты в том, что помнят, что было и как, а значит, постоянно сравнивают. И термин «ложитие», порождённый нашей властью, лучшее, что она может подарить пенсионеру, — именно ложитие. Люди, отдавшие жизнь своей стране, создавшие её, чувствуют себя изгоями.

В России, как никогда, обострилось понятие национализма. Национализм, и прежде всего русский национализм, становится сверхтребованным. Ибо национализм — это корневая система нации. Подчёркиваю: национализм, а не нацизм. Обострение этой проблемы началось, конечно же, после распада СССР.

Россия, как и СССР в недавнем прошлом, имеет тот же самый многонациональный контент. «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» — эти слова лишь во-вторых идеология, а во-первых, глубокое понимание сущности преемственности образования России как империи. Ибо все народы, впоследствии ставшие республиками, были ранее опекаемы Россией и вошли в состав СССР не побуждаемые насильем, а, скорее, на условиях добровольности, вытекающих из преемственности государства Российского. Ибо наличие мощной державы им было выгодно. Она защищала их при сохранении собственной национальной идентичности. Россия не сдерживала, а подталкивала эти республики к развитию в направлениях, которые для этих республик были естественны и органичны.

Угасание, а затем распад СССР породили деградация власти, а равно и утрата доверия к ней собственным народом. Слов о величии значимости страны и ныне произносятся очень много. И власть полна желания обрести это величие. Желание благородное. Однако вопрос сущностный не даёт покоя: ради чего? Чтобы стать личным сверхбогатым и, сохраняя себя во власти, наращивать это богатство? Или?..

История России многогранна. У неё были взлёты и великие правители, но так устроена жизнь, что эстафету власти принимают от близстоящего, а не бежавшего эту дистанцию столетие назад. И близстоящим достижением успешности являлся Советский Союз. Я не говорю об идеальности. Этого не было. Но успешность была. В послевоенное время страна провела вторую индустриализацию и, опередив Америку, покорила космос. В эти годы показатели развития СССР лишь на 2,2 процента отставали от показателей развития Германии в момент экономического чуда.

Главное зло нашего времени, которое мы творим повседневно, — это раскол. И нелепо считать, что прародителями и сотворителями этого раскола является несистемная оппозиция. Она просто присоединилась к нему. Раскол творит неразумная политика власти. И в этом в первую очередь виноваты несовершенные, а порой ошибочные законы, в большинстве своём инициированные исполнительной властью.

Совсем недавно Дума приняла закон об образовании. Он прошёл через несколько батальев. Как правило, при этих обсуждениях суть закона большинством принималась в штыки. Участники дискуссии предупреждали, что принятие закона в данной редакции ухудшит ситуацию в мире образования. В результате было внесено 600 поправок, но авторы закона не посчитали нужным это учесть.

Уже сейчас совершенно ясно: закон не объединит общество, а расколел его. При об-

суждении власть не услышала знающих и умеющих. В новом законе об образовании ни разу не упоминается слово «школа». Трудно опаривать истину. В СССР было прекрасное образование, это признавал весь мир. А мы вместо того, чтобы вычлнить всё лучшее из той советской системы, проводим нескончаемо малоуспешные реформы, копируя либо американский, либо немецкий опыт, даже не осознавая, что это не только дискредитация России, но подтверждение неэффективности власти. Власть, которая, представляя великую страну, встала в одну очередь со слаборазвитыми странами, ожидая благоденствия либо от цивилизованной Европы, либо Америки. Кто же после этого согласится, уважаемая власть, с утверждением, что вы представляете великую страну?

Реформаторский зуд распространился на все сферы жизни — образование, медицину, армию, культуру. Сейчас очередная мания — объединение вузов, якобы ради повышения эффективности образования. Хотя всё объясняется очень просто. Вузы находятся в престижных местах на территории разных городов, и речь не об образовании и его качестве, а о захвате собственности. И всё это вершится по инициативе власти. Упрощённо говоря, за всем стоит идея ханка и наживы. Армейские реформы бывшего министра Сердюкова это продемонстрировали достаточно явственно.

Почему происходит то, что происходит? Потому что во власти преобладают люди, страдающие очевидным языном. Они не умеют дело делать. Потому что не прошли школу жизни. Но сегодня именно они правят страной.

Главный принцип нынешней кадровой политики власти — омоложение. Однако в том виде, как это делается, омоложение приведёт страну к катастрофе. Обновление правящей элиты, её ротация крайне необходимы. Но омоложение, лишённое познания, — путь к провалу управления страной. Мы это пережили в 90-х, но вирус оказался стойким и нечто подобное вершится сейчас. И так называемое большое правительство есть слепок подобных язынов.

Что делает неумеющий, оказавшись на властном олимпе? Он проводит реформы, порождая некую никому не известную среду. И в этом случае он как бы обретает равенство с умеющим. Именно в среде всеобщей неумелости обостряются проблемы.

А в многонациональной стране — прежде всего проблемы национальные. И если в России во весь голос звучит призыв: «Государствообразующая нация — русские — нуждается в защите!» — следует признать, что мы в преддверии национального бедствия.

Каковы составляющие этой опасности? Уменьшение численности русского населения. И дело не только в демографии, хотя она играет ключевую роль. За последние годы

страну покинуло более 2,5 млн. человек. В своём большинстве это русские. В нашей стране не доживают до пенсионного возраста 40 процентов населения. В основном это русские, 75 процентов из которых — малообеспеченные граждане. Как утверждает научное сообщество страны, начиная с 90-х годов мы потеряли более 30 процентов интеллектуального ресурса страны, и опять в подавляющем большинстве это русские.

Вот почему ложное трактование неолибералами русского вопроса в России как проявление национального экстремизма есть скрытая атака на государствообразующую нацию. В этом смысле слова г-на Юргенса, входящего в ближайший круг идеологических советников премьера Медведева, по сути знакомые: «Модернизации России мешают русские».

зидент и каждый премьер. Если вы скажете, что Путин добился стабильности, то непримиримая оппозиция немедленно вмешается и назовёт стабильность застоем, дабы свести на нет всю значимость стабильности.

Но есть истины очевидные, которые опаривать бессмысленно. И одно бесспорное достижение Путина как президента России и как политика мирового уровня: он не допустил распада страны и бунта суверенитетов. А страна была на грани этого взрыва.

Одним из первых решений президента Путина было решение о создании в России семи территориальных округов во главе с полпредами президента. Задача которых — установить суверенное шатание, взять ситуацию под контроль, привести в порядок местные законы, исключив из них преобладающее право местного законодательства над положениями Конституции России, что было прямым следствием суверенного ажиотажа. Эти действия Путина в значительной степени отрезвили властную элиту регионов.

Из сказанного следует сделать несколько принципиальных выводов.

Вывод первый. Не надо рассматривать современные pomysлы о суверенитете как чисто русскую историческую данность, адресуясь к XIX веку, началу XX, к сибирским идеям того времени — «Сибирь для сибиряков». Огромные пространства предползают тяготение к разделению, сепаратизму. Отчасти это утверждение правомерно, но только отчасти.

Вывод второй. Возрождение сепаратистских настроений — прямое следствие неэффективной модели экономического развития страны. Разрыв в доходах Центра и окраин. Отсюда провокационный лозунг небедных либералов — «Хватит кормить Кавказ». И как ответное эхо — «Москва всё забирает».

Вывод третий. Господин Бжезинский — хороший информированный человек, и его предположения о расчленении России на четырнадцать самостоятельных государств неслучайны. Чтобы усилить Америку, надо ослабить Россию, а для этого следует запустить разрушающий вирус сепаратизма.

Желание обосновать раскол как некую норму рождает своих теоретиков. Журналист Олег Кашин говорит: «Стоит посвятить не один год созданию инфраструктуры в будущей великой России от Смоленска до Владимира, которая, наверное, рано или поздно будет ограничена именно таким пространством». И далее о Новосибирске, Екатеринбурге, Омске... Это, по Кашину, потенциально новые столицы других государств. Что ж, можно поздравить г-на Бжезинского: он обрёл послушных учеников на территории России. Ибо они слово в слово повторяют его прогноз относительно будущего России.

Следует вспомнить одну ровковую цифру — 26 декабря 1991 года, когда перестал существовать СССР. Одновременно 20 миллионов русских людей оказались за границей, на территории теперь уже бывших союзных республик, а ныне независимых государств. Единый народ в одночасье стал разъединённым в масштабах, не имеющих повторения в мировой практике.

Почему сегодня неолибералы выступают против термина «русский народ государствообразующий»? Потому что появление его в национальной стратегии потребует от власти обязательств поддержания жизнеспособности русских как государствообразующей нации. А таких обременяющих обязанностей власть брать на себя не хочет.

Нуждали русская идея стране? Нужна, как воздух. Но не нашигитованная политическими вывихами, а насыщенная великой культурой, наукой, историческим прозрением, преданностью России, русскому народу и верой в него. Ибо необходимо помнить: русский народ отвечает не за русских, а за великую многонациональную Россию.

Олег ПОСПЕЛОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

По совести и разуму

Мы нередко видим на телеэкранах германского политолога Александра Рара, свободно говорящего по-русски. Рецензируемую книгу написал его отец Глеб Александрович (1922–2006), известная фигура русской эмиграции, историк, журналист, видный деятель Русской православной церкви за границей. Он был школьником, когда его семью выслали из СССР в Латвию — как немцев. Сами Рары считали себя русскими с датскими корнями. После присоединения Латвии к СССР семья переехала в Германию.

Глеб Рар многое пережил и многое повидал. Книга его необычайно интересна тем, что она описывает подлинную жизнь «по ту сторону фронта», и во время Второй мировой войны, и, что не менее важно, во время холодной войны. Жизнь эта увиденна глазами русского человека, никогда не забывавшего, кто он и откуда.

Вкратце пересказать содержание очень любопытного, познавательного, объёмного, по-немецки обстоятельно написанного тома, разумеется, невозможно. Но не могу не остановиться на теме, сегодня малоизвестной у нас в России и, как представляется, не совсем объективно освещённой автором, — на теме деятельности Народно-трудового союза (НТС).

Эта антисоветская эмигрантская организация, конечно же, не могла существовать и тем более действовать без поддержки иностранных государств, их спецслужб, что признаёт и автор. Но деятельность НТС он сводит лишь к пропаганде — радиопередачи, печатные издания, забрасывание листовок с воздушных шаров... Сейчас, после падения коммунизма, это выглядит как совершенно пристойное и чуть ли не праведное деяние. В реальности было не совсем так.

За иностранную помощь НТС должен был расплачиваться. И делать это приходилось, занимаясь шпионажем и подрывными действиями. Вместе с Польшей и Румынией в 1930-е годы, с Германией — во время Второй мировой, с Англией и США — во время Холодной войны. Глеб Рар упоминает о том, что энтэзовцы действовали в оккупированном

Г.А. Рар.
«...И будет наше поколение давать истории отчёт». Воспоминания. — М.: Русский путь, 2012. — 728 с.: ил. — 1000 экз.

Смоленске, но умалчивает о том, что они были частью фашистской администрации, что местные жители называли их «берлинцами» и ненавидели даже больше, чем самих немцев. После войны энтэзовцев на территорию СССР забрасывали с самолётов. Кроме прочего шпионского снаряжения, у этих агентов были радиомаяки для наводки самолётов — американцы готовились к атомной войне против нашей страны.

Таковы трагические реалии того времени, которое нельзя описать одной краской.

Многие «зарубежные русские» после войны уверяли, что в роковые годы они были «за Россию против Гитлера и против Сталина». Здесь уместно вспомнить, что в 1943 году Иван Бунин написал: «До чего дошло! Сталин летит в Тегеран, а я дрожу — как бы с ним ничего не случилось». Антимунизм Бунина известен, но тогда он был с Россией, а не против неё.

Сам Глеб Рар всю жизнь мечтал вернуться на родину. В 2001 году ему вернули российское гражданство, но болезни и смерть помешали его возвращению.

Книгу же его стоит прочесть всем, кто стремится разобраться в перипетиях многострадальной судьбы нашего Отечества. Читая же, помните слова русского человека с тяжёлой судьбой Глеба Рара: «Есть огромная разница между понятиями «судить» и «осуждать», с одной стороны, и понятием «суждения» (по совести и разуму), с другой. Судить нам не дано никому, но иметь своё суждение — долг каждого, кого Бог не обделил разумом».

Юрий БАРАНОВ

Мыслитель с кайлом

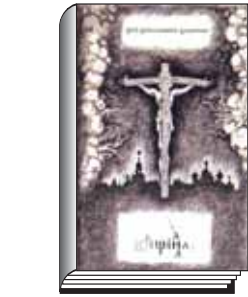
Чтение книги «Крещённая бездна» можно начать с конца, где автор поясняет, как его следует понимать. Однако вряд ли это облегчит понимание неподготовленного читателя.

Здесь бездна крамольных мыслей и мысли без дна. Бес «системности» изгнан автором сочетанием озорства, доходящего порой до юродства, и постмодерна. Достается прежде всего носителям банальных смыслов. Они для автора — как красная тряпка для быка.

Упреждая панику неподготовленных читателей («как относиться к тексту? не городской ли это сумасшедший?»), в аннотации сообщается, что автор — из традиционной академической корпорации, защитил докторскую диссертацию. Просто докторов философии в стране много, да не всякий может воспарить над «бездной» и упереться затылком в «небо».

Дочитавший до конца понимает, что задача автора — огорошить читателей, имеющих какие-то изначальные установки на осмысленность. Для самого автора готового смысла в окружающую действительность нет, он лишь устанавливается в процессе общения. И ощущение бессмысленности происходящего — это нечто естественное. Перед нами метафизико-поэтический трактат, опыт разрыва с традицией и нормами эстетического приличия, преодоление собственной понаглости уже наскучившей дерзости постмодернистов.

Иными словами, пред нами озорник, нарочито играющий в безумие, однако обладающий знанием и умом.

Калитин Пётр.
«Крещённая бездна». — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. — 384 с.: ил. — Тираж не указан.

Из сферы религиозной стилистики юродства Петром Калитиным переносится в философию. И тут вам не аккуратное англосаксонское дробление на «смысловые атомы», атомарные смыслы. Тут человек с кайлом подбегает к «Мыслителью» Родена, бьёт, высекает искры, бежит дальше, круша каменные изваяния. Обломки получились где мелкие, где крупные... Зато, взирая на проделанную работу, автор может сказать читателям: «Это вам и за распад индивидуального сознания, и за утрату коллективного смысла... Это вам за избыток бессмысленного веселья и недостаток осмысленной печали...»

Так что книга сия не для тех, кто хочет получить знания, информацию, факты. Зато она будет полезна тем, кто хочет почувствовать «работу сознания», уловить ускользавшие в потоке понаглости уже наскучившие смыслы, чтобы на какое-то время обрести спокойствие в мире анархии и абсурда.

Василий ВАНЧУГОВ

E-mail рубрики – gam@lgz.ru

Очередное утро началось с теленовостей. Первая – о том, как отец семейства убил жену и двоих детей. Переключая канал. Опять – криминальное сообщение: в одной из квартир в посёлке Савинский Плесецкого района Архангельской области обнаружено тело 31-летнего мужчины. С множественными травмами головы.

Задержан 52-летний, нигде не работающий местный житель. По предварительной версии, между мужчинами после выпивки произошла ссора. Подозреваемый нанёс спящему потерпевшему несколько ударов ломом по спине, а когда тот проснулся, – по голове.

А вот ещё один эпизод: в деревне Еркино Пинежского района между местными жителями произошла ссора. И, конечно же, после выпивки. 30-летний подозреваемый нанёс множественные удары ножом 25-летнему потер-

певшему. От полученных ранений тот скончался на месте. Сухой официальный язык информационной ленты, а за ним – череда смертей... Конец чьих-то, пусть непутёвых, жизней... И начало новых судебных процессов, угнетающих своей бесысходностью... Ведь бытовых преступлений, как свидетельствует статистика, гораздо больше, чем корыстных... Кто они, персонажи этих уголовных дел?.. Откуда у них такой запас агрессии, которая внезапно выплёскивается, обрывая жизни, калеча судьбы? Неужели обстоятельства нынешней жизни делают людей чёрствыми, заставляя копить негативные эмоции? (См. статью Карины Зурабовой «Скорбное бесчувствие» в «ЛГ» № 2–3). Или всё-таки существуют в душе человека какие-то тайные неконтролируемые механизмы?

За ответом на эти и другие вопросы наш корреспондент обратился к специалисту по агрессии, кандидату психологических наук Сергею ЕНИКОЛОПОВУ

Все люди – враги?

МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ... УТРАЧЕН!

– Сергей Николаевич, человечество всегда было таким агрессивным или просто нам, нынешним, не повезло?

– Слова, которыми мы оперируем в обычной разговорной речи, часто совпадают с теми, что используют в психологии. И под «агрессией» часто подразумевают просто чьё-то активное поведение. Ребёнок подвижнее других, а учитель говорит: он агрессивен. Это неверно.

В научном плане агрессия всегда мотивирована. Должна быть цель – нанесение какого-то вреда, ущерба человеку, животному, вещи... Если прохожий кого-то случайно толкнул на эскалаторе или наступил на ногу, это не агрессия.

– Психолог Лоренц писал, что для обывателя понятие агрессии связано с самыми разнообразными явлениями обыденной жизни, начиная от драки петухов и собак, мальчишеских потасовок и заканчивая в конце концов войной. В теории Лоренца агрессия человека уподобляется агрессии животных и объясняется это чисто биологически – как средство выжить в борьбе с другими существами... В этом корень проблемы?

– Есть, конечно, и генетически, и идеологически заданная программа агрессивного поведения. Защита своей территории, например. Своих детей, семьи... Но животных, защищая свою территорию, не будет преследовать и убивать соперника. Лев отогнал соперника от своей территории и успокоился. У животных убийств как таковых очень мало. Там есть чётко действующие механизмы торможения агрессии. У каждого вида есть свои доказательства того, что он сдался. Слабый поджимает хвост или ложится на спину... Всё. Его никто не тронет...

У человека «отказали тормоза», когда он придумал пращу и сообразил, что можно, поразив цель, убежать. Когда появились луки, стрелы, снаряды, ракеты. Когда уже и противника не видно... Посттравматические стрессовые реакции сильнее всего выражены у тех, кто ходил в штыковую атаку, а не у тех, кто отбомбился с самолёта и улётел пить кофе. У последних вообще может не быть посттравматической стрессовой реакции... Это первое, что очень существенно. Второе: на генетическую predispositionность к агрессии накладываются интеллект или его отсутствие. Человек не рождается с причинно-следственными связями, они появляются где-то после пяти-семи лет... Поэтому мотивированная угроза появляется гораздо позже.

– То есть агрессии можно научиться?

– Да. И к этому надо относиться серьёзно. Это не просто метод проб и ошибок. Человек учится агрессии, наблюдая за поведением других. Мы же учились пользоваться ножом и вилкой не по инструкции, а глядя, как это делают папа и мама. Но! Одна часть людей «застывает» в этом подражании, агрессия становится их привычной формой поведения. А у другой части поведенческий спектр гораздо шире. Мы знаем, кому, когда и как ответить. Когда промолчать, когда уйти, а когда и сдаться. Мы гибче. Но кто-то (и их немало) привык решать свои проблемы именно силовым способом. И никак иначе.

– Но, согласитесь, агрессия – лучший инструмент защиты своего «я». Самый быстродействующий и эффективный.

– Да, пожалуй. Но в этом-то и его опасность. Недаром японцы придумали куклу начальника, которую можно бить в любое время, чтобы выпустить пар и не копить в себе гнев. Вы не можете наорать на начальство. Вас вяжут по рукам масса корпоративных запретов. И тут люди ищут козла отпущения: к концу рабочего дня накопил негативных эмоций, пришёл домой и давай вымещать зло на слабых – бить жену, детей... Это называется «феномен козла отпущения».

– Социальное неравенство, расслоение общества порождают новый виток агрессии?

– Разумеется. Мы пока не очень хорошо понимаем, что переходим от одного

уклада жизни к другому. Урбанизация, модернизация, Интернет... Причём это переживают все страны почти одновременно, мы в этом смысле не хуже и не лучше других. Разве что с Интернетом опаздываем года на два, не больше. Но не только в этом дело. Переход к смене ценностных приоритетов очень болезнен. Например, те профессии, которые раньше считались престижными и уважаемыми, сейчас не в почёте. И нет этому прямых обоснований. То, что считалось

учится сострадать. Не умеет сострадать другому, потому что на экране никто не страдает. Героя пулями прошли, а он бежит и улыбается. Видеобоевики и компьютерные игры размывают понимание боли, страдания...

– А наше телевидение как нарочно обрушивает на головы обывателей жуткие истории... Не так давно центральные телеканалы посвятили две часовые передачи подробно-стям того, как глава семьи, психически нездоровый человек, которого жена почему-то

Роман МУХОМЕТЖАНОВ

справедливым, теперь кажется смешным и нелепым... Мы раньше были уверены, как видим, огромное количество бандитов добиваются достатка гораздо быстрее и проще... И в средствах массовой информации нечасто встретишь подтверждения, что нобелевского лауреата, например, кто-то уважает больше, чем инного вороватого бизнесмена. А если кого-то из богачей убили, то это точно попадёт на первые полосы газет.

УРОКИ НАСИЛИЯ

– Кровь с телеэкрана лётся рекой...

– Конечно! Когда попадаешь в тёмный переулок и видишь идущих навстречу людей, то можно сразу начать драться, предположив, что эти люди – враги, не понимая, что они, может быть, как и ты, заблудились. Незнакомцы думают, что вы знаете, как найти дорогу, а вы думаете, что надо спрятаться за угол и обороняться. Сценарность интерпретаций вашего поведения задана экраном. Такие экранные сюжеты с кровью жертв и болезненными корчами раненых тел притупляют чувствительность к страданиям другого человека. Особенно у детей. Человек не

не отправляла на лечение, в конце концов зарезал двух своих детей и мать. Подробно было сказано, что у всех жертв перерезано горло, что трупы находились в позах, которые придают покойникам для совершения погребального обряда: руки сложены на груди, между пальцами у всех убитых лежали иконы и стояли зажжённые свечи... Какова цель этих передач? Понизить порог чувствительности? Ожесточить и без того не очень милосердных зрителей?

– Журналисты-телевизионщики на эти вопросы обычно отвечают: мы боремся за рейтинг, а у этих передач рейтинг высокий, и, значит, доходы от рекламных вставок зашкаливают. Тут экономика вступает в противоречие с совестью, ведь нельзя же подрывать здоровье нации такими передачами... Известен такой факт: в 80-м году был конгресс в США, посвящённый теле- и кинонасилию. После чего большинство телемагнатов, без понуждения законодательными актами, осознали, что, если они хотят жить в спокойной стране, надо сделать телевидение немногочисленным. У них же, как и у нас в 90-е, 75–78% времени телеэкран демонстрировал насилие и секс. А после 80-го года американцы получили умеренно скучноватое государственное

телевидение. То есть хочешь смотреть триллеры, боевики, секс – смотри, но для этого есть кабельное телевидение.

У нас для такого шага нет того, что нужно в первую очередь – гражданского общества. Никто не выходит на площадь и не говорит, что мы против такого-то телеканала, который показывает только убийства, скандалы и драки... У нас большинство надеется на государство, а тут, на мой взгляд, должно быть ярко выражено общественное мнение. Речь о нашем психическом здоровье, о нашей безопасности. И богатых, и бедных. У нас пока разрозненное общество. Богатые ненавидят бедных. Бедные – богатых. Молодые – старых. Старые – молодых. В этой атомизации общества – наша главная беда.

КОВАРНАЯ АТОМИЗАЦИЯ

– Да и жизнь наша убыстрялась. Даже Баха музыканты стали играть быстрее, чем того требовал композитор. Такие темпы тоже влияют на агрессивность общества?

– Да. Всё быстро меняется. Люди переезжают из маленького города в большой, не могут приспособиться или трудно приспособливаются. Меняют привычную работу на нелюбимую, чтобы выжить. Суетятся. Чужеродный город. Вспыхивает ненависть к москвичам. Уже не та «колбасная» ненависть из пригородных электричек, а другая. Конечно, «москвичи сволочи». У них и денег больше, и живут неправильно. Но проходит лет десять, и приезжий осваивается в мегаполисе. Живёт его ритмом, и ему уже кажутся «дикарями» те, кто только что приехал.

– Сергей Николаевич, деликатный вопрос. Кавказцы более агрессивны по природе, чем все остальные?

– На генетическом уровне вряд ли. Дело в традиционном воспитании. Мальчики на Кавказе всегда воспитывались как воины. Кинжал – обязательный элемент внешнего вида. Культ оружия и силы. И форма проявления радости другая. И не всем понятно, что стрельба в воздух в центре Москвы – форма выражения радости «гостей столицы». Срабатывает стереотип, что если человек достал оружие, то его надо тут же обезвредить, он опасен. Всё это интерпретируют как угрозу для окружающих. Справедливая реакция. А скорость понимания того, что если я начну с радости палить в воздух, то окружающие это поймут иначе, у этих лихих молодых людей запаздывает.

– Сейчас активно обсуждается вопрос: разрешить населению носить оружие...

– Рано! Ни в коем случае разрешать нельзя. В США разрешено оружие, но там, между прочим, и заключённых больше, осуждённых за злоупотребление оружием. Сторонники этого шага упускают из виду одну простую вещь: если у вас есть оружие, мне захочется его отнять. Вооружённый человек для преступника автоматически становится объектом нападения. Да и испуганные, но вооружённые люди обычно палят без толку... Нет, вооружаться нам рано.

– На одном из концертов, посвящённых Дню милиции (тогда ещё милиции, а не полиции), для сидящих в зале офицеров артист пел... «Муруку». В нашей речи прижился тюремный жаргон. Слова «разборки», «беспредел», «бабло»... чуть ли не самые популярные в Государственной Думе, а уж в теледебатах политиков без них просто не обойтись. Мода на блатную романтику подогрывает агрессию?

– Абсолютно верно! Писатель Варлам Шаламов предупреждал и в «Колымских рассказах», и в очерках, что ни в коем случае нельзя «заигрывать» с блатным миром. Стоит им протянуть мизинец, заташат в своё болото. Ни в так называемом шансоне, ни в жаргоне, ни в повадках нельзя подражать блатным. Недопустимо давать им повод думать, что мы разделяем их тюремную романтику. А пока у меня ощущение, что мы живём в приклатённом мире, который очень жесток...

Беседу вёл Сергей РЫКОВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Энергия заблуждения

Семён Экштут.
Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 [4] с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества). – 3000 экз.

Тема книги известного историка и социолога шире обозначенной в названии. Автор, конечно, фиксирует приметы быта, нравы «образованного общества» второй половины XIX века, но видит в них прежде всего знаки случившегося тогда глубокого слома в разных сферах жизни.

О необходимости решения крестьянского вопроса власть задумывалась со второй половины XVIII века. А в 1828 году в докладе Третьего отделения императору говорилось: «Почти три четверти помещичьих земель заложены... помещики не могут больше выносить процентов, а крестьянам не из чего вносить казённых налогов». «Дворянство беднело и вырождалось, хозяйство страны приходило в упадок», – констатирует автор и называет одну из главных, по его мнению, причин упадка: «Экономический образ мышления не был присущ ни российским монархам, ни благородному сословию». В качестве примера приводится опыт «безалаберного», «из рук вон плохого» ведения хозяйства А.С. Пушкиным и его отцом, которые закладывали крепостных, полученные деньги проедали, «даже точное количество земли в Михайловском им было неизвестно...»

Обращение к текстам отечественных классиков, их биографиям – приём, используемый С. Экштутым постоянно и порой удачно. Например, он коротко и ясно объясняет экономическую суть аферы главного героя «Мёртвых душ», которая нередко ускользает от современного читателя: «Скупая у помещиков крепостных крестьян, знавшихся в материалах последней ревизии – «ревисских сказках» – в качестве живых, он намеревался заложить их и сорвать солидный куш...»

С неожиданной – экономической, опять же, стороны – показана жизнь гвардейских и армейских офицеров, расходы которых «абсолютно не покрывались государевым жалованьем». Так, о героях «Войны и мира» читаем: «Оброк двух тысяч крепостных обеспечивал службу Николая Ростова в Павлоградском гусарском полку, а восьми тысяч – расточительный образ жизни гвардейца Анатолия Курагина».

Ситуация, когда «военные и гражданские чиновники не могли за счёт своего служебного жалованья добиться материального благополучия и обеспечить себе достойную старость», толкала их к злоупотреблениям. Коррупция процветала даже в среде профессоров Московского университета... Николай I пришёл к «выводу: во всей России не воруют только два человека – он сам и его наследник».

Реформы Александра II должны были решить проблемы, запущенности которых привела в том числе и к недавнему поражению в Крымской войне. Это крестьянская, военная и прочие реформы, способствовавшие модернизации страны... Но положение осложнялось крайней нестабильностью в обществе. Единомыслия не было не только у разных слоёв общества, но и внутри каждого из них, включая власть. «Молодая Россия» отличалась невиданным доселе радикализмом... «Энергия заблуждения» молодёжи была направлена не на созидание, а на разрушение». С. Экштут отмечает парадоксальный феномен: «Если в годы николаевского царствования верховная власть принципиально не желала вести диалог с обществом, то после отмены крепостного права уже «молодая Россия» 1860-х годов не хотела этого диалога... Власть, как никогда раньше, нуждалась в поддержке общества», а её клеймили позором, звали Русь к топору...

Резко выросло число студентов – только в Петербургском университете в пять раз. Столица стала «городом кружков и вечеринок». Дело дошло до студенческих волнений и временного закрытия университета. Радикализм подогревался прессой.

По словам современника, «всё было предметом отрицания: религия, родина, семья...». Ругать не только власть, но и Россию – «это была устойчивая негативная тенденция». Усиление антипатриотических, антиимперских мотивов в отечественной словесности автор проследивает на протяжении десятилетий. Начиная с 1828 года, когда П. Вяземский написал: «У нас ничего общего с правительством быть не может. У меня нет более ни песен для его славы, ни слёз для его несчастий». И кончая 1912 годом, когда был опубликован «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, где утверждается «приоритет гуманистических ценностей над имперскими».

Об остром кризисе семейных ценностей речь идёт во второй части книги. Масштаб и глубина явления впечатляют: что это – Россия позапрошлого века или Рим эпохи упадка?... Но вызывает недоумение подзаголовок «Сексуальная революция, которую мы не заметили». То есть как «не заметить»? Кто «не заметил»? Чернышевский и Тургенев, Боборыкин и Писемский, Л. Толстой и другие авторы, чьи тексты обильно цитируются?... Здесь автор явно погорячился.

Впрочем, не только здесь. Литературные произведения, как уже говорилось, С. Экштут активно использует в качестве исторических источников. Но иногда историк не может скрыть своего недоумения, а то и досады на того или иного классика.

Суть недовольства обычно сводится к тому, что «русская классическая литература приучила образованную публику к негоднованию смотреть на подлёда-приобретателя». Вот, например, комментарий к «Путешествию из Москвы в Петербург» А.С. Пушкина: «Величайший гений России не заметил, что извлечение прибыли сопряжено с ежедневным риском, следовательно, с личной ответственностью капиталиста за судьбу своего капитала и будущее своего дела». Тот же мотив возникает, когда речь заходит о Писемском, Л. Толстом, Горьком...

Всё правильно... Но могла ли наша словесность, по определению Томаса Манна, «святая русская литература», с самого начала своего существования отдавая предпочтение сокровищам небесным перед земными и почти десять веков хранящая верность своему выбору, быть иной? Вопрос, понятно, риторический.

Александр НЕБЕРОВ

НЕРВ

Жертвоприношение

Памяти шестилетнего Вани Завьялова, погибшего год назад в Петербурге от упавшей с крыши дома наледи.

А вот сводка совсем недавних происшествий. В минувшем декабре в Питере на улице Барочной у дома № 3 ледяная глыбой сбил с ног мужчину. С тяжёлой травмой он отправлен в больницу. В этот же вечер на Большом проспекте у дома № 1 ситуация повторилась, сорвавшийся с крыши кусок льда травмировал женщину. И буквально несколько дней назад, сообщает питерский Интернет, упавшая

с крыши глыба льда убила жительницу Петербурга. Всё это происходит не первый год. Но что именно происходит? Почему Северная наша столица в невоенное время ощущает себя словно бы на войне и в больницах города в зимнее время везут и везут раненых?

Вся страна помнит, как в минувшие годы, отвечая на шквал критики, губернатор Петербурга Валентина Матвиенко обещала обезопасить петербуржцев от этой ледяной напасти (почему-то называя смертоносные ледяные глыбы нежно – сосульками), но не успела, переехала в

Москву работать спикером в Совете Федерации. Нынешний же губернатор города Георгий Полтавченко, выразив соболезнования семье очередной жертвы – недавно погибшей женщины, пообещал, что по факту происшествия будет проведено тщательное расследование.

О том, как подобные расследования проводятся в Питере, можно предствить по делу о гибели Вани Завьялова. Оказывается, материалы этого дела до сих пор не вернулись из следственных органов в суд. Об этом корреспонденту «БалтИнфо» сообщил Александр Цибизов, адвокат Мар-

гариты Аникиной, начальника жилищно-эксплуатационной службы № 3 ООО «Жилкомсервис № 2» Кировского района, которую обвиняют в гибели ребёнка. Информация же о сроке возвращения дела в суд нет.

А если нет такой информации, нет суда, нет наказанных за неочищенные от снега и льда крыши, нет и трепета перед Законом. Нет и не может быть! Ибо только НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ может породить пусть не трепет, пусть только необходимое жизнеспособному обществу УВАЖЕНИЕ К ЗАКОНУ.

Для того чтобы это уважение появилось, не нужны новые жертвоприношения. И новые законы. Нужно лишь последовательно убирать со своих постов всех во-

локитчиков, не умеющих работать, превращающих правоохранительную систему в фикцию. И сообщать прессе пофамильно о каждом, чтобы такие безответственные особы никогда больше не смогли занимать начальственные кабинеты.

Именем погибшего шестилетнего мальчика Вани Завьялова я закликаю прокурора города Сергея Литвиненко и тех судей, на чей стол ляжет это, отнюдь не многотомное, дело: остановите питерское жертвоприношение!

Помогите возродить в вашем городе, а может быть, и во всей стране пошатнувшуюся ВЕРУ В ПРАВОСУДИЕ!

Игорь ГАМАЮНОВ,
ведущий рубрики
«Страна подсудимых»

ИСПЫТАНО НА СЕБЕ

Патронажный раб

Почему социальный работник зачастую оказывается в роли мальчика для битья

Лишившись работы в издательстве, приказавшем долго жить, и намаявшись в поисках места по специальности, отправивла резюме на вакансию «социальный работник». Буквально на следующий день мне позвонили из отдела кадров пансионата для ветеранов труда и предложили работу в недавно открывшемся

патронажном отделении. В начале 90-х, будучи обозревателем «Российской газеты», я пропагандировала шведский опыт организации социально-правовой помощи, а позже и сама занималась ею в аппарате уполномоченного по правам человека. Так что к социальной работе я была вполне готова. Как мне казалось...

ченных в социальной столовой. Галю М. — по оговору слепого инвалида, заявившего, что она украла у него из кастрюли кусок мяса...

Вскоре очередь дошла и до меня. Хотя скандалистом мой новый клиент как раз и не был. Милейший человек, бывший моряк, художник, инвалид первой группы по зрению, сразу пришёлся мне по душе своим весёлым характером и шутками, которые я с удовольствием парировала. Жил Б.И. в маленькой однокомнатной и на редкость захламлённой квартирке, где все стены были увешаны его живописными работами и до потолка громоздились книги и семейные реликвии. У Б.И. были две дочери, однако не только я, но и навещавшая инвалида три раза в неделю медсестра их ни разу не ви- дели.

законных представителей семьи, то есть дочерей (одна из них подписывала договор с отделением на обслуживание отца), чтобы решить вопрос с уборкой. А через несколько дней дежурный сотрудник управления соцзащиты округа записал по телефону жалобу инвалида Б.И. на сотрудника патронажного отделения, то есть на меня: «Регулярно опаздывает на два-три часа... Мусор не убирает, мотивируя это тем, что мусор пусть убирает тот, кому достанется квартира, ведёт себя некорректно, постоянно грубит».

Управление «спустило» жалобу в патронажное отделение, и к моему подопечному отправилась комиссия. Бедный Б.И. признался в оговоре, заявив, что сделать это его вынудила бывшая жена. И к какому же выводу пришла комиссия? Вместо того чтобы вызвать дочерей и разобраться в том, почему квартира так запущена, а капитальную уборку жилья пытаются свалить на соцработника, решили... заменить соцработника! Пятого за последние два года!! В моём же досье, которое, как выяснилось, руководство ведёт на всех сотрудников, появилась запись о жалобах и приказ о выговоре. За «нерадивость, недобросовестность, халатность, невыполнение услуг и нетактичность».

Моё же заявление с опровержением лжи в тот же день отправили в архив...

ДОЖИТЬ ДО ПЯТНИЦЫ

Не проходило и дня, чтобы кто-то из женщин, когда мы собирались вместе, не рассказывал очередной ужастик. Как после выходных пришла к своему клиенту, а он лежит холодный, голодный и обкакавший. Одна молодая коллега как-то под- считала: у неё из десяти семей — восемь, где старики брошены. Как только инвалиды отписывают свои квартиры родственникам, так большинство деток или внуков забывают к ним дорогу. Причём не только маргиналы, но и многие внешне вполне пристойные граждане. Если бы не варили соцработники по пятницам своим клиентам супы и борщи на два дня, они голодали бы до понедельника.

Приведу отрывок из своей последней докладной записки, которую написала после безуспешных устных обращений к своим начальникам с просьбой помочь моей подопечной — Нине Прохоровне:

«...Все мои попытки восстановить нормальную психологическую обстановку в семье упираются в непреодолимые препятствия. Это стойкое нежелание дочери и внуки заботиться о своей матери и бабушке, инвалиде I группы, перенёвшей инсульт, отказ помогать ей материально — покупать одежду и обувь, лекарства... Более того, когда Нина Прохоровна лечилась в реабилитационном центре, дочь, не поставив

мать в известность, сняла с её сбер- книжки 116 тысяч рублей. Квартира, которую Нина Прохоровна получила за двадцать лет работы в «Мостгазе» и которую подарила внучке, находится в запущенном состоянии и скорее напоминает убежище бомжа. Краны в туалете текут, унитаз разбит...»

С Ниной Прохоровной неотлучно, за исключением выходных, жил её сын — Олег Викторович, неработающий пенсионер, тоже инвалид. У него с сестрой конфликт из-за того, что та не помогает матери, а он, страдающий тяжёлой формой диабета, не может в одиночку тащить этот груз. Дочка, с которой я связалась по телефону (она живёт с мужем в загородном доме и вполне обеспечена), сначала пообещала навещать мать, а потом поставила условие: пусть та ей сама перевозит. Нина Прохоровна в моём присутствии несколько раз набирала домашний и мобильный номера телефонов, но безуспешно.

Позвонила я и внучке: та работает в банке и тоже обеспечена. Внучка тоже пообещала зайти к бабушке, у которой не была с марта прошлого года. Но не зашла, а позвонила в приёмную директора пансионата и попросила передать соцработнику, чтобы та не вмешивалась в их семейные дела.

Тем временем наступили холода. Температура в квартире выше 18 градусов не поднималась. Нина Прохоровна лежала под тремя одеялами и не могла согреться. Что я могла сделать? Отвезла в генеральную дирекцию «Мостгаза» заявление Нины Прохоровны. Буквально через два дня заменили краны, поставили новенький унитаз, но потом работа застопорилась. Квартира приватизированная, объяснил бригадир, пусть новая собственница оплачивает дальнейшие услуги.

Пока я боролась с сантехником, в пансионате разразился очередной скандал. Вышестоящая организация — управление соцзащиты, куда неоднократно жаловался Олег Викторович, — поинтересовалась принятыми мерами. Одновременно кто-то положил в папку директора учреждения мою последнюю докладную о трудной жизненной ситуации Нины Прохоровны. Зав. отделением, расценивая докладную как нарушение субординации, пришла в ярость, и меня уволили за... «вмешательство в семейные дела».

Я думала, что соцработник — это своего рода социальный терапевт, который обязан защищать интересы подопечных, а, оказывается, он всего лишь кухарка и уборщица. Таскай, три и молчи. И ни в коем случае не привывай к своим инвалидам.

Галина МЫЛЬНИКОВА

НЕТ «ПТИЧКИ» — ПИШИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНУЮ

В том, что патронаж благо, сомнений нет. Каждый из нас может привести примеры, когда их знакомые вынуждены были бросать работу, теряя квалификацию, зарплату, чтобы сидеть дома и ухаживать за тяжело больными родителями или родственниками. Теперь, даже несмотря на то, что спрос в эти отделения опережает предложение, граждане твёрдо знают: через полгода, а может, и раньше подойдёт очередь, и государство возьмёт их бабушек и дедушек в свои заботливые руки.

Патронажные подразделения выполняют самую тяжёлую работу: обслуживают инвалидов первой группы, в основном лежачих, два-три раза в неделю. На каждого соцработника приходится не менее 8 подопечных, которым они покупают продукты, получают для них у врачей рецепты на лекарства и сами лекарства, собирают документы для медико-социальной экспертизы, вызывают сантехников, электриков, навешают в больницах и даже могут проводить в последний путь. (У медиков этих отделений подопечных меньше, но и уход за клиентами с теми же пролежнями требует много времени и сноровки.)

Работа разъездная. Хотя руководство отделения старается подобрать клиентов из одного района и даже улицы, всё равно сотрудникам приходится за день преодолевать с непрерывной тележкой для продуктов немалые расстояния, в любую погоду, нередко без обеда.

Мои подопечные оказались очень разными людьми и по своему социальному статусу, и по характеру, но их объединяло одно — несчастье, в результате которого одни лишились ног, другие потеряли зрение, третьих парализовало. Надо ли говорить о той ответственности, которая ложится на человека, принявшего на себя заботу об этих людях?!

Мне дали самый отдалённый район и одиннадцатого клиента (а от их количества зависела зарплата)! И хотя вставать на работу надо было в шесть утра, а возвращалась я около восьми вечера, чувствовала себя отлично. Куда делись тяжесть в ногах, головная боль, давление, аритмия?! Старалась выполнить все их пожелания, и хотя сначала, особенно при покупке продуктов, это не всегда удавалось, они тактично молчали или успокаивали: ничего, это печенье соседка возьмёт. Со временем я уже быстро и безошибочно находила то, что было нужно и по цене, и по качеству.

Много сил отнимали поликлиники. Иной раз приходилось прямо-таки «сражаться», чтобы добыть для своих подопечных лекарства, которые лужавые «спецы» не торопились выдавать или пытались поменять на неэффективные заменители. Плюс разборы с больными, ожидающими приёма к врачам и не желающими пропускать без очереди какого-то там соцработника. Эти мелкие, но травмирующие душу баталии показали, что не только «ря-

РИА «Новости»

нажка», где трудились около сорока соцработников и медиков, ютилась в комнатке площадью не больше 12 кв. метров. Более того, по распоряжению начальства из неё вынесли даже стулья — видимо, чтобы мы не засиживались. При этом от «разъездных» сотрудников требовали ежедневно появляться в отделении и отмечаться в журнале. Галочка в присутственном журнале была одним из критериев качественной работы. Нет «птички» — пиши объяснительную.

Так, постепенно первоначальная радость от замены работы у компьютера работой «в поле», от ежедневных слов благодарности моих подопечных, ощущения своей нужности стала уступать место какой-то душевной усталости и осознанию бессмысленности своих усилий.

ОГОВОРЫ

Среди должностных обязанностей соцработника есть такая — писать докладные в случае недоработки с подопечными и их родственниками. Цель: чтобы зав. отделением и старшая медсестра, выслушав обе стороны, помогли объективно разобраться в ситуации и уладить её. Конфликты же в работе с некоторыми тяжелобольными людьми, уставшими от однообразия и тягот

Из 150 инвалидов, прикреплённых к отделению, восемьдесят человек, включая семьи (муж и жена, мама и дочка и т. д.), списали недобрую славу скандалистам. Они были всегда всем недовольны и жаловались во все инстанции, начиная от руководства отделения и заканчивая администрацией президента. Заявляю как очевидец: между скандалами и соцработниками, которых им давали в услужение (я не оговори- лась, именно в услужение), разворачивалась бытовая война. С медиками инвалиды практически не связывались, так как у тех в руках было сильнейшее оружие — здоровье. Нахамишь — не поменяют катетер или промокший подгузник. С соцработником раздаться проще. К тому же они видели — администрация (за редким исключением) всегда на их стороне. Несправивших тут же увольняли, и на их место брали новеньких. День-два клиенты к ним присматривались, нащупывали слабые места (а инвалиды превосходные психологи) и открывали «военные» действия.

За полгода из патронажного отделения уволили около десяти сотрудников. Принятую на работу одновременно со мной Надю Б., которую семейка заставляла покупать арбузы по 10 кг и поднимать их в мойку и обвиняла в воровстве обедов, полу-

жила с ним (кроме выходных, когда она уезжала к себе домой) бывшая супруга. Хозяйством она, судя по ужасающему состоянию квартиры, не занималась. Вот с этой дамой и нашла у нас коса на камень.

Я добросовестно таскала для них двоих продукты (а заказывала дама немально), покупала лекарства, доставляла всякие прикроватные столы и прочее, и прочее. А однажды дама, указав на многолетнюю грязь, скопившуюся на плитках, попросила её отскоблить, а ещё разобрать монбланы тюков и чемоданов с хламом, громоздящиеся на балконе. Я вежливо отказалась, упомянув клинические службы, куда она может обратиться за помощью. Дама возмутилась. Тогда я попросила вызвать

P.S. Прежде чем публиковать письмо переквалифицировавшейся в соцработники коллеги, мы решили посмотреть на интернет-форумах отклики ветеранов, пользующихся услугами того пансионата (его точное наименование мы опустили, потому что похожая ситуация, как выяснилось, не только в нём), их родственников и сотрудников. Вдруг автор просто не прижился в новом коллективе — такое ведь бывает — и сгустила краски?

Но оказалось, что она краски даже стусевала. Там все друг друга ненавидят: медсёстры — соцработников, соцработники — медсестёр, все вместе — руководство, а защитники администрации — и тех, и других.

Пауки в банке. Москвички упрекают иногородних работников (а их в пансионате большинство) в рабской психологии, в том, что

Зеркало безработицы.

«ЛГ», № 2–3

По первому образованию я — филолог-германист, свободно владею немецким языком, с красным дипломом окончил филологический факультет Ленинградского университета. Но кому в моей родной Пензе нужен отличный немецкий?!

Поступил в аспирантуру, уже теперь Санкт-Петербургского университета. Вернувшись в Пензу, завёл две трудовые книжки, работал в школе и институте. В школе достиг неплохих успехов, но возникла конкуренция с одной сановитой «англичанкой». Перед директором был поставлен вопрос ребром: или она, или я! Заставили написать заявление по собственному. Смог по протекции устроиться в другую школу, «классной дамой». Представляете: ЛГУ, филфак,

Увольнение страшнее преисподней

красный диплом и... — «классная дама». Переживал здорово, но что нас не убивает, то делает сильнее.

С немецким решил завязывать, смог по Президентской программе бесплатно получить второе высшее экономическое образование. Также по протекции устроился в банк. Проработал там год и четыре месяца — моё место понадобилось другой очень «козырной» даме. Уволили.

Без работы был почти год. Жуткая депрессия, вечером не хотелось ложиться спать, утром вставать. Дочь в первом классе, жена держится из последних сил. Пытался найти работу в Москве, без прописки и регистрации. Безрезультатно. Вернулся домой, и тут мне наконец повезло. В сентябре 2002-го меня взяли на должность заместителя генерального директора одного крупного промышленного предприятия. За период вынужденной безработицы написал и защитил кандидатскую диссертацию по эко-

номике, в июле 2007-го защитил докторскую. А в начале ноября захожу в приёмную, меня манит к себе секретарь и говорит, что уже два месяца на моё место ищут человека...

Сейчас работаю в системе высшего образования. От трёх увольнений остался жуткий страх безработицы. Собираю цитаты из Интернета. Одна очень понравилась: «Думаете, Ад самое страшное? Или смерть? Гибель? Нет, нет и нет! Страшнее преисподней — УВОЛЬНЕНИЕ».

Какие выводы сделал из своего печального опыта? Профессионалы в России не нужны. Рынки высшего образования и труда никак между собой не связаны. Очень многое в нашей карьере решает Бог (случай, судьба, блат). И как сказал один мой студенческий приятель: «Лучше устать от работы, чем от её поиска».

Игорь ЮРАСОВ, профессор

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

Хам на колёсах

Анекдот в тему. Новый русский на шестисотом «мерседесе» ед- ва не сбивает пьяного бомжа.

Блестный, он выскакивает из машины, поднимает памятного бродягу, трясёт его за грудки. Выговаривает:

— Для вас, козлов, подземные переходы сделали, а вы лезете под колёса...

Бомж, приходя в себя, приятно удивлён:

— Налю же! Впервые в жизни «на вы» назвали! И фамилию откуда-то знает?!

Этому бомжу повезло, хотя пешеходу везёт только в анекдотах. Если человек хам, но не за рулём — это не беда. Беда, если хам на колёсах. Это хам, вооружённый мощностью собственного автомобиля. За рулём даже добрый, интеллигентный в быту и на работе человек становится волком.

Сам наблюдал за рулём жигулёнка известную художницу, лауреата многих престижных премий, участницу десятков авторитетных международных выставок, в быту — добрейшего человека, заботливую мать и жену, роскошную женщину, наконец, которая, захлопнув с собой дверцу машины и едва тронув с места, из мурлыкающей

под ладонью хозяина домашней кошечки вмиг превратилась в пантеру, готовую разорвать свою жертву.

Боже! Как она виртуозно, изощрённейше, свежо материлась, сражаясь на Садовом с подрызавшими нашу машину лихачами! Ей вторил хороший писатель, наш попутчик...

Мы опаздывали на самолёт. Была распутица. Бедные, бедные прохожие, чей путь хоть на долю секунды соприкоснулся с нашим, — их белоснежные, забитые оттугоженные плащи, их замшевые куртки, их куртки из болоньи и кожи, их длиннополье, только входившие в моду пальто... мы окатили осенней грязью нашего хамского автомобиля.

Нет в Москве перекрёстка (думаю, и в других крупных городах России тоже), где от подобной бесцеремонности человека за рулём не пострадал бы пешеход. Редчайший случай, когда водитель, заведя машину и пешехода возле неё, притормозит, сбавит ход.

Посмотрите на город глазами матери (или отца), гуляющей с младенцем. Все, почти все дворы Москвы превратились в стихийные автостоянки. Очень много машин передними колёсами далеко заехали на тротуар, остав-

ля узенький проход между кустарником (если он есть, но чаще вместо него — высокий, грязный сугроб или железобетонная стена клумбы), между тем, что есть, и наглостью, занимающей не свою территорию машиной. Мама (папа) с коляской вынуждена искать обезд или проявлять чудеса эквилибристики, оглядя хамоватую машину.

А то вдруг ни с того ни с сего срывается сигнализация, и машина начинает сиреноподобно выть (вопить, трещать, свистеть, гудеть...) возле изголовья спящей крохи...

В такие моменты много раз ловил себя на желании взять обрубок лома и раскрошить обездившего «коня на колёсах». Грешным делом даже подумал: необходимо законодательно разрешить прохожему именно таким способом защищать свой покой, свои права на то, чтобы НОРМАЛЬНО пройти по родному городу. Поставил свой автомобиль на тротуар для прохожих — рискуешь найти его без лобового стекла...

Не одного меня будил на рассвете ложный вой чужой сигнализации. В такой ситуации зло должно быть наказано мгновенно, ибо когда ещё оно будет наказано? Нужен закон, работающий так же молниеносно, как и сорвавшаяся с цепи сирена автомобиля спящего хамы.

Сергей НИКОЛАЕВ

«Чёрная» — пожалуй, одно из самых распространённых названий малых рек и ручейков на северо-западе России. Истарики так называли и протоки с болотной, застойной водой. Такое название подходило к речкам не очень торпливым. Малая скорость потока повышала напор воды на старых корнях и погибших ветвях ольховника, заросли которого сплошь покрывали окрестные берега. Вода становилась тёмной, как бы густой, и от этого течение казалось ещё более замедленным. Зимой речка замерзала, прибрежная местность с полями, перелесками да оврагами покрывалась глубоким снегом.

В Петербурге с таким названием было восемь речек. Чёрными называли современные Екатерингофку, Волковку, Монастырку, Смоленку, Оккервиль, канал Грибоедова. Ныне такое зловещее название сохранилось за очень маленькой речкой в восточном районе и на севере города. Последняя уже никогда не меняет своего названия. Она стала вехой в нашей культуре, пусть даже и невыносимо горькой.

Издавна с севера к Чёрной речке, не пересекаясь, подошли Коломажская дорога и Ланское шоссе. Тогда здесь находилось поселение с финским названием Коломяги («коло» — углубление, «мяки» — горка). Эта едва заметная возвышенность имела пещеры с молилитными образованиями. Старинный дворянский род Ланских с конца XVIII столетия владел этим участком земли, дачным пригородом Петербурга, служившим северной границей столицы. Мост через Чёрную речку назывался Пограничным (ныне Ланской). Оба пути образовывали тупой угол, а местность, лежащая внутри него, — тупой треугольник. Поблизости находилась Новая деревня.

До основания Петербурга местность на правом берегу Большой Невки была лесистой. Из-за множества камней и валунов получила название Каменки, или Каменного носа. С середины XVIII века Большой Каменный остров стал царской резиденцией. Начались строительство и обустройство каналов, укрепление берегов. Владелец Каменного графа А.П. Бестужев-Рюмин поселил здесь несколько сотен крепостных крестьян. Когда стали создавать декоративные сооружения, разбивать парки, потребовались новые партии крестьян. Их разместили на Чёрной речке. Так появилась ещё одна деревня — Новая, а ту, первую, стали называть Старой.

На правом изгибе Чёрной речки, на левом её берегу, слева от дороги, ведущей в Коломяги, находилась небольшая одноэтажная дача, состоявшая из нескольких деревянных домов и незначительных хозяйственных строений, ещё с петровских времён принадлежавшая коменданту Петропавловской крепости. Комендантская дача (её название стало географическим) владела обширными землями и занимала целый район пригородов Петербурга.

В документах подлинного военного суда дела 1837 года «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном» (СПб., 1900) о конкретном месте дуэли, кроме кратких ответов на вопросы Комиссии военного суда, не говорится ни слова. Д'Аршиак замечает: «В 4½ часа прибыли мы на место свидания, весьма сильный ветер, который был в то время, принудил нас искать укрытия в небольшом сосновом лесу. Множество снега мешало противникам, то мы нашли в необходимости прорыть тропинку в 20 шагах, на концах которые они встали...»

Ещё в 40-х годах к колышку, поставленному у Коломажской дороги, была прибитая чёрная дощечка с надписью: «27 января 1837 года против сего места упал смертельно раненный на поединке А.С. Пушкин». Кто её установил и почему именно здесь, неизвестно. Дощечки исчезали, появлялись новые. В дни памяти поэта сюда стали приходить люди, приносить цветы, устраивать митинги. Место было как бы канонизовано, однако доказательств этому не имелось никаких.

Петербургский книгопродавец и издатель Я.А. Исаков в конце 20-х годов XIX столетия основал магазин по продаже преимущественно французских книг. Во втором посмертном издании 1855 года «Сочинений Пушкина с приложением для его биографии» под редакцией П.В. Анненкова (пер-

который продолжался параллельно всю длину ланской дороги. В недалёком расстоянии от забора он указал мне место, где происходила дуэль. В наш приезд, в 1858 году, кустарника этого мы уже не нашли: он вырублен... оставалось только около канавок несколько молодого берёзняка. Следовательно, срисовать было нечего».

Через некоторое время Исаков вновь посетил место дуэли и указал: «... от чернореченского пешеходного моста, по Коломажской дороге, на протяжении 148 сажен (сажень — 2,1336 метра), по правой стороне огорода Мякишева (по левой — Комендантская дача), от огорода Мякишева, где кончается забор, нужно отмерить 75 сажен далее по той же Коломажской дороге до второй от забора канавы, идущей вправо от дороги

по лугам, пасутся лошади, принадлежащие кумысному заведению».

Я полностью привёл единственную известную характеристику места поединка с количественной его оценкой, что позволяет с высокой степенью точности определить истинное место трагедии.

Прошло пять лет. Из беседы с тем же Данзасом литератор А.Н. Аммосов записал («Последние дни жизни и кончины Александра Сергеевича Пушкина». — СПб., 1863): «Данзас вышел из саней и, сговорившись с д'Аршиаком, отправился с ним отыскивать удобное для дуэли место. Они нашли такое саженьях в полутора от Комендантской дачи, более крупный и густой кустарник окружал здесь площадку и мог скрывать от глаз оставленных на дороге из-

ли. Понимали они всё и так же, полагаю, как Константин Карлович, в душе переживали за конечный результат поединка. Понимали, так как знали, что дело нечистое (в России дуэли были запрещены — все её участники предавались суду). По причине того что они были лицами, малопричастными к делу, их имена сознательно остались неизвестными.

Итак, Пушкин и Дантес с секундантами, каждый в своих парных санях, к Комендантской даче подъехали почти одновременно, в половине пятого (Дантес чуть раньше). Все вышли из саней. Окрест было уныло: ни строений, ни растительности — одни поля да редкие покосившиеся заборы, занесённые снегом. Секунданты отправились на поиски удобного места для поединка. Через не-

скажем к тому месту, где лежал раненый Пушкин. Общими силами усадив его бережно в сани», медленно тронулись в обратный путь. Со слов д'Аршиака Пушкин был «в санях, сильно потрясаясь во время переездки более половины версты, по самой дурной дороге». Опять те же самые полверсты.

У Комендантской дачи «нашли карету, присланную... Геккереном, отцом. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу отвезти в ней раненого поэта». Он принял предложение, но отказался от другого, «сделанного... Дантесом, — скрыть участие его в дуэли. Не сказав, что карета барона Геккерена, Данзас посадил в неё Пушкина, сев с ним рядом».

Когда карета подъехала к дому на Мойке, нелёгкая доля досталась Данзасу — первому подняться и сказать жене о ранении мужа. Сказал, что оно лёгкое, — он очень на это надеялся. Не ушёл из этого дома и пробыл неотлучно с Пушкиным до последнего его вздоха. Намеревался проводить гроб до Святых гор, но должен был предстать перед судом. Перед судом своей совести К.К. Данзас оставался всю жизнь. На протяжении тридцати трёх лет нёс тяжёлый крест! Не мог не понимать, что с момента выстрела Дантеса перед Историей в ответе он был один.

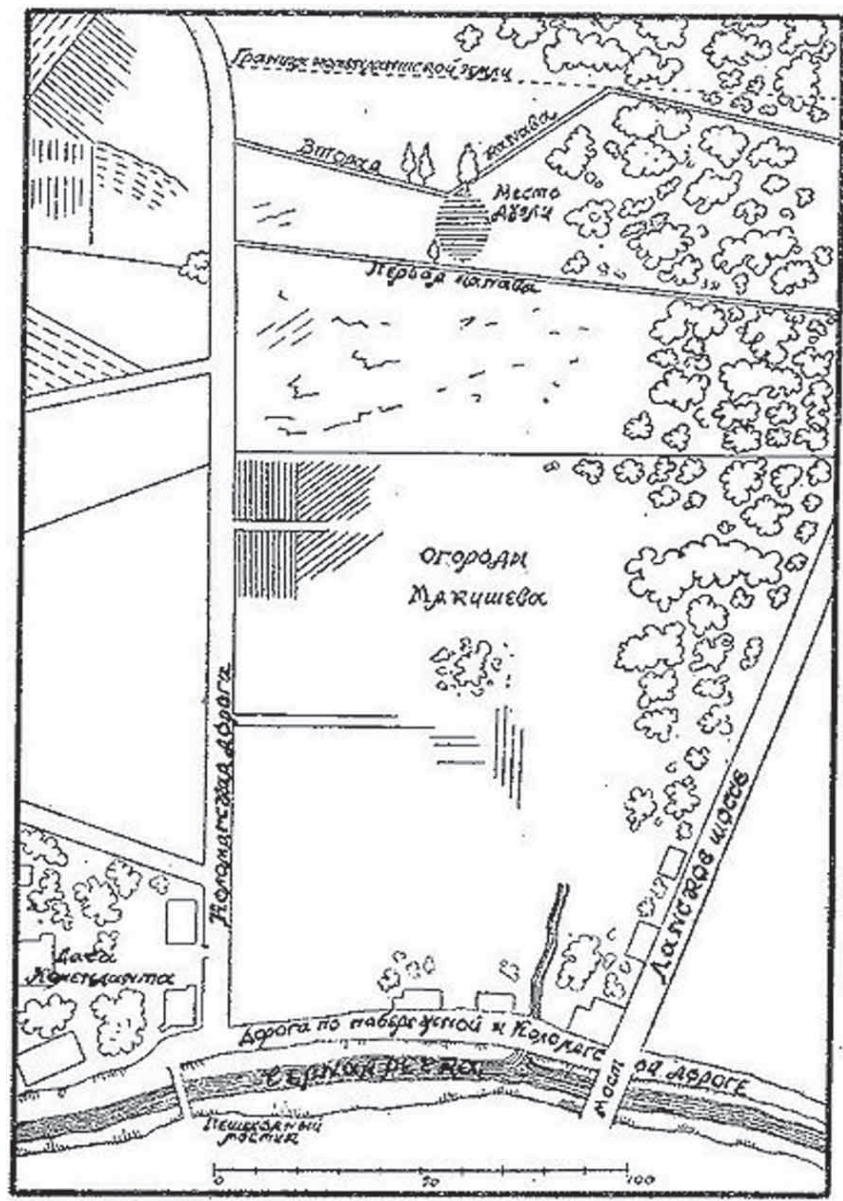
Я снова в Петербурге. Упросил своего друга Гелия Николаевича Станкевича, по профессии гидролога, в семье которого всякий раз нахожу радужный приют, помочь мне в моих исследованиях. Он охотно откликнулся на моё предложение, и мы, захватив с собой компас, рулетку, планшет, отправились на Чёрную речку. Трижды измерили расстояние, как указывал Исаков, от набережной Чёрной речки, где находилась дача коменданта, до места дуэли. Измерили в прямом и обратном направлении, предварительно пересчитав сажени в метры. Сделали план местности, выдержав его масштаб с планом 1858 года. Место изменилось до неузнаваемости. По бывшим огородам Мякишева ныне бегут электропровода в Сестрорецк, построены жилые дома. На левой стороне Коломажского проспекта разместились крупный завод, с севера — расположены предприятия... Город со всех сторон приблизился к небольшому треугольнику более чем полувековых тополей, лип... Берёз немного, их всего полтора десятка. Город нависнул на этот крохотный клочок земли, летом зелёный. И остановился. Дальше пути нет.

Измерения показали, что место дуэли находится на 85—100 метров южнее установленного монумента. Дополнительным подтверждением результатов может служить ныне существующий ров, часть которого является средним отрезком второй канавы на плане XIX столетия. Для отвода паводковых и ливневых вод при строительстве железнодорожной ветки и реконструкции Коломажского проспекта направления концевых отрезков этой канавы были изменены: северный отрезок принял направление вдоль полотна железной дороги, южный — в трубу, под переезд, и далее — в Чёрную речку.

Совсем не убеждённый, что монумент необходимо перенести, отнюдь нет. В будущем, думаю, может возникнуть возможность установить здесь соответствующий знак.

Всеволod ЧУБУКОВ

(всего до этого пункта от Чёрной речки 223 сажени); потом, свернув с дороги вправо по второй канаве, на которой стоят три берёзы, и, отмерив от дороги ровно 38 сажен, что придётся как раз до третьей берёзы, около которой вправо есть лощина в 25 метров длины и ширины. На этой-то лощине, не представляющей никаких признаков лесной растительности, и был, по указанию секунданта Пушкина, смертельно ранен дорогой и незабвенный наш поэт. Теперь близ этой лощины,

возникло то, что на ней происходило. Избрав это место, они утоптали ногами снег на том пространстве, которое нужно было для поединка...» Слова Данзаса: «Саженьях в полутора от Комендантской дачи» соответствуют плану местности Исакова — расстоянию от дачи до окончания глухого забора, однако он не указал, сколько надо было ещё пройти до выбранного места.

Не надо думать, что извозчики не понимали, кого, куда и зачем привез-

которое время Пушкин в медвежьей шубе до пят и Дантес на неком расстоянии друг от друга, иначе и быть не могло, обдумывая грядущие минуты, прошли по Коломажской дороге более 315 метров. Данзас и д'Аршиак увидели справа лошину и, утопая в снегу по колено, направились к ней. Из несложных расчётов плана Исакова это расстояние равно 75 сажням (160 метров). Всего они прошли 476 метров, то есть почти с полверсты (верста — 1067 метров).

Секунданты вытоптали тропинку шириной в аршин (0,71 метра) и длиной в 20 шагов. Им помогал Дантес. Пушкин сидел на сугробе и жал, когда всё будет готово. Шинелями отметили барьеры, между ними было 10 шагов (зимой это около восьми метров). Расставили дуэлянтов, зарядили пистолеты. После этого Данзас, подняв шляпу, дал команду противникам сойтись... Место дуэли никого не волновало — оно было выбрано второпях, чтобы поскорее укрыться от ветра. Главное — поединок.

Ясно и другое. Выстрелы прозвучали, когда солнце уже скрылось за горизонтом, после чего в течение считанных минут очень быстро вечерние сумерки перешли в темноту. Астрономическая обсерватория Петербурга на запрос о заходе солнца в тот день 1837 года сообщила: «Заход солнца — 16.59».

День был ясным, солнечным. Значит, последние отблески только что зашедшего солнца могли отсвечиваться на снегу. Это обстоятельство на несколько мгновений продлило короткий световой день, предоставив противникам возможность сделать по одному прицельному выстрелу. Думаю, что при их безрезультативности и подготовке к повторным последним могли быть не произведены вообще или были бы сделаны в наступившей темноте. Тогда исход дуэли мог быть иным. По самым скромным подсчётам на всё ушло свыше сорока минут. Когда прозвучал выстрел Дантеса и ответный Пушкина, было уже десять-двадцать минут шестого. День перешёл в густые сумерки.

Убедившись в бесплезности продолжения дуэли, Данзас «с д'Аршиаком подождали извозчиков... разобрались находившийся там из тонких жердей забор, который мешал саням подъ-

Хранитель есенинской Руси

40 дней нет с нами поэта Юрия Паркаева

Он родился на Варварке, только не московской, а нижегородской. Первые месяцы провёл в общежитии медиков, которое находилось рядом с Мытным рынком. Здесь, на Алексеевской, останавливался Пушкин, не раз побывавший в Нижнем в своей «блуждающей судьбе». Когда Муза осенила Паркаева песенным даром, «Нижегородская лирическая» на его стихи стала неофициальным гимном «третьей столицы»:

*Что говорить — я люблю
Петербург и Москву,
И разлюбить их не в силах
покуда я живу.
Но я спешу в удивительный
город мой
В Нижний Новгород —
это значит домой.*

Песни, созданные на стихи Юрия Паркаева, звучали и продолжают звучать в исполнении многих популярных звёзд эстрады — Э.Хили и Э.Пьехи, И.Кобзона и В.Хилябидзе, В.Леонтьева. Поэта любили и привечали в разных уголках России, но особенно, конечно, на родине. Вдохновлённые стихами именитого земляка, участники встречи в г. Павлове-на-Оке высказали предложение об учреждении Паркаевских чтений. Юрий Александрович скромно заметил, что обычно подобные дни устраиваются после смерти поэта. Но литераторы решили изменить традицию. В Павлове регулярно в течение 10 лет проходили праздники под

названием «Малая Родина» с участием Юрия Паркаева.

В Ленинграде, где Паркаев оказался юношей, он посещал литобъединение вместе с Г. Горбовским, И. Бродским, А. Кушнером, В. Соснорой, Н. Рубцовым. Но учился Юрий Александрович в Москве, здесь работал в «Комсомольской правде», «Социндустрии», в журнале «Молодая гвардия». Первопрестольному он нежно и преданно любил. В Старокопненном переулке, где обитал поэт, в течение долгих лет перебивало множество писателей, художников, артистов со всей страны.

Он носил звание лауреата премии Алексея Фатьянова, международной премии Андрея Платонова, издал много поэтических книг — «Испытание» (1967), «Гора Городина» (1989), «Ветер перемен» (2006). Но больше всего сил отдавал любимому поэту — Сергею Есенину. Неподальёку от гостеприимного паркаевского дома, на Сивцевом Вражке, 44, в квар-

тире первой жены Есенина — Анны Изрядновой, где поэт по-гоголевски съёл свои рукописи перед роковым отъездом в Ленинград, в 1994 году усилиями народного артиста России С.П. Никоненко и его супруги Е.А. Ворониной был создан Есенинский культурный центр. Его бессменным президентом и стал Ю. Паркаев.

Паркаев был страстным библиофилом, собирателем редких книг, в том числе автографов и прижизненных изданий Есенина, о каждом дне жизни которого знал всё. Нет, кажется, сопровождал любимого поэта в его странствиях по «всему Тверскому околотку». Неудивительно, что в Институте мировой литературы Юрий Александрович занимался редактированием семитомного академического издания С.А. Есенина. «Есенинский» роман Паркаева «Никакая Родина другая» стал событием. А ещё ушедший от нас поэт посвятил Есенину много проникновенных строк:

*Поёт метель
на громовых аккордах...
В такую ночь, куда ни повернись,
За сотнями огней
большого города
Всё вижу ту, есенинскую Русь...*

Без Паркаева опустела литературная Москва. Его помнит Нижний Новгород и не забудет Россия.

«ЛГ»

ВЫСТАВКА

Акценты форума

В Минске состоялась XX Международная книжная выставка-ярмарка, почётным гостем которой уже во второй раз была Российская Федерация. Среди многочисленных мероприятий, проходивших на российском стенде, особое внимание вызвали выступление писателя Александра Проханова и презентация двуязычной антологии белорусской поэзии в серии «Из века в век. Славянская поэзия XX—XXI веков». В рамках ярмарки в Национальной библиотеке Беларуси состоялась презентация новой книги рассказов Алеся Кожуды «Эликсир жизни», выпущенной в белорусском издательском доме «Звезда».

Соб. инф.

ПАРОДИИ

Стихорождённое

*Стихи рождаются,
как дети!
Андрей Линенбург*

*Стихи рождаются,
от доброты, надежды, зла,
От законного ненастья,
От батарейного тепла.*

*Стихи рождаются,
как дети,
Я нарожал их столько, чёрт,
И есть ли кто-нибудь на свете,
Готовый сделать мне аборт?*

от Евгения МИНИНА

Первоначатное

*Вот и пережили мы книгу,
На глазах целый мир помер,
Не готовый к такому сдвигу;
До свидания, Гутенберг!*
Алексей Машевский

*Я от этих идей не в восторге
Сетевой грядёт ураган.
Гибнет книга. И всё ж в итоге
Ты не плачь, дорогой Иосан!
И со всеми я спорить буду:
Смерть печатных изданий —
ложь!
И пока печатаюсь всюду
Ни за что, Гутенберг, не умрёшь.*

Офигенное

*Живу в свете и обмане
с надеждой на лучший исход,
а девушка с фигой в кармане
любви, как спасения, ждёт.*
Григорий Шувалов
**Я вас познакомлю с интригой,
такие случались дела:
Хорошая девушка с фигой
в квартире напротив жила.
Я был от любви как в тумане
и верил в счастливый финал,
про девушку с фигой в кармане
отчаянно я написал.
Хотел подарить свою книгу,
где всё рассказал о былом...
Но девушка вынула фигу —
и это был полный облом!**

В Китае жил Дэн Сяопин,
Три жизни прожил он, считай,
Поскольку был он важной чин
И пил лишь водку «Маотай».

Другие пили самогон,
Ведь был их заработок мал,
И ежедневно миллион
От отравления помирал.

И тут же миллионы пять
На смену им рождалось вновь,
Чтоб неуклонно проявлять
К стране и партии любовь.

Был невелик доход того,
Кем не заслужен важный чин,
Ведь думу думал за него
В Пекине вождь Дэн Сяопин.

А чтобы вождь сумел понять,
Как сможет расцвести Китай,
Он должен чаще отдыхать
И пить под вечер «Маотай».

Порой проблема так остра,
Что весь сознательный Китай
Поймёт вожда, коль он с утра
Уже налёг на «Маотай».

А впрочем, понимать вождей —
Не дело нашего ума.
Они для нас, простых людей,
Духовность высшая сама.

Но знал китайский гражданин:
Трудись — и вызовет в Пекин
Тебя сам вождь Дэн Сяопин
И, как уж ты ни возражай,
Он скажет сам тебе: «Чин-чин» —
Разлив по рюмкам «Маотай».

Андрей ДОБРЫНИН

ПЕРЕСМЕШНИК

Ваш корреспондент в гостях у известного писателя Н.Н. Имя и фамилия намеренно опускаются, так как упоминание в СМИ противоречит его принципам. Итак:

— Как вам удалось стать писателем? — не мудствуя лукаво, спрашиваю о главном.

— Вопрос, конечно, интересный, — изрекает мой со-

— Ну как кому? Тем, кто пишет, издаётся, переиздаётся...

— Я им сочувствую.
— Но всё же, — не могу взять в толк, — как вам удаётся не брать в руку пера? День за днём... и ни строчки?!

— Честно говоря, я и сам не знаю, — признаётся маститый писатель. — Я же сказал: было время — висел

ты вать при приёме в нашу организацию, — сразу посуровел мэтр начинания.

— Кроме того, мы планируем областные, зональные, а затем и республиканские семинары, где будем по крупицам собирать и обобщать опыт: как победить в себе неодолимое желание писать и публиковаться.

— Что бы вы посоветовали начинающим авторам?

на волоске, но... Бог милостив.

— Нет, вы гигант! Человечески! — невольно вскрикиваю.

— Ну что вы! — тушует-ся мастер не сюжетной, не бессюжетной прозы. — Задатки не писать есть у каждого. Надо лишь упорным трудом развивать их, развивая... И неустанно, капля по капле выдавливать из себя тягу к чистому листу, пока совсем не отучитесь мараить бумагу.

— Не чувствуете ли вы одиночества, когда вся, кому не лень, скрипит пером и насилует компьютер: стихи, повести, мемуары...

— Вы правы, — откровенничает последний из могикан. — Нас единицы, но, чтобы выжить, мы намерены объединиться.

— То есть?

— Учредить Союз неписателей. Или — СНеп.

— Любопытное начинание. И каковы же будут условия приёма в новый союз?

— Ни одной публикации, ни одной рукописи в столе. И без замыслов, понятное дело, без замыслов!

— А как с теми, кто, был грех, пописывал, но потом...

— Чистосердечное раскаяние будет, конечно, учи-

— Не начинать.

— А тем, кто уже начал?

— Не продолжать.

— Ну а если писатель пло-

довит, к тому же при литературных чинах, регалиях...

— Тяжёлый случай! — взды-

хает Н.Н. — Запретительные меры не помогут, просветительные тем более.

— Где же выход?

— Думаю, их следует окружить вниманием и заботой, — тепло улыбаются наставник заблудших. — Потерянное поколение, пусть тешит-ся иллюзией величия.

— Допустим. Но как быть со всей этой литературой? Так сказать...

— До предела отжать — и воду слить, — решительно заключает автор незадуманных и ненаписанных эпических полотен и бесчисленных миниатюр.

— И что же останется? — восклицает, рискуя прослыть непроходимым тупицей.

— Что уж останется, — скупороняет знаменитый нероломист, неновеллист, незесеист. И барабанит пальцем по циферблату своих часов: время!

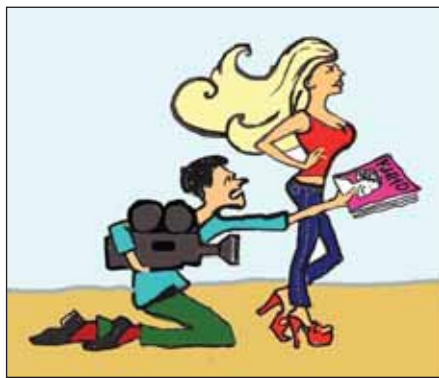
Попрошавшись с Н.Н., невольно чешу затылок: ну как это, в самом деле: день за днём... и ни строчки? Как это?!

Владимир КАДЯЕВ,
САРАТОВ

Напоминаем, что чувство юмора авторов не всегда совпадает

К ДНЮ СВ. ВАЛЕНТИНА

Замуж за президента

Мария ПОНИКАРОВА

К мерчендайзеру Лёшке Златонову пришла любовь в лице и в пышном теле Сони Колбасюк, преуспевающей модели фирмы женского нижнего белья.

— Будьте моей! — сказал пылко ей Златонов, вложив в эту короткую фразу всю свою неземную страсть.

— Если я за кого и выйду замуж, то только за кинорежиссёра!

Златонов был человеком действия. Он забросил профессию мерчендайзера и поступил на курсы режиссёров. Снял фильм, другой, третий. Создал собственную киностудию — «Златонов-продакшен». Через пару лет его имя замелькало в светской хронике, а ещё через пару и фамилия замелькала. Его красное лицо украсило обложку журнала «Кино», а всё остальное украсило страницы журнала Playgirl.

— Будьте моей в конце-то концов! Ну что за дела? — буркнул он Соне Колбасюк, тыча ей в руки журнал «Кино» со своей рожой на всю обложку.

— Если я за кого выйду замуж, то только за банкира, — гоготнула игриво Соня и, крутя бёдрами, удалась с преуспевающим банкиром Ковноком.

Продал Лёшка Златонов киностудию. Занял денег у союза кинематографистов и открыл свой первый банк. Потом второй, третий. Стали, как заведено у олигархов, ездить с девушками в Куршевель. А всё Сою Златонов забыть не может.

— Ну, будьте же вы моей, ёлы-палы! Что вы меня за лоха держите! — мямлил он, плетясь за ней по подиуму.

— Если я когда-нибудь и отдам кому-то свою красу, то это будет только чемпиону мира по боксу. Верно, милый? — она красиво потёрлась о крупного мужика с короткой стрижкой и неандертальским лицом. Звали того парня Николаем.

Продал Златонов свои банки и стал тренироваться три раза в день. Через год побил братьев Кличко одновременно, ещё через год завалил во втором раунде Николая Валуева, ещё через год зачем-то на всякий случай Дольфа Лундгрена, Марата Сафина, Карпова, Каспарова,

СНЕГОВИКИ «КЛУБА ДС»

Юрий КОСОВИЧ

ВНИМАНИЕ — КОНКУРС!

Где ж вы, бодрые задиры?

Недавно, сдавая в бухгалтерию данные наших авторов, мы совершенно случайно заметили, что их средний возраст далеко не юношеский. «Эге, — подумали мы с Петром Ивановичем. — Где ж вы, бодрые задиры?» Действительно, парадокс: среди читателей молодёжи полным-полно. А сами сочинять не торопятся.

Чтобы привести в действие дремлющие под спудом юмористические силы, «Клуб 12 стульев» объявляет конкурс на лучшие юмористические произведения для авторов не старше 30 лет.

На конкурс принимаются любые юмористические произведения: рассказы, стихи, пародии, рисунки и т.д., и т.п.

Победители будут названы в конце мая, чтобы летом ваши таланты могли окрепнуть. Понадобится — продолжим.

Свои произведения с пометкой «Конкурс «30 минут» присылайте на адрес редакции или на сайт satiga@lgz.ru Не забывайте указывать свои данные. Успехов!

КУЛЬПОХОД

В том саду...

Московский театр «Сфера» представил премьеру спектакля по пьесе А. Чехова «Вишнёвый сад».

Видимо, администратор «Клуба ДС» был приглашён, поскольку автор позиционировал «Вишнёвый сад» как комедию. Правда, начиная со школьной скамьи это у всех вызвало недоумение. В пьесе нет ничего комического. Нет даже сейчас, когда такие категории, как первоначальное накопление капитала, банкротство, смена собственности, в последнее время стали намного ближе и понятнее нашим зрителям.

Трактовка «Сферы» весьма традиционна. Новации объясняются лишь спецификой помещения этого театра, где зрители сидят вокруг сцены, как в цирке вокруг арены. Казалось бы, такое расположение придёт лишь для фокусов гувернантки Шарлотты Ивановны. Ан нет, благодаря продуманной режиссуре постановщика Александра Коршунова бедотня персонажей в разных направлениях придаёт «сферическому» «Вишнёвому саду» динамичности — качества, которым не отличается сама пьеса.

Наиболее удачно получилась середина спектакля, где прекрасно передано напряжение, с которым семейство Раневской ожидает возвращения Лопахина с торгов. Да и приезд юнориста тоже великолепен. А вот финал явно затянут, хотя в данном случае это поправимо: спектакль только делает первые шаги, ещё есть возможность для доработки.

Зато некоторые артисты настолько хороши в своих ролях, что им уже тут расти некуда. В первую очередь это относится к Т. Филатовой (Раневская), О. Аксёновой (Варя) и Р. Кадярову (Лопахин).

А. Х.

с чувством юмора редакции

Музыка кино романсы и песни из любимых кинофильмов
К 90-летию композитора
Исаак ШВАРЦ
Я слышу музыку, что связывает нас...
25 МАРТА ПОНЕДЕЛЬНИК 19.00
СЕЗОН 2012/13
КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ имени П. И. Чайковского
(Покровская пл. 4/31)
(495) 730 30 73
Соллисты Большого театра России
Дарья ЗЫКОВА сопрано Николай КАЗАНСКИЙ бас
Вокалисты телепроекта «Голос»
Дина ГАРИПОВА Эльмира КАЛЛИМУЛЛИНА
Эдвард ХАЧАРЯН
Победитель XIII международного телевизионного конкурса юных музыкантов — «Щелкунчик»
АРСЕНИЙ ШУЛЬГИН фортепиано
РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРКЕСТР
Художественный руководитель и главный дирижёр — Михаил ПЛЕТНЕВ
Дирижёр — Павел СОРОКИН
Гости — звёзды киноэкрана
Заказ билетов:
(495) 232 04 00 или на meloman.ru
Продюсер Мила ШВАРЦ

Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского

Виктор ПИКАЙЗЕН
скрипка
К 80-летию

НАЧАЛО: 19.00 • БИЛЕТЫ В КАССАХ КОНСЕРВАТОРИИ ☎ 629-9401 • www.mosconsrv.ru

15 февраля БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Камерный оркестр Московской консерватории
«МОСКОВИЯ»
Дирижёр — Эдуард ГРАЧ
Виктор ПИКАЙЗЕН (скрипка)
Екатерина ЛУКОВСКАЯ-КУЛИКОВА (скрипка)
Николай ЦИНМАН (скрипка)
В программе: БАХ, ВЕНЯВСКИЙ, ЧАЙКОВСКИЙ

22 февраля МАЛЫЙ ЗАЛ

Татьяна ПИКАЙЗЕН (фортепиано)
В программе: ЛИСТ, ЧАЙКОВСКИЙ

28 февраля МАЛЫЙ ЗАЛ

«ТАЙНЫ МАСТЕРСТВА»
(абонемент №22)
Виктор ПИКАЙЗЕН (скрипка)
Татьяна ПИКАЙЗЕН (фортепиано)
В программе: МОЦАРТ, ШУБЕРТ, САРАСАТЕ, БЛОХ, ИЗАН

Книги, присланные в редакцию

Виктор Гусев-Рошинец. Шпион неизвестной родины. — М.: НПП «Практик», 2012.

Николай Смирнов. Варакшенков. Автобиография. — Новомосковск, 2012.

Шамиль Куряев. Ареал обитания. — СПб.: Алетейя, 2012.

Эдуард Графов. Если мне изменит память. — М.: Сам Полиграфист, 2013.

М. Судовиков. Герцен: сюжеты вятской жизни. — Киров: О-Кратное, 2012.

Юрий Кириенко-Малюгин. Есть божий Суд... (повесть-предупреждение). — М.: НО «Рубцовский творческий союз», 2012.

Александр Филатов. Список Магничного, или Дети во сне не умирают... Роман. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013.

Владимир Прасолов. Золото Удерея: Роман. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013.

П.И. Ковалевский. Кавказ. Народы. История завоевания. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012.

Ксения Крутова. Я — ДубльВэ. — М.: Издательство «Эра», 2012.

Виталий Мухин. Жабо для жабы. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2013.

Николай Сулим. Тайна творчества. Юмористические рассказы, юморески. — М.: Советский писатель, 2012. Виктор Дружинин. Слова и рифмы. Двуступня. — Саров: Альфа, 2012.